

ISSN 0868-5169

Р 4(108)' 2020 РЕГИОН

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ

Журнал основан в 1963 г. Издавался под названием «Известия СО АН СССР, серия общественных наук», в 1993 г. зарегистрирован как самостоятельное научное издание – «Регион: экономика и социология». Выходит четыре раза в год.

Издатель: Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации
промышленного производства (ИЭОПП)
Сибирского отделения
Российской академии наук

Учредители: Сибирское отделение РАН,
ИЭОПП СО РАН,
Исполнительный комитет Межрегиональной
ассоциации «Сибирское соглашение»

Редакционная коллегия:

В.Е. Селиверстов (главный редактор), Т.Ю. Богомолова (заместитель главного редактора), В.И. Суслов (заместитель главного редактора), С.Р. Халимова (выпускающий редактор), Е.С. Копылова (ответственный секретарь), Е. Баньски (Польша), Б. Батбуян (Монголия), Дж. Батчлер (Великобритания), Н.Д. Вавилина, Т.С. Вертинская (Республика Беларусь), В.М. Геец (Украина), Б.С. Жихаревич, Е.А. Коломак, Н.А. Кравченко, Ж.А. Кулекеев (Казахстан), В.В. Кулешов, Ю.Г. Лаврикова, В.Н. Лексин, Л.В. Мельникова, П.А. Минакир, Н.Н. Михеева, А.С. Новоселов, И. Пальне-Ковач (Венгрия), А.Н. Пилясов, Б.Н. Порфирьев, Б.Г. Санеев, С.В. Соболева, Ш. Табата (Япония), Г.А. Унтура, О.П. Фадеева

Адрес редакции: 630090, г. Новосибирск,
просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

**Экономические проблемы
развития регионов**

- Коломак Е.А., Незавитина А.О.* Оценка роли крупных городов и агломераций в городской системе России (на примере рынка жилья) 3
- Хржановская А.А.* Религиозная неоднородность: барьер или фактор экономического развития регионов России? 23

**Социальные проблемы
регионального развития**

- Черкашина Т.Ю., Мосиенко Н.Л.* Пространственная мобильность населения внутри и за пределы региона: социальные и инфраструктурные факторы неравенства 44
- Низамутдинов М.М., Орешиников В.В.* Разработка комплекса эконометрических моделей влияния социальной инфраструктуры на параметры демографического развития регионов России 78
- Волков С.К., Кетько Н.В.* Сельские территории современной России: тренды развития и механизмы трансформации (на примере Волгоградской области) 100

**Региональные и межрегиональные аспекты
структурной и инвестиционной политики**

- Фадеева О.П., Нефёдкин В.И.* Аграрное землепользование в России и в регионах Сибири в условиях цифровой трансформации 123
- Быков А.А.* Факторы внешней среды, влияющие на состояние и развитие агропродовольственного рынка Сибири 151
- Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А.* Особенности развития хозяйствующих субъектов аграрной отрасли Пензенской области и Республики Татарстан 175

**Трансграничные взаимодействия
в Северной и Северо-Восточной Азии**

- Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А.* Инвестиции и трансграничная кооперация на Востоке России 202

**Эколого-экономические проблемы
регионального развития**

- Мишулина С.И., Матова Н.И.* Особенности проявления социально-экологической ответственности бизнеса в отечественной индустрии туризма 235
- Содержание журнала за 2020 г. 260

Economic Issues of Regional Development

- Kolomak, E.A. and A.O. Nezavitina.* Assessing the Role of Large Cities
and Agglomerations in the Russian Urban System (case study of housing market) 3
- Khrzhanovskaya, A.A.* Religious Heterogeneity: a Barrier or a Factor of Economic
Development in Russia? 23

Social Issues of Regional Development

- Cherkashina, T.Yu. and N.L. Mosienko.* Spatial Mobility of Population Inside
and Outside the Region: Social and Infrastructural Factors of Inequality 44
- Nizamutdinov, M.M. and V.V. Oreshnikov.* Designing a Set of Econometric Models
to Measure the Impact of Social Infrastructure on Demographic Development
Indicators in Russian Regions 78
- Volkov, S.K. and N.V. Ketko.* Rural Areas in Modern Russia:
Development Trends and Transformation Mechanisms
(case study of Volgograd Oblast) 100

**Regional and Interregional Aspects
of Structural and Investment Policy**

- Fadeeva, O.P. and V.I. Nefedkin.* Agrarian Land Use in Russia and Siberian
Regions Under Digital Transformation 123
- Bykov, A.A.* Environmental Factors Affecting the State and Development
of the Siberian Agri-Food Market 151
- Gabdrakhmanova, G.F. and E.A. Sagdieva.* Features of Economic Entities Development
in the Agricultural Industry of Penza Oblast and Republic of Tatarstan 175

**Cross-Border Interactions
in North and North-East Asia**

- Glazyrina, I.P., L.M. Faleychik and A.A. Faleychik.* Investment and Cross-Border
Cooperation in the East of Russia 202

**Environmental and Economic Issues
of Regional Development**

- Mishulina, S.I. and N.I. Matova.* Features of Business Socio-Environmental
Responsibility Manifestation in Domestic Tourism 235
- Contents over 2020 260

УДК 332.13

Регион: экономика и социология, 2020, № 4 (108), с. 3–22

Е.А. Коломак, А.О. Незавитина

**ОЦЕНКА РОЛИ КРУПНЫХ ГОРОДОВ
И АГЛОМЕРАЦИЙ В ГОРОДСКОЙ
СИСТЕМЕ РОССИИ
(на примере рынка жилья)**

Вопрос о положительном влиянии крупных городов на сбалансированное развитие территории в России остается дискуссионным. Цель настоящей работы состоит в оценке роли крупных городов и городских агломераций в развитии городской системы России. Для этого с использованием косвенного показателя экономической активности, которым выступает цена квартир, изучается влияние соседнего большого города и факта включенности в агломерацию на рынок жилья малых и средних городов. Основные тестируемые гипотезы анализа: 1) агломерации оказывают позитивное влияние на небольшие города, входящие в них; 2) большие города оказывают положительное влияние на окружение; 3) влияние большого города определяется размером его рынка и расстоянием до него. Методом анализа служат эмпирические и регрессионные оценки. Результатом анализа стало подтверждение доминирования положительных внешних эффектов как влияния крупного города, так и вхождения в городскую агломерацию во взаимодействии городского центра с небольшими городами. Важность институциональной составляющей, связанной со статусом агломерации, оказывается сопоставимой с ролью рыночного компонента, формирующегося благодаря кооперативным связям между производителями и потребителями агломерационного центра и небольших городов региона. Использование ресурса городской системы в России требует политических решений, включая закрепление статуса городской агломерации и устранение барьеров межмуниципального взаимодействия.

Ключевые слова: город; агломерация; городская система; внешние эффекты; рынок жилья; рыночный потенциал; Россия; эмпирический анализ

Для цитирования: Коломак Е.А., Незавитина А.О. Оценка роли крупных городов и агломераций в городской системе России (на примере рынка жилья) // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 3–22. DOI: 10.15372/REG20200401.

ВВЕДЕНИЕ

Большие города и агломерации аккумулируют человеческие, финансовые, экономические и инновационные ресурсы, благодаря чему выступают точками роста, крупнейшими производителями и источниками прогресса. Основой высокой продуктивности крупных городских образований являются снижение производственных и транспортных затрат фирм, низкие издержки взаимодействия всех экономических агентов, крупный и диверсифицированный рынок труда, развитая специализированная инфраструктура, активный обмен информацией и нематериальными ценностями, более быстрое и эффективное обучение, передача опыта и широкое распространение знаний [1; 14; 15; 18–20]. Однако агломерационная структура экономической активности оказывается эффективной в масштабах всей страны и не создает пространственных дисбалансов развития только в том случае, когда крупные города способны транслировать импульсы роста за пределы своих территорий и в состоянии создавать мультипликаторы развития для окружения, включая средние и малые города [2; 5].

Генерирование крупными городскими образованиями положительных внешних эффектов имеет очень важное значение для России. Российская Федерация – страна с огромными территориями и большими расстояниями между населенными пунктами. В ситуации удержания масштабных пространств относительно небольшим количеством населения городам и образованным на их основе агломерациям отводится особая роль в системе расселения и в перспективных государственных разработках. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации и в других документах долгосрочного планирования федерального и субфедерального уровней большие города

и агломерации рассматриваются как полюса роста, а регионами разрабатываются программы развития агломерационных центров. Эти политические инициативы исходят из предположения, что крупные города способны передавать импульсы экономического развития всей экономике и стимулировать социально-экономический рост соседних территорий.

Но вопрос о позитивном влиянии мегаполисов на сбалансированное развитие территорий остается дискуссионным. Примеры теряющих население небольших городов и затухающей деловой активности в них приводятся в качестве аргументов о деградирующем воздействии крупных городов на пространственное развитие [5; 7]. Для понимания общей картины требуются оценки агрегированного результата и доминирующей тенденции во взаимодействии центров деловой активности и их окружения.

Малые и средние города формируют значительную часть городской системы России, в них проживает около третьей части городского населения, они играют важную роль в поддержании пространственной связности страны и во взаимодействии по оси «центр – периферия» [2; 7]. Оптимальный механизм предполагает, что крупные города, выступающие центрами, должны передавать импульсы развития периферии, которая, в свою очередь, выступает источником внешних ресурсов развития и является площадкой, куда распространяются адаптированные инновации, а также может перемещаться бизнес, не выдерживающий конкуренции в крупном городе. Связи центра и периферии, в которых эффект распространения доминирует над эффектом концентрации, позволяют сокращать пространственное неравенство. Стагнация же городской периферии является препятствием как для усвоения ею импульсов развития, так и для развития в будущем самого центра.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Существует довольно много исследований, подтверждающих положительное влияние урбанизации на производительность и заработную плату. Концентрация ресурсов в городах создает выгоды в отношении размера и гибкости в производстве продукции, и эти преиму-

щества тем больше, чем крупнее город [1; 7; 18–20]. Результат влияния большого города на окружение зависит от тесноты и структуры кооперационных связей, от развития технической и институциональной инфраструктуры взаимодействия внутри страны. Доминирование отрицательных или положительных эффектов взаимодействия в рамках городской агломерации выявляется на основе эмпирического анализа. Примерами таких исследований являются работа М. Брюльхарта и Ф. Сбергера [11], в которой оценивается влияние агломерационного процесса на выпуск продукции в стране, а также статья коллектива из Японии [8], посвященная выявлению связи между доходом населения и наличием в стране городской агломерации. Существует так называемая «гипотеза Уильямсона», согласно которой агломерация стимулирует рост выпуска продукции до определенного уровня экономического развития и с течением времени агломерационные преимущества становятся менее значимыми. В частности, М. Брюльхарт и Ф. Сбергера [11] специфицировали модель, где в качестве показателя развития использовался средний темп роста ВВП в стране за период, а переменной, отвечающей за агломерацию, был индекс географической концентрации. Их вывод состоял в том, что развивающимся странам особенно важно поддерживать агломерации, если их цель состоит в увеличении темпов экономического развития. Нам известна одна работа, подтверждающая положительное влияние агломераций на развитие соседних территорий в России, в ней индикатором городского развития является показатель средних цен на квартиры [3].

Роль кооперационных связей с соседями и инфраструктуры в пространственных взаимодействиях городской системы в эмпирических работах исследуется с помощью показателя рыночного потенциала, который рассчитывается как сумма отношений дохода или численности населения соседних городов к расстоянию до них. Так как в условиях рыночной экономики спрос на производимую продукцию определяет перспективы экономики города, то емкость внешних рынков и условия выхода на них имеют важное значение [16; 17]. Развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры снижает издержки взаимодействия экономических агентов, а доход населения

определяет размеры спроса. К. Хэд и Т. Мэйер [16] построили эконометрическую модель на основе панельных данных по городам различных стран за период 1965–2003 гг. с использованием показателя рыночного потенциала. Их результаты подтвердили значимость рыночного потенциала для уровня развития города, который оценивался через среднедушевые доходы жителей.

Важность транспортной инфраструктуры в формировании пространственной структуры региона и страны доказана и в других исследованиях. Н. Баум-Сноу [9] продемонстрировал, что строительство межгосударственной автострады служит основным стимулом для урбанизации пригородных территорий. В работе Ж. Дюрантона с соавторами [13] показано, что долгосрочным эффектом строительства автострад являются возникновение новых городов и рост населения в существующих. Наличие дорог способствует не только смещению экономической активности в направлении территорий, обслуживаемых ими, но и увеличению спроса на более квалифицированную рабочую силу, в столичных же районах это приводит к большей специализации. В настоящей работе представлены результаты эмпирического оценивания влияния крупных городов, городских агломераций и их рыночного потенциала на развитие малых и средних городов России.

В первых исследованиях процессов урбанизации в качестве показателя экономического результата города использовали выпуск на одного работника. В начале 1990-х годов набирал популярность подход, состоявший в применении косвенных показателей уровня развития города, в качестве зависимой переменной в регрессионные модели включали рост занятости или прирост количества компаний. В последнее время для показателя развития города экономисты используют численность и плотность населения или их приросты, номинальные, реальные доходы населения и заработную плату, а также стоимость недвижимости [10; 12].

Особенностью российской официальной статистики является отсутствие показателя обобщающего результата экономической деятельности в городе, аналогичного валовому региональному продукту, рассчитываемому для субфедерального уровня. Поэтому при изуче-

нии уровня и динамики развития городов России используются либо собственные оценки авторов, либо косвенные характеристики экономической активности: численность населения, среднедушевые доходы, заработная плата и др. Подходы к оценке валового продукта города опираются на ряд гипотез о структурных параметрах экономики и об их изменениях, таким образом, заранее фиксируются параметры городской активности [4]. Показатель численности населения и его производные не учитывают незарегистрированных жителей и трудовую миграцию, когда люди живут в одном населенном пункте, а работают в другом. Официальные доходы населения дают смещенную оценку из-за нетоварного хозяйства, скрытых доходов и ухода от налогообложения. В нашей работе используется другой косвенный показатель – стоимость жилой недвижимости, который не лишен недостатков, но заслуживает внимания. В отличие от населения недвижимость является немобильным ресурсом, а в отличие от показателя официальных заработков цены на рынке жилья формируются под воздействием спроса, который определяется в том числе не декларируемыми источниками дохода. Кроме того, цена недвижимости служит индикатором успешности и привлекательности города во всех сферах активности: промышленности, торговле, услугах, крупном и малом бизнесе. Идея данного исследования состоит в оценке влияния на уровень цен жилой недвижимости в небольших городах соседства с крупными городскими центрами, а также принадлежности к агломерациям.

СПЕЦИФИКАЦИЯ МОДЕЛИ

Зависимой переменной в модели выступает цена предложения отдельной квартиры, а не средняя стоимость по городу, как было сделано в работе [3]. Это позволяет существенно расширить выборку, увеличить эффективность оценивания, вводить переменные, контролирующие индивидуальные характеристики жилья, влияющие на его стоимость. Отслеживание агломерационного вклада производится с помощью фиктивной переменной, которой присваивается значение 1, если город, где находится квартира, входит в агломерацию,

и, соответственно, 0, если не входит. Для корректного учета принадлежности к агломерации необходимо отделить вклад этого фактора от влияния близости к большому рынку, сосредоточенному в крупнейшем городе. Поэтому в модель включается пространственный фактор, который контролирует влияние большого города, – расстояние от города, где находится квартира, до ближайшего агломерационного центра. Предполагается, что чем ближе средний или малый город находится к крупнейшему рынку – городу-миллионнику, тем выше в нем уровень цен на жилье.

Поскольку Москва является самым большим рынком труда в стране и оказывает воздействие не только на соседние города и регионы, но и на другие субъекты Российской Федерации, в спецификацию модели вводится расстояние до Москвы. Столица притягивает ресурсы и создает миграционные потоки со всей территории России, в связи с этим проверяется предположение о ее возрастающем влиянии на стоимость жилья в городах, расположенных ближе к аналогу делового центра в масштабе всей страны.

В ряде исследований отмечается зависимость стоимости недвижимости в городе от плотности населения. Данная связь рассматривается в контексте критики регулирования высоты застройки, приводящей к разрастанию города и к увеличению цен на жилье [1]. Чтобы принять во внимание эти рассуждения, переменную плотности необходимо включить в спецификацию модели. Но эта характеристика имеет неоднозначное влияние: с одной стороны, высокая плотность населения означает большой спрос на жилую недвижимость в городе и способствует росту цены; с другой стороны, высокая плотность является результатом многоэтажного строительства, обеспечивающего снижение издержек на квадратный метр жилья. Таким образом, влияние плотности населения на стоимость жилья будет зависеть от того, какой из эффектов доминирует.

Помимо пространственных факторов необходимо включить в модель переменные, отражающие индивидуальные параметры жилья, такие как этаж, район, материал, из которого построен дом, и др. Для интерпретации оценок в терминах эластичностей и для решения проблемы разных масштабов измерений исходных данных удобнее пе-

рейти к логарифмам. В результате получаем следующую спецификацию регрессионной модели:

$$\ln P_i = \beta_0 + \beta_1 X_i + \beta_2 A_i + \beta_3 \ln(DisA_i) + \beta_4 \ln(DisM_i) + \beta_5 \ln(DenT_i) + \epsilon_i, \quad (1)$$

где P_i – стоимость квадратного метра i -й квартиры; X_i – вектор переменных индивидуальных характеристик i -й квартиры; A_i – фиктивная переменная, отражающая принадлежность к агломерации (равна 1, если город, в котором находится i -я квартира, входит в городскую агломерацию, в противном случае равна 0); $DisA_i$ – расстояние от города, в котором находится i -я квартира, до ближайшего центра городской агломерации; $DisM_i$ – расстояние от города, в котором находится i -я квартира, до Москвы; $DenT_i$ – плотность населения города, в котором находится i -я квартира.

В рамках гипотез модели «центр – периферия» влияние делового центра на окружение определяется не только расстоянием, но и размером рынка. Если следовать данной логике, то необходимо рассмотреть влияние рыночного потенциала агломерационного центра на стоимость квадратного метра жилья в этом городе. Переменная рыночного потенциала рассчитывается как отношение оценки экономической активности (в данном случае это численность населения центрального города) к расстоянию. Для тестирования влияния этого комбинированного фактора включенный в исходную модель показатель расстояния от города до центра агломерации заменяется на показатель рыночного потенциала. Модифицированная спецификация регрессионной модели записывается следующим образом:

$$\ln P_i = \beta_0 + \beta_1 X_i + \beta_2 A_i + \beta_3 \ln(MP_i) + \beta_4 \ln(DisM_i) + \beta_5 \ln(DenT_i) + \epsilon_i, \quad (2)$$

где MP_i – оценка рыночного потенциала города, в котором находится i -я квартира.

В соответствии с высказанными гипотезами ожидаются следующие результаты.

1. Предполагается, что агломерация оказывает позитивное влияние на небольшие города, входящие в нее, и они имеют более высокие

показатели развития по сравнению с населенными пунктами, находящимися за границами агломерации. То есть уровень цен на жилье, являющийся косвенной характеристикой деловой активности, должен быть выше внутри агломерации, чем за ее пределами.

2. Крупные города оказывают положительное влияние на соседние территории, в их взаимодействии с окружением доминируют эффекты распространения импульсов развития, которые затухают с ростом расстояний. Таким образом, имеет место отрицательная связь между стоимостью жилья и расстоянием от города до центра агломерации.

3. Москва является крупнейшим мегаполисом и крупнейшим рынком, она оказывает влияние на всю страну, которое ослабевает с увеличением расстояний. Предполагается положительное влияние столицы на развитие окружения, и, следовательно, стоимость жилья снижается с ростом удаленности от нее. Альтернативной гипотезой является угнетающее влияние Москвы на соседние территории, ей соответствует ситуация, когда стоимость жилья растет с увеличением расстояния до столицы.

4. Чем выше рыночный потенциал города, тем больше внешний спрос на продукцию местных производителей и лучше перспективы развития, тем более привлекательным является город и тем выше стоимость квадратного метра жилья в нем.

5. Чем выше плотность населения в городе, тем больше спрос на жилье и, как следствие, выше его стоимость. Альтернативная гипотеза состоит в том, что высокая плотность населения отражает наличие высотной застройки, что уменьшает составляющую цены земли в стоимости здания и снижает общую цену жилья.

ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ И ОПИСАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА ВЫБОРКИ

В сформированную выборку вошли малые и средние города самых больших агломераций России, за исключением Московской и Санкт-Петербургской, поскольку их вес и влияние очень специфичны. В результате данные охватывают 80 небольших городов, которые представляют Центральный, Южный, Приволжский, Ураль-

ский и Сибирский федеральные округа и соседствуют с городами-миллионниками Воронежем, Волгоградом, Ростовом-на-Дону, Казанью, Нижним Новгородом, Самарой, Уфой, Екатеринбург, Челябинском, Красноярском, Новосибирском и Омском. Часть из них входят, а часть не входят в соответствующие агломерации.

Принадлежность к агломерации определялась согласно перечню, представленному ОАО «Российский институт градостроительства и инновационного развития Гипрогор» [6]. В России официальный статистический учет агломераций не ведется, все оценки состава агломераций являются экспертными и несколько разнятся, но различия незначительны.

Для сбора данных о стоимости квартир в городах страны использовались сайты Yandex.Недвижимость и Domofond.ru. Сформированная выборка отражает предложения на январь 2020 г. и включает 1900 наблюдений, каждое из которых является ценой предложения одного квадратного метра жилья. Недостаток полученных данных заключается в риске завышения цены продавцом, так как зачастую выставляется верхняя граница стоимости квартиры, которая может снизиться в результате переговоров. Идеальными данными послужила бы цена заключенной сделки, однако такая информация является конфиденциальной. Помимо выставляемой цены квартиры исходная информация включала этаж, на котором расположена квартира, общее число этажей в доме и общую площадь квартиры. На основе этих данных определялись переменные модели.

Для того чтобы не было большого разброса цен, вызванного значительными различиями в качестве жилья, в выборку включались квартиры, удовлетворяющие следующим свойствам: однокомнатная, площадь от 30 до 50 кв. м, строительство завершено в 1980–2019 гг. Однокомнатные квартиры реже встречаются среди элитной недвижимости, а также в значительной степени спрос на них формирует молодая и мобильная часть населения, быстро реагирующая на изменения локального рынка труда.

На предварительном этапе анализа изучалась зависимость стоимости квадратного метра квартир от материала стен, расположения в городе (выделялись две зоны: центр и прочие районы) и этажа

(рассматривались три уровня: первый, средние и последний этажи). Расчеты выявили статистически значимую зависимость только от этажности, поэтому в модель была включена единственная индивидуальная характеристика квартиры. Переменная этажа была сформирована как бинарная, принимающая значения 1 или 0. Поскольку рассматривались три градации данного фактора – первый, последний и средние этажи, то в модель вводились две фиктивные переменные: фиктивная переменная, которая равна 1, если i -я квартира находится на первом этаже, в противном случае – равная 0, и фиктивная переменная, которая равна 1, если i -я квартира находится на последнем этаже, в противном случае – равная 0.

Источником информации о расстоянии между городами послужила система «АвтоТрансИнфо», в которой рассчитывается дистанция по автомобильным дорогам. Это позволяет отражать реальную пространственную доступность в отличие от расчета по географическим координатам. Плотность населения городов определялась по базе данных показателей муниципальных образований Росстата. Описательная статистика по тестируемым переменным представлена в табл. 1 и 2.

Данные описательной статистики не опровергают выдвинутые гипотезы. Средняя стоимость квадратного метра жилья на 10 тыс. руб. ниже в городах, которые не входят в городские агломерации. Расстояние до центра агломерации в среднем меньше для городов, принадлежащих к агломерациям, что является ожидаемым, поскольку близкое расположение способствует формированию трудовых, производственных, организационно-хозяйственных и административно-управленческих связей. Плотность населения в среднем выше в городах, принадлежащих к агломерации. Средняя численность населения города, находящегося за границами агломерации, в 2 раза меньше, чем у города, входящего в агломерацию. Рыночный потенциал выше в городах, находящихся в границах агломераций.

Корреляционная матрица (табл. 3) подтверждает отрицательную связь между расположением квартиры на первом либо последнем этаже, расстоянием до агломерационного центра и стоимостью квадратного метра жилья. Принадлежность же города к агломерации,

Таблица 1

**Описательная статистика переменных для городов, входящих
в агломерацию**

Переменная	Среднее	Стандарт- ное откло- нение	Медиана	Минимум	Максимум
Стоимость квадратного метра жилья, руб.	46 868	15 112	45 113	12 500	108 333
Расстояние до агломерационного центра, км	39	19	38	12	102
Расстояние до Москвы, км	1 635	1 154	1 144	395	4 220
Плотность населения города, чел. на 1 кв. км	1 330	926	1 205	25	3 762
Рыночный потенциал города	41 794	23 299	32 958	11 339	94 442
Численность населения города, чел.	106 169	79 825	80 723	17 450	323 604

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

**Описательная статистика переменных для городов, не входящих
в агломерацию**

Переменная	Среднее	Стандарт- ное откло- нение	Медиана	Минимум	Максимум
Стоимость квадратного метра жилья, руб.	36 766	11 883	35 612	2 188	89 773
Расстояние до агломерационного центра, км	94	65	87	14	315
Расстояние до Москвы, км	1 479	1 023	1 182	384	4 394
Плотность населения города, чел. на 1 кв. км	1 027	943	817	4	4 754
Рыночный потенциал города	25 084	22 561	13 928	4 783	72 391
Численность населения города, чел.	54 774	47 844	29 270	5 518	167 354

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Корреляционная матрица переменных модели

Переменная	Стоимость квадратного метра жилья	Принадлежность города к агломерации	Расстояние до центра агломерации	Расстояние до Москвы	Плотность населения города
Стоимость квадратного метра жилья	1				
Расположение квартиры на первом этаже	-0,073				
Расположение квартиры на последнем этаже	-0,151				
Принадлежность города к агломерации	0,344	1			
Расстояние до центра агломерации	-0,324	-0,513	1		
Расстояние до Москвы	0,069	0,071	0,116	1	
Плотность населения города	0,026	0,159	0,103	-0,211	1

Источник: составлено авторами.

отдаленность от Москвы и высокая плотность населения увеличивают стоимость квартиры. Предполагалось, что может возникнуть проблема мультиколлинеарности из-за связи между переменными принадлежности к агломерации и расстояния до крупнейшего города, но эти опасения не подтвердились, соответствующий коэффициент корреляции равен 0,51, и это является допустимым.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНИВАНИЯ

При выборе методов оценивания специфицированных моделей необходимо было учесть две проблемы: 1) гетероскедастичность, возникающую из-за неоднородности выборки, сформированной из городов разных регионов; 2) эндогенность, которая может возникнуть

из-за связи плотности населения с зависимой переменной. Для решения этих проблем применялся метод инструментальных переменных с поправкой на гетероскедастичность, в рамках которого в качестве инструментов использовались лаги плотности населения. Полученные оценки регрессионных уравнений 1 и 2 представлены в табл. 4.

Все включенные в регрессию факторы можно считать статистически значимыми, направление их влияния совпадает с выдвинутыми гипотезами. Оценки двух спецификаций различаются незначительно, поэтому их можно считать робастными. Индивидуальные характерис-

Таблица 4

Результаты регрессионных оценок

Переменная	Модель 1 (с расстоянием)		Модель 2 (с рыночным потенциалом)	
	Коэффициент	P-value	Коэффициент	P-value
Константа	10,834	0,000	8,909	0,000
Принадлежность города к агломерации	0,132	0,000	0,119	0,000
Расстояние до центра агломерации	-0,136	0,000	—	—
Рыночный потенциал агломерационного центра	—	—	0,142	0,000
Расстояние до Москвы	0,022	0,023	0,015	0,097
Плотность населения города	0,014	0,052	0,016	0,028
Расположение квартиры на первом этаже	-0,086	0,000	-0,088	0,000
Расположение квартиры на последнем этаже	-0,115	0,000	-0,114	0,000
R^2_{adj}	0,20		0,21	

Источник: оценки авторов.

тики квартир показали предсказуемые зависимости: цена оказывается ниже, если квартира находится на первом или последнем этаже.

Позитивный агломерационный эффект подтвердился и в спецификации модели с расстоянием, и в спецификации с рыночным потенциалом. Включенность в агломерацию означает более активные экономические процессы в небольших городах, что положительно сказывается в том числе на рынке жилья. От близости к крупному городу выигрывают не только города, включенные в агломерацию, но и те, которые находятся за ее границами. С увеличением расстояния до регионального центра цена жилья снижается, а рыночный потенциал крупнейшего города региона оказывает положительное влияние на небольшие города, вызывая рост цен на жилую недвижимость. Причем вклады в развитие города факта принадлежности к агломерации и факта близости к крупному городу-миллионнику оказались сопоставимыми. Оценки коэффициентов эластичности при соответствующих переменных достаточно близкие, из чего следует, что роли институционального и рыночного факторов одинаково важны для динамичного развития городской системы.

Но в отношении крупнейшего мегаполиса России положительный эффект не выявлен, подтвердилась альтернативная гипотеза. Оценки коэффициентов при расстоянии до столицы положительные: чем дальше город находится от Москвы, тем выше стоимость жилья в нем. Москва сдерживает экономическую активность других регионов, стягивая человеческие и финансовые ресурсы развития. Крупный и диверсифицированный рынок труда столицы, возможности обучения и повышения квалификации, развитая инфраструктура бизнеса и досуга привлекают мобильное и активное население со всей страны.

Модель дополнительно включала переменную плотности населения города. Этот фактор можно отнести к историческим и градостроительным особенностям населенного пункта. Оценки показали положительную связь между ценой квартиры и плотностью населения, из чего следует, что концентрация спроса оказывает более сильное влияние, чем регулирование высоты застройки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преимущества больших городов и агломераций в динамике и качестве экономического развития не вызывают сомнений, однако их вклад в макроэкономические результаты страны и в сбалансированность пространственной организации экономической активности не всегда оказывается позитивным. Мегаполис и его окружение являются единой социально-экономической системой, и от того, какой эффект преобладает в их взаимодействии – расширения или вымывания, зависят успех передачи импульсов развития за границы города и возникновение пространственных мультипликаторов роста.

В данной работе на основе косвенного показателя экономического развития, которым выступала цена жилой недвижимости, изучалось влияние большого города и факта включенности в агломерацию на развитие малых и средних городов России. Анализ подтвердил доминирование положительных внешних эффектов как влияния крупного города, так и вхождения в городскую агломерацию во взаимодействии агломерационного центра с небольшими городами. Причем важность институциональной составляющей, связанной со статусом агломерации, оказывается сопоставимой с ролью рыночной составляющей, формирующейся благодаря кооперативным связям между производителями и потребителями регионального центра и небольших городов территории.

Сбалансированные и эффективно функционирующие городские системы являются основой динамичного и сбалансированного развития страны. Более полное использование их потенциала в России требует политических решений, включая определение статуса городской агломерации в структуре территориально-административного деления страны, устранение институциональных барьеров в межкуниципальном взаимодействии, кардинальное улучшение транспортной и коммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей мобильность производственных и трудовых ресурсов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 19-010-00094 «Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы»)

Список источников

1. Глейзер Э. Триумф города. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 432 с.
2. Зубаревич Н.В. Российские города как центры роста // Российское экспертное обозрение. – 2006. – № 2. – С. 19–22.
3. Коломак Е.А., Кукушкин Р.Г. Оценка влияния агломерационных процессов на рынок жилья // Мир экономики и управления. – 2019. – № 1. – С. 55–63.
4. Косарева Н.Б., Полиди Т.Б., Пузанов А.С. Экономическая урбанизация. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2018. – 418 с.
5. Лексин В.Н. «Региональные столицы» в экономике и социальной жизни России // Вопросы экономики. – 2006. – № 7. – С. 84–93.
6. Развитие городских агломераций. Аналитический обзор. Вып. 2. ОАО «Гипрогор». – URL: <http://www.giprogor.ru/2017-12-13-12-01-02/2018-01-26-13-34-51> (дата обращения: 12.08.2018).
7. Урбанистика: Городская экономика, развитие и управление: Учебник и практикум для вузов / Под ред. Л.Э. Лимонова. – М.: Юрайт, 2020. – 824 с.
8. Ago T., Morita T., Tabuchi T., Yamamoto K. Elastic labor supply and agglomeration // Journal of Regional Science. – 2018. – Vol. 58. – P. 350–362.
9. Baum-Snow N. Did highways cause suburbanization? // Quarterly Journal of Economics. – 2007. – Vol. 122 (2). – P. 775–805.
10. Baumont C. Spatial effects in housing price models: Do housing prices capitalize urban development policies in the agglomeration of Dijon (1999)? / Working Paper, Université de Bourgogne. – 2004.
11. Brulhart M., Sbergami F. Agglomeration and growth: Cross-country evidence // Journal of Urban Economics. – 2009. – Vol. 65. – P. 350–362.
12. Chauvin J.P., Glaeser E., Ma Y., Tobio K. What is different about urbanization in rich and poor countries? Cities in Brazil, China, India and United States // Journal of Urban Economics. – 2017. – Vol. 98. – P. 17–49.
13. Duranton G., Nagpal G., Turner M. Transportation Infrastructure in the US / NBER Working Papers 27254. – 2020.
14. Duranton G., Puga D. Micro-foundations of urban agglomeration economies // Handbook of Regional and Urban Economics. Vol. 4: Cities and Geography / Ed. by J.V. Henderson, J.F. Thisse. – Elsevier, North-Holland, 2004. – P. 2063–2117.
15. Fujita M., Thisse J.-F. Economics of Agglomeration: Cities, Industrial Location and Regional Growth. – Cambridge University Press, 2002. – 466 p.
16. Head K., Mayer T. Gravity, market potential and development // Journal of Economic Geography. – 2011. – Vol. 11. – P. 281–294.
17. Head K., Mayer T. The empirics of agglomeration and trade // Handbook of Regional and Urban Economics. Vol. 4: Cities and Geography / Ed. by J.V. Henderson, J.F. Thisse. – Elsevier, North-Holland, 2004. – P. 2609–2669.
18. Jacobs J. The Economy of Cities. – N.Y.: Random House, 1969. – 268 p.
19. Krugman P.R. Increasing returns and economic geography // Journal of Political Economy. – 1991. – Vol. 99. – P. 483–499.
20. Puga D. The magnitude and cause of agglomeration economies // Journal of Regional Science. – 2010. – Vol. 50. – P. 203–219.

Информация об авторах

Коломак Евгения Анатольевна (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом территориальных систем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: ekolomak@academ.org); профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1).

Незавитина Анастасия Олеговна (Россия, Новосибирск) – студентка Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1, e-mail: nastyanezavitina@bk.ru).

DOI: 10.15372/REG20200401

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 4 (108), p. 3–22

Е.А. Kolomak, А.О. Nezavitina

ASSESSING THE ROLE OF LARGE CITIES AND AGGLOMERATIONS IN THE RUSSIAN URBAN SYSTEM (case study of housing market)

A question of whether large cities make a positive impact on the balanced development of Russian territories remains open to debate. This article aims to assess the role of large cities and urban agglomerations in the development of the Russian urban system. Using housing prices as an indirect indicator of economic activity, we study how neighboring large cities and the fact of being included in an agglomeration affect the housing market of small and medium-sized cities in Russia. The main tested hypotheses of the analysis are the following: 1) agglomerations have a positive impact on the small cities that are part of them; 2) large cities have a positive impact on their neighboring territories; 3) the influence of a large city is determined by the size of its market and distance to it. We have chosen empirical and regression estimates to be the methods. The analysis results confirm the prevalent positive externalities of both large city's influence and inclusion in an urban agglomeration affecting small cities. The importance of the institutional component associated with the agglomeration status is comparable to the role of the market component formed due to cooperative relations between producers and consumers of the agglomeration.

meration center and small cities in a region. In Russia, taking advantage of urban system capabilities requires political decisions, including recognizing agglomeration status and removing barriers to inter-municipal interactions.

Keywords: city; agglomeration; urban system; externalities; housing market; market potential; Russia; empirical analysis

For citation: Kolomak, E.A. & A.O. Nezavitina. (2020). Otsenka roli krupnykh gorodov i aglomeratsiy v gorodskoy sisteme Rossii (na primere rynka zhilya) [Assessing the role of large cities and agglomerations in the Russian urban system (case study of housing market)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (108), 3–22. DOI: 10.15372/REG20200401.

*The research is prepared within the framework of the project
No. 19-010-00094 “Spatial development of contemporary Russia:
trends, factors, mechanisms” supported by funding from the Russian
Foundation for Basic Research*

References

1. Gleyzer, E. (2014). Triumf goroda [Triumph of the City]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 432.
2. Zubarevich, N.V. (2006). Rossiyskie goroda kak tsentry rosta [Russian cities as centers of growth]. Rossiyskoe ekspertnoe obozrenie [Russian Expert Review], 2, 19–22.
3. Kolomak, E.A. & R.G. Kukushkin. (2019). Otsenka vliyaniya aglomeratsionnykh protsessov na rynek zhilya [Estimating the impact of agglomeration on housing market]. Mir ekonomiki i upravleniya [World of Economics and Management], 1, 55–63.
4. Kosareva, N.B., T.B. Polidi & A.S. Puzanov. (2018). Ekonomicheskaya urbanizatsiya [Economic Urbanization]. Moscow, Institute for Urban Economics Fund, 418.
5. Leksin, V.N. (2006). «Regionalnye stolitsy» v ekonomike i sotsialnoy zhizni Rossii [“Regional capitals” in Russian economic and social life]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 7, 84–93.
6. Razvitie gorodskikh aglomeratsiy: Analiticheskiy obzor. Vyp. 2 [The Development of Urban Agglomerations: Analytical review. Iss. 2]. Giprogor OJSC. Available at: <http://www.giprogor.ru/2017-12-13-12-01-02/2018-01-26-13-34-51> (date of access: 12.08.2018).
7. Limonov, L.E. (Ed.). (2020). Urbanistika: Gorodskaya ekonomika, razvitie i upravlenie: Uchebnik i praktikum dlya vuzov [Urbanistics. Urban Economy, Development and Management: Student textbook]. Moscow, Urait Publ., 824.
8. Ago, T., T. Morita, T. Tabuchi & K. Yamamoto. (2018). Elastic labor supply and agglomeration. Journal of Regional Science, 58, 350–362.
9. Baum-Snow, N. (2007). Did highways cause suburbanization? Quarterly Journal of Economics, 122 (2), 775–805.

10. *Baumont, C.* (2004). Spatial effects in housing price models: Do housing prices capitalize urban development policies in the agglomeration of Dijon (1999)? Working Paper, Université de Bourgogne.
11. *Brulhart, M. & F. Sbergami.* (2009). Agglomeration and growth: Cross-country evidence. *Journal of Urban Economics*, 65, 350–362.
12. *Chauvin, J.P., E. Glaeser, Y. Ma & K. Tobio.* (2017). What is different about urbanization in rich and poor countries? Cities in Brazil, China, India and United States. *Journal of Urban Economics*, 98, 17–49.
13. *Duranton, G., G. Nagpal & M. Turner.* (2020). Transportation Infrastructure in the US. NBER Working Papers 27254.
14. *Duranton, G. & D. Puga.* (2004). Micro-foundations of urban agglomeration economies. In: J.V. Henderson, J.F. Thisse (Eds.). *Handbook of Regional and Urban Economics*, Vol. 4. Cities and Geography. Elsevier, North-Holland, 2063–2117.
15. *Fujita, M. & J.-F. Thisse.* (2002). *Economics of Agglomeration: Cities, Industrial Location and Regional Growth*. Cambridge University Press, 466.
16. *Head, K. & T. Mayer.* (2011). Gravity, market potential and development. *Journal of Economic Geography*, 11, 281–294.
17. *Head, K. & T. Mayer.* (2004). The empirics of agglomeration and trade. In: J.V. Henderson, J.F. Thisse (Eds.). *Handbook of Regional and Urban Economics*, Vol. 4. Cities and Geography. Elsevier, North-Holland, 2609–2669.
18. *Jacobs, J.* (1969). *The Economy of Cities*. New York, Random House, 268.
19. *Krugman, P.R.* (1991). Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*, 99, 483–499.
20. *Puga, D.* (2010). The magnitude and cause of agglomeration economies. *Journal of Regional Science*, 50, 203–219.

Information about the authors

Kolomak, Evgeniya Anatolievna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Territorial Systems Department at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: ekolomak@academ.org); Professor at Novosibirsk National Research State University (1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia).

Nezavitina, Anastasia Olegovna (Novosibirsk, Russia) – student at Novosibirsk National Research State University (1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: nastyanezavitina@bk.ru).

Поступила в редколлегию 12.07.2020.

После доработки 29.07.2020.

Принята к публикации 30.07.2020.

© Коломак Е.А., Незавитина А.О., 2020

А.А. Хржановская

РЕЛИГИОЗНАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ: БАРЬЕР ИЛИ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ?

В статье поднимается проблема нарастающей религиозной неоднородности населения как результата современных процессов глобализации. Обсуждаются ряд исследований, посвященных анализу влияния разнообразия, в том числе и религиозного, на благосостояние общества, и неоднозначность сделанных в них выводов. Как продолжение работы в данной области осуществляется оценка религиозного разнообразия населения субъектов РФ с использованием индексов, в большей мере отражающих противоположные взгляды на неоднородность в обществе среди всех представленных сегодня в литературе. Первый – индекс диверсификации Симпсона, трактующий диверсификацию как предполагаемый источник взаимобмена, второй – индекс поляризации, выступающий источником конфликтов. Расчет производится на основе данных Атласа религий и национальностей России и сайта Федерального агентства по делам национальностей. В результате анализа влияния указанных индексов на валовый выпуск и инвестиции частного сектора подтверждается их статистическая значимость в рассматриваемых моделях: религиозная неоднородность воздействует на показатели экономического роста положительно, а поляризация – отрицательно.

Ключевые слова: неоднородность; население; религия; благосостояние; регионы; Россия

Для цитирования: *Хржановская А.А. Религиозная неоднородность: барьер или фактор экономического развития регионов России? // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 23–43. DOI: 10.15372/REG20200402.*

Одной из наиболее радикальных и обсуждаемых работ конца XX – начала XXI в. стал труд С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [11], в котором автор делает попытку описательно смоделировать современную картину мира в зависимости от уникальных социально-экономических характеристик каждой составляющей этой картины. В книге обсуждаются такие мировые тенденции, как глобализация, модернизация, вестернизация, взаимосвязь этих явлений, их пересечения и последствия. Интересным заключением может быть то, что процессы глобализации, которые, предположительно, должны приводить к смешению цивилизаций и универсализации культуры, напротив, служат источником массового возрождения мировых религий. Это является результатом естественного протеста личности и потребности в самоидентификации. Данный вывод расходится с рядом заключений [8; 9; 12] о том, что рост экономического благосостояния как следствие указанных выше тенденций ведет к снижению религиозности населения. В современном мире «религия, являясь одной из глубинных констант идентичности, начинает во многом представлять и как фактор цивилизационной устойчивости, и как традиция, и как ключ к пониманию нового мира» [6, с. 166].

Исторически сложившееся религиозное многообразие в России на фоне общемировых тенденций постепенно начинает принимать все более отчетливые формы. «Для России залогом стабильного сосуществования как государства и как субъекта исторического творчества представляется межнациональный и межрелигиозный мир» [6, с. 168]. Поэтому «укрепление внутреннего единства российского общества, обеспечение социальной стабильности, межнационального согласия и религиозной терпимости» являются приоритетными векторами государственной политики Российской Федерации, которая направлена на «укрепление и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обеспечение национальной, религиозной, расовой терпимости, на воспитание взаимного уважения народов, а также на развитие межнациональных и межрегиональных

культурных связей»¹. Ориентиры политики РФ, исторические особенности страны и влияние общемировых тенденций определяют необходимость оценки и учета религиозной структуры населения в регионах, а также анализа ее влияния на социально-экономическое положение субъектов Федерации.

РЕЛИГИОЗНАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ: ОПЫТ ПРЕДЫДУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРЕДПОСЫЛКИ ДАЛЬНЕЙШЕГО АНАЛИЗА

Рост религиозной неоднородности как следствие указанных выше процессов представляет собой неоднозначное явление. Опасения связаны в первую очередь с риском возникновения конфликтов [20]. С. Хантингтон сравнивает осознание различными цивилизациями своих особенностей с атомным оружием и привлекает внимание мирового сообщества к этой проблеме: «в этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентичности» [11, р. 28]. При этом центральной, определяющей характеристикой цивилизаций Хантингтон считает именно религию. Интересным историческим фактом, подтверждающим это, являются постоянные кровопролитные войны в XVI–XX вв. между европейскими государствами, родственными в отношении «языка, закона, административных практик, сельского хозяйства, землевладения» и неоднородными с религиозной точки зрения [11].

В то же время само по себе разнообразие, несмотря на свои вероятные отрицательные последствия, представляет собой необходимое условие развития. Поддержание разнообразия является одним из при-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

оритетных направлений деятельности ООН. ЮНЕСКО в ряде докладов² выдвигает идею о том, что «культурное разнообразие – это не просто достояние, требующее сохранения, но и ресурс, который следует развивать, уделяя особое внимание его потенциальным преимуществам».

К настоящему времени проведено уже много исследований, связанных с изучением влияния разнообразия населения (не только религиозного) на уровень жизни и экономический рост [2–5; 7; 10; 13–19]. Часть из них и соответствующие основные выводы представлены в табл. 1.

На основе упомянутых исследований, перечень которых является далеко не исчерпывающим, можно говорить о неоднозначности полученных к настоящему времени результатов. В части из этих исследований было подтверждено прямое влияние разнообразия на благосостояние (валовый выпуск, уровень заработных плат), в части – опосредованное (через инвестиции, международную торговлю, рождаемость, производительность, коррупцию, политическую нестабильность, социальную сплоченность), а в части работ влияние разнообразия не подтверждается вообще. Не установлено и направление влияния: отрицательное или положительное. Кроме разных методов анализа данных причинами расхождений могут быть различные характеристики принадлежности (к той или иной группе) для оценки разнообразия: национальность, религия, страна происхождения. Также, вероятно, играют роль исследуемые объекты: страны мира, Европейского союза, Африки, штаты США и т.д. Неоднозначность полученных результатов служит стимулом для дальнейшего анализа разнообразия как фактора в моделях экономического роста.

Настоящая работа является продолжением изучения влияния неоднородности населения на благосостояние регионов РФ [2; 4; 5]. Однако в отличие от предшествующих работ для анализа используется не национальный и не миграционный состав населения, а профессиональный.

² См.: *Investing in Cultural Diversity and Intercultural Dialogue*. UNESCO, Paris, 2009. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000185202> ; *Intercultural Competences: Conceptual and Operational Framework*. UNESCO, Paris, 2013. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000219768> .

Таблица 1

**Результаты исследований влияния разнообразия населения
на его благосостояние**

Источник	Влияние		
	положительное	отрицательное	отсутствует
Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Михалёва М.М., 2017 [2]	Национальное разнообразие положительно влияет на экономическое развитие (регионы РФ)	Не рассматривалось	Не рассматривалось
Goren E., 2014 [10]	Этническая неоднородность оказывает положительное косвенное влияние на экономический рост через международную торговлю и более высокие чистые коэффициенты рождаемости (страны мира)	Не рассматривалось	Не рассматривалось
Ottaviano G.I., Peri G., 2006 [18]	Разнообразие (характеристика принадлежности – страна, где человек был рожден) положительно воздействует на размер заработных плат и на производительность: более мультикультурная городская среда делает граждан, рожденных в США, более продуктивными (США)	Не рассматривалось	Не рассматривалось
Montalvo J.G., Reynal-Querol M., 2002, 2005 [16; 17]	Религиозная неоднородность имеет косвенное влияние на рост через увеличение государственных расходов	Религиозная неоднородность имеет косвенное влияние на рост через снижение уровня инвестиций и увеличение вероятности гражданских войн	Не рассматривалось

Продолжение табл. 1

Источник	Влияние		
	положительное	отрицательное	отсутствует
Alesina A., La Ferrara E., 2005 [7]	Этнолингвистическое разнообразие способствует разнообразию производства	Этнолингвистическое разнообразие отрицательно воздействует на уровень общественных благ (государственный язык, перераспределительная политика в обществе, где ценят равенство, и т.д.)	Не рассматривалось
Несена М.В., Разумовский В.М., 2016 [5]	Этническая неоднородность, являющаяся результатом миграции, положительно влияет на производительность труда и совокупную факторную производительность (регионы РФ)	Не рассматривалось	Этническая неоднородность не влияет на указанные показатели (регионы РФ)
Лимонов Л.Э., Несена М.В., 2015 [4]	Этническая неоднородность положительно влияет на уровень государственных расходов в случае малонаселенных территорий (регионы РФ)	Не рассматривалось	Этническая неоднородность отрицательно влияет на уровень государственных расходов в случае плотно заселенных территорий (регионы РФ)
Kodila-Tedika O., Agbor J., 2014 [13]	Религиозное разнообразие оказывает влияние на процесс развития через инвестиции (поляризация – положительно, диверсификация – отрицательно)	Не рассматривалось	Религиозное разнообразие не оказывает статистически значимого влияния на институциональные и социальные аспекты развития
Posner D.N., 2004 [19]	Не рассматривалось	Этническая неоднородность негативно связана с экономическим ростом (страны Африки)	Не рассматривалось

Окончание табл. 1

Источник	Влияние		
	положительное	отрицательное	отсутствует
Mauro P., 1995 [14]	Не рассматривалось	Этническая неоднородность отрицательно влияет на инвестиции через коррупцию, политическую нестабильность, замедление распространения идей и технологических инноваций	Не рассматривалось

ОЦЕНКА РЕЛИГИОЗНОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Для анализа религиозной неоднородности населения регионов РФ использовались данные о конфессиональном составе за два периода: 2012 и 2015 гг. Источники информации – Атлас религий и национальностей России, созданный в рамках проекта «Арена» некоммерческой Исследовательской службы «Среда», и сайт Федерального агентства по делам национальностей. Характеристики распределения статистических данных представлены в табл. 2 и 3.

Исходя из рассчитанных показателей среднеарифметического и медианы основная масса населения России – это православные, что можно было предполагать ввиду исторических особенностей страны. По тем же характеристиками видно, что в регионах распространены группы атеистов и своеверов. В трех субъектах РФ по данным за каждый из рассматриваемых периодов зафиксированы наиболее высокие значения долей приверженцев православия, ислама и буддизма. В отношении православной конфессии такое наблюдение ожидаемо. Ислам и буддизм, в свою очередь, с учетом очень больших значений стандартного отклонения и коэффициента вариации представляют собой индивидуальную особенность отдельных регионов. В Республике Дагестан доля приверженцев ислама превышает 80% в 2012 г. и близка к 90% в 2015 г., что объясняется историческими корнями населения региона. А буддизм наиболее распространенной религией является в Республике Тыве, развивается на ее территории с XVIII в.

Таблица 2

Характеристики религиозного состава населения регионов РФ, 2012 г.

Конфессия	Максимальное значение	Минимальное значение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Коэффициент вариации
Ислам	0,826	0,000	0,057	0,133	0,011	2,345
Православие	0,784	0,010	0,405	0,155	0,366	0,384
Буддизм	0,618	0,000	0,016	0,084	0,000	5,068
Своя вера	0,464	0,074	0,302	0,103	0,308	0,341
Атеизм	0,347	0,022	0,132	0,059	0,130	0,447
Язычество	0,294	0,000	0,019	0,040	0,008	2,140
Прочие	0,192	0,006	0,064	0,040	0,058	0,620
Старообрядчество	0,015	0,000	0,003	0,003	0,002	0,999
Католицизм	0,010	0,000	0,002	0,002	0,001	1,187

Источник: составлено автором на основе данных Атласа религий и национальностей России (проект «Арена», некоммерческая Исследовательская служба «Среда»).

Таблица 3

Характеристики религиозного состава населения регионов РФ, 2015 г.

Конфессия	Максимальное значение	Минимальное значение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Коэффициент вариации
Православие	0,923	0,030	0,636	0,163	0,672	0,257
Ислам	0,894	0,000	0,062	0,144	0,017	2,303
Буддизм	0,582	0,000	0,020	0,091	0,002	4,498
Атеизм	0,280	0,024	0,121	0,056	0,116	0,460
Своя вера	0,268	0,015	0,127	0,059	0,115	0,466
Язычество	0,131	0,000	0,007	0,018	0,003	2,654
Прочие	0,070	0,001	0,017	0,014	0,012	0,832
Старообрядчество	0,040	0,000	0,005	0,006	0,002	1,333
Католицизм	0,020	0,000	0,004	0,005	0,003	1,024

Источник: составлено автором на основе данных Федерального агентства по делам национальностей.

и имеет даже свою региональную форму тибето-монгольского буддизма, которая зафиксирована в понятии «тувинский буддизм». В целом можно сказать, что за два рассматриваемых периода конфессиональный состав в регионах не претерпел значительных изменений.

Для описания уровня религиозного разнообразия в регионах из всех представленных сегодня в литературе были выбраны два индекса, в большей мере отражающих противоположные взгляды на неоднородность населения в обществе. Первый – индекс диверсификации Симпсона, трактующий диверсификацию как предполагаемый источник взаимобмена. В числе прочих менее популярных он представлен в работе Д.Д. Акчуриной, Ш. Вебера и др. [1]. Вторым показателем – индекс поляризации, выступающей источником конфликтов [16]. Оба показателя принимают значения от 0 до 1, однако максимума и минимума достигают в противоположных случаях. Индекс диверсификации Симпсона (вариация индекса неоднородности Херфиндаля – Хиршмана) является мерой разнообразия, представляет собой вероятность принадлежности к разным группам двух случайно выбранных индивидов и, соответственно, увеличивается с ростом числа групп. В противоположность этому, поляризация отражает уровень противодействия и достигает максимального значения в ситуации, когда общество разделено на две группы одинакового размера. Чем больше размер группы по сравнению с размером контрольной группы, тем выше значения индекса поляризации, что отражает ситуацию, когда каждая из групп рассматривает противоположную как потенциальную угрозу ее интересам.

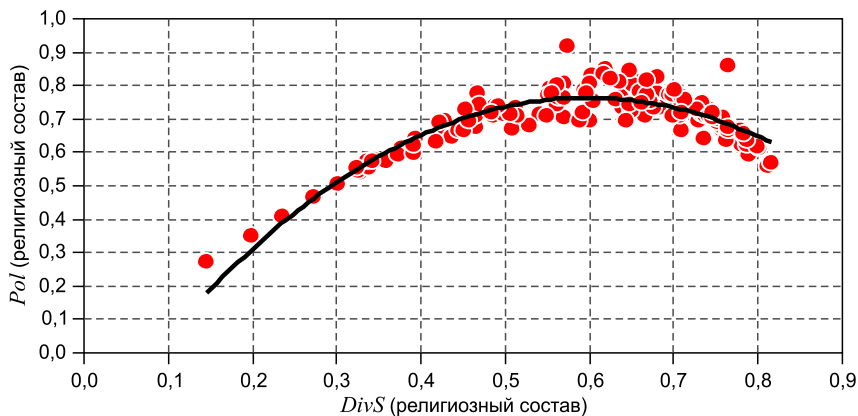
Расчет описанных индексов производился следующим образом. Индекс диверсификации рассчитывался по формуле

$$DivS = 1 - \sum_{i=1}^N n_i^2,$$

индекс поляризации – по формуле

$$Pol = 1 - \sum_{i=1}^N \frac{0,5 - n_i^2}{0,5} n_i.$$

На рисунке показана связь индексов диверсификации и поляризации, построенных на основе данных о религиозном составе населения регионов РФ в 2012 и 2015 гг. Отсутствие линейной зависи-

Связь индексов религиозной неоднородности населения

мости говорит о том, что рассматриваемые индексы по-разному отображают неоднородность населения в регионах страны, и подтверждает правомерность их использования для описания различных свойств разнообразия населения. Факт отсутствия линейности по всей рассматриваемой выборке также интересен для дальнейшего анализа, поскольку он отрицает корреляцию показателей и, соответственно, позволяет рассматривать их в рамках одной регрессионной модели без риска возникновения мультиколлинеарности факторов. В целом, картина, представленная на рисунке, подтверждает, что несмотря на большое многообразие религиозных конфессий в регионах, в большей их части присутствует доминирующая группа (виден сгусток наблюдений при значениях индекса Симпсона от 0,55 до 0,75, когда поляризация достигает своих максимальных значений – 0,7–0,9).

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

В качестве теоретической базы первой спецификации анализа была выбрана классическая производственная функция – зависимость валового выпуска как показателя экономического роста от факторов капитала и труда [2; 7]:

$$Y = K^{\alpha} AL^{\beta} \quad (1)$$

Модель была расширена за счет включения дополнительных переменных – показателей разнообразия. Спецификацию анализируемых зависимостей можно представить следующим образом:

$$\ln Y_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 \ln K_{it} + \alpha_2 \ln L_{it} + \alpha_3 DivS_{it} + \alpha_4 Pol_{it} + \mu_i + \mu_t + \mu_{it}, \quad (2)$$

где Y_{it} – ВРП в текущих ценах; K_{it} – основные фонды в текущих ценах; L_{it} – численность занятого населения; $DivS_{it}$ – индекс религиозной диверсификации Симпсона; Pol_{it} – индекс религиозной поляризации; μ_i – региональный эффект; μ_t – временной эффект; μ_{it} – ошибка.

Источником данных по ВРП, основным фондам и численности занятого населения в регионах являлся сайт Федеральной службы государственной статистики. Ввиду отсутствия информации о конфессиональном составе населения в Чукотском автономном округе, Чеченской Республике и Республике Ингушетии за 2012 г. указанные субъекты были исключены из анализа. Автономные округа, входящие в Тюменскую и Архангельскую области, рассматривались в их составе. Таким образом, в расчетах использовалась информация по 77 субъектам РФ.

По результатам теста Вальда была отвергнута гипотеза о равенстве нулю индивидуальных и временных эффектов (p-уровень < 0,01) в пользу панельной модели с учетом фиксированных эффектов. Эта же модель была отобрана при помощи теста Хаусмана (p-уровень < 0,01) в ходе ее сравнения с панельной моделью со случайными эффектами. В таблице 4 представлены регрессионные оценки модели с фиксированными эффектами. Регрессии 1 и 2 включают по отдельности индекс диверсификации и индекс поляризации соответственно. В регрессию 3 включены оба индекса на основании приведенного в предыдущем разделе анализа связи показателей. Индекс диверсификации не оказался значимым ни в одном из рассматриваемых случаев. При этом было выявлено отрицательное влияние индекса поляризации на ВРП в регионах РФ: он оказался статистически значимым в регрессиях 2 и 3 (в каждой, куда был включен).

Таблица 4

Регрессионные оценки (FE): ВРП

Фактор	Регрессия 1		Регрессия 2		Регрессия 3	
	Коэффициент	P-value	Коэффициент	P-value	Коэффициент	P-value
Основные фонды	0,108	0,009	0,108	0,000	0,141	0,001
Численность занятого населения	0,120	0,184	0,124	0,146	0,114	0,186
Индекс Симпсона	-0,011	0,832	—	—	0,055	0,314
Индекс поляризации	—	—	-0,129	0,006	-0,150	0,004
N	154		154		154	
R ²	0,9067		0,9059		0,9091	

Таким образом, в результате оценки влияния показателей религиозной неоднородности на экономический рост значимость индекса диверсификации Симпсона не была подтверждена. При этом не исключено, что неоднородность влияет на благосостояние не непосредственно, а через показатели доверия или сплоченности. В связи с этим предлагается проанализировать влияние рассматриваемых индексов на инвестиции частного сектора, уровень которых отражает сложившуюся в обществе институционально-экономическую обстановку и, как следствие, может служить характеристикой доверия.

Инвестиции частного сектора можно представить в виде зависимости от дохода и нормы процента в текущем периоде времени:

$$I = \bar{I} + aY + bi. \quad (3)$$

В ходе анализа использовалась информация, размещенная на сайте Федеральной службы государственной статистики, по 77 субъектам РФ (выше было приведено обоснование объема выборки). Поскольку информация о норме процента является труднодоступной, был рассмотрен только фактор дохода. В качестве показателя уровня дохода использовались данные по ВРП. Данные по инвестициям в основной

капитал, представленные на указанном сайте, включают затраты, осуществленные за счет денежных средств граждан, что позволяет использовать их в качестве оценки уровня инвестиций частного сектора. Для расчета инвестиций в основной капитал на душу населения используется среднегодовая численность постоянного населения.

Спецификацию, на основе которой проверялась зависимость уровня инвестиций от доходов и от религиозной неоднородности населения в регионах, можно записать следующим образом:

$$\ln I_{it} / L_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 \ln Y_{it} / L_{it} + \alpha_2 DivS_{it} + \alpha_3 Pol_{it} + \alpha_i + \alpha_t + \alpha_{it}, \quad (4)$$

где I_{it} / L_{it} – инвестиции на душу населения в текущих ценах; Y_{it} / L_{it} – ВРП на душу населения в текущих ценах; $DivS_{it}$ – индекс диверсификации Симпсона; Pol_{it} – индекс поляризации; α_i – региональный эффект; α_t – временной эффект; α_{it} – ошибка.

Тест Вальда показал, что для всех регрессий, представленных в табл. 5, панельная модель с фиксированными эффектами подходит лучше, чем сквозная регрессия. Далее при помощи теста Хаусмана была определена наиболее подходящая для регрессий 4 и 5 (см. табл. 5; табл. 6) модель с фиксированными эффектами, по результатам оценок которой показатели неоднородности оказались незначимыми. Для регрессии 6 (см. табл. 5 и 6) выбрана модель со случайными эффектами.

Таблица 5

Регрессионные оценки (FE): инвестиции

Фактор	Регрессия 4		Регрессия 5		Регрессия 6	
	Коэффициент	P-value	Коэффициент	P-value	Коэффициент	P-value
ВРП	0,610	0,002	0,297	0,004	0,680	0,001
Индекс диверсификации Симпсона	0,455	0,078	–	–	0,602	0,029
Индекс поляризации	–	–	–0,153	0,452	–0,324	0,132
N	154		154		154	
R ²	0,7253		0,7154		0,7333	

Как уже было отмечено, в результате последовательного проведения тестов Вальда и Хаусмана наиболее приемлемой для регрессии 6 (см. табл. 6) оказалась панельная модель со случайными эффектами. Тест Бройша – Пагана также подтвердил правомерность ее использования в противовес сквозной регрессии. В результате оценки выбранной модели оба индекса оказались значимыми. Таким образом, на уровне инвестиций проявилось воздействие индекса неоднородности Симпсона, который вошел в модель с положительным коэффициентом. Также подтвердилось отрицательное влияние индекса поляризации на инвестиции. Полученные результаты расходятся с проведенным ранее исследованием [13], в котором изучались аналогичные зависимости для стран Африки к югу от Сахары, но совпадают с результатами, описанными в работе [15], где проверялось влияние религиозной неоднородности на инвестиции в общем для всех стран мира.

В таблице 7 приведена сводная информация о направлении воздействия разнообразия (если оно было зафиксировано) по столбцам в зависимости от показателей благосостояния – ВРП или инвестиций, влияние на которые индексов диверсификации Симпсона и поляризации и проверялось.

Таблица 6

Регрессионные оценки (RE): инвестиции

Фактор	Регрессия 4		Регрессия 5		Регрессия 6	
	Коэффициент	P-value	Коэффициент	P-value	Коэффициент	P-value
ВРП	0,913	0,000	0,815	0,000	0,927	0,000
Индекс диверсификации Симпсона	0,669	0,000	—	—	0,795	0,000
Индекс поляризации	—	—	–0,037	0,859	–0,484	0,017
N	154		154		154	
R ²	0,7257		0,7172		0,7351	

Таблица 7

Сводная таблица полученных результатов

Индекс	ВРП	Инвестиции
Симпсона	–	Положительная связь
Поляризации	Отрицательная связь	Отрицательная связь

Оценки параметров показывают, что и религиозная поляризация, и религиозная диверсификация оказывают статистически значимое воздействие на экономический рост: отмечено отрицательное влияние индекса поляризации на ВРП и инвестиции, а также положительное влияние индекса диверсификации Симпсона на инвестиции. В то же время значимость последнего по отношению к валовому выпуску не была зафиксирована. Таким образом, влияние индекса диверсификации Симпсона на уровне ВРП не прослеживается, а его воздействие является опосредованным – через инвестиции. Направление воздействия и значимость индекса поляризации сохранились при переходе от одной объясняемой переменной к другой: на всех уровнях показателей благосостояния было зафиксировано одинаковое его влияние.

Таким образом, в результате проведенного анализа предполагаемое положительное воздействие религиозной неоднородности населения и отрицательное воздействие религиозной поляризации на показатели благосостояния в регионах РФ было подтверждено. Поляризация, отражающая степень взаимной неприязни отдельных конфессиональных групп, ухудшает институционально-экономическую обстановку и неблагоприятно влияет на инвестиционный климат и на уровни ВРП и инвестиций субъектов РФ. А само по себе религиозное разнообразие как источник взаимобмена стимулирует экономическое развитие в регионах. Кроме этого, субъекты помимо характера внутреннего религиозного разнообразия отличаются друг от друга доминирующими конфессиональными группами. Данная особенность, как показали социологические опросы [6], уже сейчас может выступать их территориальным брендом – сформировавшимся на

уровне массового сознания определенным образом того или иного региона. Ассоциативный положительный образ, связанный с уникальностью и успешностью определенного региона, может служить рекламой и способствовать притоку инвестиций «для успешного и доходного развития туристического бизнеса, для привлечения квалифицированной рабочей силы» [6, с. 222].

* * *

На фоне общемировых тенденций глобализации, возрождения религиозных конфессий, а также с учетом приоритетов политики Российской Федерации и исторических особенностей страны возникает необходимость оценки религиозной структуры населения в регионах, анализа ее влияния на социально-экономическое положение субъектов РФ.

Рассмотренные в статье исследования в данной области позволяют говорить о неоднозначности имеющихся сегодня результатов. В части из этих исследований подтверждено прямое влияние разнообразия на благосостояние – валовый выпуск, уровень заработных плат, в части исследований – опосредованное, а именно через инвестиции, международную торговлю, рождаемость, производительность, коррупцию, политическую нестабильность, социальную сплоченность, а в части работ это влияние не подтверждается вообще. Не установлено и направление влияния: отрицательное или положительное. Причинами расхождений помимо разных методов анализа данных могут выступать различные характеристики принадлежности, используемые для оценки разнообразия: национальность, религия, страна происхождения, профессиональные задачи в процессе производства. Также, вероятно, играют свою роль исследуемые объекты: страны мира, Европейского союза, Африки, штаты США и т.д. Неоднозначность полученных результатов стимулирует дальнейший анализ разнообразия как фактора в моделях экономического роста.

В настоящей работе продолжено изучение влияния неоднородности населения на благосостояние регионов РФ, однако в отличие от

предшествующих работ для анализа использован религиозный состав населения. Оценки параметров показали, что как религиозная поляризация, так и религиозная диверсификация оказывают статистически значимое влияние на экономический рост: было зафиксировано отрицательное воздействие индекса поляризации на ВРП и инвестиции, а также положительное влияние индекса диверсификации Симпсона на инвестиции.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского
фонда фундаментальных исследований (проект 19-310-90010
«Этнокультурное разнообразие, экономическое развитие
и проблемы управления в регионах России»)*

Список источников

1. Акчурина Д.Д., Вебер Ш., Давыдов Д.В., Крутиков Д.В., Хазанов А.А. Измерение разнообразия: теория и социально-экономические приложения // Современная экономика: проблемы и решения. – 2015. – № 2 (62). – С. 8–28.
2. Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Михалёва М.М. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России // Мир экономики и управления. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 143–157.
3. Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Хржановская А.А. Национальное и религиозное разнообразие регионов Сибири // ЭКО. – 2018. – № 5. – С. 28–44. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-5-28-44.
4. Лимонов Л.Э., Несена М.В. Особенности этнокультурного разнообразия российских регионов // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 3 (87). – С. 146–170.
5. Несена М.В., Разумовский В.М. Взаимосвязь показателей этнического разнообразия и производительности российских регионов // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 2 (90). – С. 81–101.
6. Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 561 с.
7. Alesina A., La Ferrara E. Ethnic diversity and economic performance // Journal of Economic Literature. – 2005. – Vol. 43, No. 3. – P. 762–800.
8. Barro R.J., McCleary R.M. Religion and Economic Growth / NBER Working Paper. – 2003. – No. w9682. – URL: <https://ssrn.com/abstract=406054> (дата обращения: 07.03.2020).

9. Barro R.J., McCleary R.M. Religion and political economy in an international panel // Journal for the Scientific Study of Religion. – 2006. – Vol. 45, No. 2. – P. 149–175.
10. Goren E. How ethnic diversity affects economic growth // World Development. – 2014. – Vol. 59 (C). – P. 275–297.
11. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – N.Y.: Simon & Schuster, 1996. – URL: https://www.academia.edu/4610592/Samuel_P_Huntington_The_Clash_of_Civilizations_and_the_Remaking_of_World_Order_1996 (дата обращения: 16.02.2020).
12. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change and the persistence of traditional values // American Sociological Review. – 2000. – Vol. 65, No. 1. – P. 19–51.
13. Kodila-Tedika O., Agbor J. Religious diversity and economic development in sub-Saharan Africa: so far so good // Journal of African Development. – 2014. – Vol. 16, No. 1. – P. 99–117.
14. Mauro P. Corruption and growth // Quarterly Journal of Economics. – 1995. – Vol. 110, No. 3. – P. 681–712.
15. Montalvo J.G., Reynal-Querol M. A theory of religious conflict and its effect on growth / IVIE WP-EC. – 2000. – URL: https://www.researchgate.net/publication/5134684_A_theory_of_religious_conflict_and_its_effect_on_growth (дата обращения: 31.01.2020).
16. Montalvo J.G., Reynal-Querol M. Ethnic diversity and economic development // Journal of Development Economics. – 2005. – Vol. 76, No. 2. – P. 293–323.
17. Montalvo J., Reynal-Querol M. Why Ethnic Fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth / UPF Working Paper No. 660. – 2002. – URL: http://jgmontalvo.com/wp/mes_pol.pdf (дата обращения: 01.03.2020).
18. Ottaviano G.I., Peri G. The economic value of cultural diversity: Evidence from US cities // Journal of Economic Geography. – 2006. – Vol. 6, No. 1. – P. 9–44.
19. Posner D.N. Measuring ethnic fractionalization in Africa // American Journal of Political Science. – 2004. – Vol. 48, No. 4. – P. 849–863.
20. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. – University of Chicago Press, 1976. – 1152 p. (Vol. 1. – 524 p.; Vol. 2. – 568 p.).

Информация об авторе

Хржановская Алина Алексеевна (Россия, Новосибирск) – младший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: AlinKhrzh57@mail.ru); ассис-

тент кафедры ПММЭиП экономического факультета Новосибирского
национального исследовательского государственного университета
(630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1).

DOI: 10.15372/REG20200402

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 4 (108), p. 23–43

A.A. Khrzhanovskaya

**RELIGIOUS HETEROGENEITY:
A BARRIER OR A FACTOR OF ECONOMIC
DEVELOPMENT IN RUSSIA?**

The article raises the problem of growing religious heterogeneity of the population as a result of present-day globalization. We discuss studies that have analyzed the influence of diversity, inter alia in religion, on social welfare and the ambiguity of their conclusions. This paper continues their work in this area, evaluating the religious diversity in the population of Russian regions with indices that are the most accurate to reflect opposing views on the societal heterogeneity up to date. The first is the Simpson's Diversity Index, which treats diversification as the expected exchange source; the second is the Polarization Index, which captures polarization as the source of conflict. The calculation relies on the data from the Atlas of Religions and Nationalities of Russia and the website of the Federal Agency for Nationality Affairs. By analyzing the influence that the specified indices have on gross output and investment in the private sector, we confirm their statistical significance for the models under consideration: religious heterogeneity affects economic growth indicators positively, while polarization exerts a negative impact.

Keywords: heterogeneity; population; religion; welfare; regions; Russia

For citation: Khrzhanovskaya, A.A. (2020). Religioznaya neodnorodnost: baryer ili faktor ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii? [Religious heterogeneity: a barrier or a factor of economic development in Russia?]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (108), 23–43. DOI: 10.15372/REG20200402.

*The research is prepared within the framework of the project
No. 19-310-90010 “Ethnocultural diversity, economic development
and management problems in the regions of Russia” supported
by funding from the Russian Foundation for Basic Research*

References

1. Akchurina, D.D., Sh. Weber, D.V. Davydov, D.V. Krutikov & A.A. Khazanov. (2015). Izmerenie raznoobraziya: teoriya i sotsialno-ekonomicheskie prilozheniya [Measuring diversity: theory and social and economic applications]. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya* [Modern Economics: Problems and Solutions], 2 (62), 8–28.
2. Bufetova, A.N., E.A. Kolomak & M.M. Mikhaleva. (2017). Natsionalnoe raznoobrazie i ekonomicheskoe razvitie regionov Rossii [National diversity and economic development in Russian region]. *Mir ekonomiki i upravleniya* [World of Economics and Management], Vol. 17, No. 3, 143–157.
3. Bufetova, A.N., E.A. Kolomak & A.A. Khrzhanovskaya. (2018). Natsionalnoe i religioznoe raznoobrazie regionov Sibiri [National and religious diversity of Siberian regions]. *EKO [ECO]*, 5, 28–44. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-5-28-44.
4. Limonov, L.E. & M.V. Nesena. (2015). Osobennosti etnokulturnogo raznoobraziya rossiyskikh regionov [Ethnocultural diversity: analysis of its features in Russian regions]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3, 146–170.
5. Nesena, M.V. & V.M. Razumovskiy. (2016). Vzaimosvyaz pokazateley etnicheskogo raznoobraziya i proizvoditelnosti rossiyskikh regionov [Interrelation between the indices of ethnic diversity and economy productivity of Russian regions]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2, 81–101.
6. Tishkov, V.A. & V.V. Stepanov (Eds.). *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii. Izdanie 2-e. ispravlennoe i dopolnennoe* [Ethnic and Religious Diversity in Russia. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow, Institute of Anthropology and Ethnography RAS Publ., 561.
7. Alesina, A. & E. La Ferrara. (2005). Ethnic diversity and economic performance. *Journal of Economic Literature*, Vol. 43, No. 3, 762–800.
8. Barro, R.J. & R.M. McCleary. (2003). Religion and Economic Growth. NBER Working Paper, No. w9682. Available at: <https://ssrn.com/abstract=406054> (date of access: 07.03.2020).
9. Barro, R.J. & R.M. McCleary. (2006). Religion and political economy in an international panel. *Journal for the Scientific Study of Religion*, Vol. 45, No. 2, 149–175.
10. Goren, E. (2014). How ethnic diversity affects economic growth. *World Development*, 59(C), 275–297.
11. Huntington, S.P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, Simon & Schuster. Available at: <https://www.academia.edu/4610592/>

Samuel P. Huntington. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, 1996 (date of access: 16.02.2020).

12. Inglehart, R. & W.E. Baker. (2000). Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*, Vol. 65, No. 1, LXV, 19–51.

13. Kodila-Tedika, O. & J. Agbor. (2014). Religious diversity and economic development in sub-Saharan Africa: so far so good. *Journal of African Development*, Vol. 16, No. 1, 99–117.

14. Mauro, P. (1995). Corruption and growth. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 110, No. 3, 681–712.

15. Montalvo, J.G. & M. Reynal-Querol. (2000). A theory of religious conflict and its effect on growth. IVIE WP-EC. Available at: https://www.researchgate.net/publication/5134684_A_theory_of_religious_conflict_and_its_effect_on_growth (date of access: 31.01.2020).

16. Montalvo, J.G. & M. Reynal-Querol. (2005). Ethnic diversity and economic development. *Journal of Development Economics*, Vol. 76, No. 2, 293–323.

17. Montalvo, J.G. & M. Reynal-Querol. (2002). Why ethnic fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth. UPF Working Paper N 660. Available at: http://jgmontalvo.com/wp/mes_pol.pdf (date of access: 01.03.2020).

18. Ottaviano, G.I. & G. Peri. (2006). The economic value of cultural diversity: Evidence from US cities. *Journal of Economic Geography*, Vol. 6, No. 1, 9–44.

19. Posner, D.N. (2004). Measuring ethnic fractionalization in Africa. *American Journal of Political Science*, Vol. 48, No. 4, 849–863.

20. Smith, A. (1976). *An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. University of Chicago Press, 1152 (Vol. 1, 524; Vol. 2, 568).

Information about the author

Khrzhanovskaya, Alina Alekseevna (Novosibirsk, Russia) – Junior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: AlinKhrzh57@mail.ru); assistant at the Chair of Application of Mathematical Methods in Economics and Planning, Economics Department, Novosibirsk National Research State University (1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia).

Поступила в редколлегию 23.03.2020.

После доработки 16.06.2020.

Принята к публикации 17.06.2020.

УДК 316.34+316.44

Регион: экономика и социология, 2020, № 4 (108), с. 44–77

Т.Ю. Черкашина, Н.Л. Мосиенко

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ВНУТРИ И ЗА ПРЕДЕЛЫ РЕГИОНА: СОЦИАЛЬНЫЕ И ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ НЕРАВЕНСТВА

В статье представлены результаты исследования пространственной мобильности жителей Новосибирской области, проведенного в 2018–2019 гг. Акцент сделан на регулярных, повседневных поездках (в режиме недельного цикла) и эпизодических поездках за пределы региона. Выявлены дифференциация пространственной мобильности населения региона и то, насколько она обусловлена действием инфраструктурных, социальных и технологических (пользование цифровыми технологиями для организации и планирования поездок) факторов. Рассматривается также, как проявляется новый аспект социального неравенства – цифровое неравенство в дифференциации пространственной мобильности и неравенстве в возможностях осуществления подвижности.

Для анализа территория Новосибирской области была условно разделена на восемь территориальных зон: г. Новосибирск, периферия Новосибирской агломерации, Юго-Восточная зона, Северо-Восточная зона, Центральная зона, Барабинско-Куйбышевская агломерация, Северо-Западная зона, Юго-Западная зона. Выявлены различия пространственной мобильности между территориальными зонами области по следующим параметрам: частота, направления, цели, виды используемого транспорта. Также описаны дифференциация восприятия регулярных повседневных поездок в зависимости от используемых транспортных средств, возрастные и поселенческие особенности жителей Новосибирской области, имеющих разный опыт пространственной мобильности.

Ключевые слова: пространственная мобильность; транспортная инфраструктура; социальное неравенство; цифровое неравенство

Для цитирования: Черкашина Т.Ю., Мосиенко Н.Л. Пространственная мобильность населения внутри и за пределы региона: социальные и инфраструктурные факторы неравенства // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 44–77. DOI: 10.15372/REG20200403.

Современная пространственная мобильность населения разнообразна по целям, направлениям, расстояниям, продолжительности, периодичности, средствам передвижения. Уже не оспаривается, что мобильность в целом, в том числе пространственная, – это всеобщий (total) социальный феномен, в котором отражаются устройство и изменения современного общества и изучение которого позволяет «читать» общество [11]. Но исследования мобильности включают анализ перемещений не только реальных и виртуальных, но также потенциальных и блокированных, «проблемы неравной подвижности (uneven mobility), прав, этики и справедливости в мобильности становятся ключевыми в этом предметном поле» [18, р. 13]. То есть неподвижность, которую можно интерпретировать в мобильном мире как эксклюзию, заслуживает не меньшего исследовательского внимания, чем перемещения; способность/неспособность и возможность/невозможность быть мобильным рассматриваются сегодня как проявление неравенства.

Пространственная мобильность амбивалентна. Поездки могут быть как добровольными, так и вынужденными, являться единственным способом получить доступ к каким-либо ресурсам, быть вызванными необходимостью поддерживать социальные отношения (например, родственные), передвижения могут быть принудительными при вовлеченности в жесткие иерархические структуры (военные, пенитенциарные и т.п.). В то же время «быть мобильным» не является одинаково ценным для всех: «свобода передвижения подразумевает право не двигаться» [17]. Все это предполагает дополнительные измерения неравенства в мобильности.

В литературе описаны различные виды пространственной мобильности: по времени и радикальности (безвозвратная и возвратная), по территории (внешняя и внутренняя), по направлению, маршруту (отточная и приточная, встречная, круговая, ступенчатая), по мотивам (экономическая, социальная, экологическая, культурная, политическая), по регуляции (организуемая и неорганизованная) и др. [4]. Из всего разнообразия пространственных перемещений для нашего исследования были выбраны два вида: регулярные, повседневные поездки (в режиме недельного цикла) и эпизодические поездки за пределы региона (на примере Новосибирской области). Было поставлено несколько вопросов: насколько мобильны жители региона? насколько сильны и чем обусловлены различия в параметрах мобильности у жителей регионального центра и других территорий? является ли дифференциация пространственной мобильности проявлением/следствием социального неравенства? Мы хотим показать дифференциацию пространственной мобильности населения отдельного региона и ее обусловленность разными факторами: пространственными и инфраструктурными (удаленность от центра региона и доступная транспортная инфраструктура), индивидуальными (возраст, вовлеченность в социальные отношения, прежде всего родственные и дружеские, наличие автомобиля), технологическими (пользование цифровыми технологиями для организации и планирования поездок). В последнем случае рассмотрим, как проявляется новый аспект социального неравенства – цифровое неравенство в дифференциации пространственной мобильности и неравенстве в возможностях осуществления подвижности.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Можно выделить два варианта *концептуализации соотношения пространственной мобильности и неравенства*. Во-первых, возможность совершать поездки и наличие транспортных средств рассматриваются как проявление экономических возможностей домохозяйства и индикаторы экономического статуса. В 1960-е годы, предлагая

индекс лишений в качестве измерения относительной бедности в Великобритании, П. Таунсенд среди других использовал индикатор «в течение последних 12 месяцев семья не проводила недельный отпуск вдали от дома» [5, с. 108]. В настоящее время в многокритериальном индексе бедности и социальной исключенности (People at Risk of Poverty and Social Exclusion, AROPE), публикуемом Евростатом на основе данных Обследования доходов и условий жизни населения в странах Европейского союза (EU Statistics on Income and Living Conditions, EU-SILC), среди других два индикатора отражают возможности пространственной мобильности: «домохозяйство не может позволить себе один недельный ежегодный отпуск вдали от дома» и «у домохозяйства нет автомобиля/фургона для личного пользования (но хотели бы иметь)» [15]. Идея мобильности как индикатора социально-экономического статуса отражена, к примеру, в критериях выделения среднего класса в принятой в 2008 г. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года: семьи среднего класса обладают автомобилем и имеют возможность отдыхать за границей¹. Совершенствуя статистику бедности, Росстат планирует с 2020 г. публиковать индексы многомерной бедности, среди индикаторов которых будут уже «традиционные» лишения, испытываемые домохозяйствами: «не могут каждый год одну неделю отпуска проводить вне дома» и «не могут позволить себе купить легковой автомобиль» [7].

Во-вторых, географическое пространство рассматривается как социально заданное, как одно из социальных пространств. Теоретическая рамка, предложенная П. Бурдые [1], включающая социальный, культурный и экономический капиталы, накапливаемые в специфических пространствах («полях») и взаимно конвертируемые, накладывается на географическое пространство. В этом случае пространственная мобильность обеспечивает доступ к ресурсам, видам деятельности, товарам; «виртуальное и физическое движения товаров, символов и людей, таким образом, представляют собой значительную стра-

¹ См.: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. – URL: <http://government.ru/info/6217/>.

тифицирующую силу, благодаря которой неравные жизненные шансы постоянно воспроизводятся» [14, р. 8]. Если в социальном пространстве образовательная система может ослабить влияние происхождения и помочь индивидам из менее богатых слоев в осуществлении восходящей социальной мобильности, то «в случае географического пространства общественный транспорт, предназначенный для того, чтобы соединять отдаленные географические места с теми, что ближе к центру, может смягчить эффект географического происхождения человека» [14, р. 16] (см. также [10]). Но нарастающая в последнее время коммодификация транспортной инфраструктуры приводит к усилению социально-пространственного неравенства.

Пространственная мобильность как возможность преодолеть социально-пространственное неравенство *определяется сложным переплетением факторов*: не только инфраструктурными и экономическими, но и связанными с личными особенностями. Для характеристики совокупности условий, которые делают движение возможным, «позволяют повторить движение предсказуемым образом и без риска», Д. Урри предлагает понятие «*системы мобильности*». В современном мире системы мобильности включают «бронирование билетов, заправку горючим, адреса, безопасность, протоколы, узловые станции, веб-сайты, доки, перевод денег, пакетные туры, багажные отделения, контроль воздушного сообщения, штрих-коды, мосты, расписания, видеонаблюдение и т.п.» [6, с. 83]. Уже в самом этом перечне отражена возрастающая зависимость систем мобильности от компьютерных средств и программного обеспечения. Цифровое наполнение систем мобильности – обширное поле для исследований. Мобильные устройства становятся все более распространенными, стремительно растет сегмент пассажиров городского общественного транспорта, постоянно имеющих при себе и использующих мобильные устройства для улучшения разных аспектов качества поездок [8; 9; 16]. По мнению Р. Линга, мобильный телефон завершил автомобильную революцию. Если автомобиль обеспечил гибкость перевозок и поездок, то до распространения сотовых телефонов не было аналога, позволяющего координировать передвижения в реальном времени. Мобильный телефон снял проблему недоступности для связи, когда

ты в пути, позволяя согласовывать и синхронизировать перемещения [13]. Из недавних отечественных исследований в данном направлении можно привести как пример работу Н.В. Веселковой с соавторами о повседневной мобильности молодежи в небольших уральских городах, одним из сюжетов которой стало описание элементов практик мобильности, связанных с «интернет-активаторами мобильности» [2].

Придерживаясь теоретической рамки, заданной П. Бурдьё, для анализа факторов мобильности В. Кауфман предлагает понятие «мотильность», означающее одну из форм капитала, которая может быть конвертирована в экономический, культурный или социальный капиталы. Мотильность как способность индивида, материального объекта, информации быть подвижными в социальном и географическом пространствах, включает три элемента:

- доступность, отсылающую к транспортным средствам, средствам связи, всему спектру услуг, которые возможно использовать в данный момент времени. Их можно оценивать с точки зрения близости в пространстве, стоимости доступа к ним;
- компетенции (навыки), в число которых входят физическая способность к перемещению, специальные приобретенные навыки, такие как вождение транспортных средств, способность к планированию и синхронизации деятельности;
- предрасположенность, формируемую потребностями, планами, стремлениями, обязательствами и отсылающую к стратегиям, мотивам, ценностям, привычкам [12, p. 750].

Парадоксальность в том, что человек может обладать высокой степенью мотильности без реальных перемещений, например работающий дома специалист, обеспеченный всеми средствами коммуникации, или тот, кто сам не перемещается, но к кому «двигаются», доставляются товары. С другой стороны, можно быть вовлеченным в физические перемещения, но иметь низкую мотильность в плане возможностей и выбора, особенно если движение вынужденное (как в случае пленника или ребенка, периодически переезжающего от одного из разведенных родителей к другому) [18, p. 9].

Урри развивает идеи Бурдьё, предлагая в качестве аналитического инструмента понятие «сетевой капитал». Сетевой капитал следует

рассматривать как продукт взаимодействия индивидов с другими и с возможностями среды, а не как атрибут отдельных индивидов. Он включает: 1) соответствующие документы, визы, деньги; 2) наличие удаленных других, что позволяет поддерживать места и сети через регулярные визиты и коммуникацию; 3) двигательные способности индивидов, в том числе способность пользоваться транспортными средствами, мобильной связью, интернетом; 4) бесплатную локационную информацию и пункты контактов; 5) коммуникационные устройства, чтобы договариваться с другими, в том числе на ходу; 6) соответствующие назначению, безопасные и надежные места встреч; 7) доступ к автомобилю; 8) время и другие ресурсы для координации элементов, перечисленных во всех предыдущих пунктах [6, с. 363]. Для Урри важны прежде всего социальные отношения, коренящиеся в мобильности.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА

Наше исследование будет реализовано в следующей логике: дадим описание условий для пространственной мобильности (дорожно-транспортной ситуации и основных проблем, касающихся транспортной инфраструктуры в Новосибирской области); затем представим характеристики повседневной пространственной мобильности жителей области в режиме недельного цикла и дифференциацию субъективных оценок мобильности в зависимости от используемых транспортных средств; далее опишем место различных цифровых технологий в организации и осуществлении пространственных перемещений; эпизодическую пространственную мобильность проанализируем на примере поездок за пределы Новосибирской области в течение последних пяти лет.

Информационную базу исследования составили данные массовых опросов жителей Новосибирской области, организованных сотрудниками кафедры общей социологии экономического факультета НГУ и ИЭОПИ СО РАН совместно с Центром маркетинговых исследований «ИнфоСкан» и проведенных силами студентов отделения со-

циологии НГУ в июле 2018 и 2019 гг. Метод сбора информации – формализованное телефонное интервью (использована комбинация стационарных и мобильных номеров телефонов). Выборка квотная, репрезентирует взрослое население области по полу, возрасту, территориальной зоне проживания. Объем выборки – 1562 чел. в 2018 г. и 1832 чел. в 2019 г. Основная часть результатов будет представлена на данных последнего опроса.

Вопросник для интервью содержал следующие блоки: социально-демографические характеристики респондента, место жительства, регулярная, повседневная пространственная мобильность (наличие, направления, частота, длительность, цели поездок, используемые виды транспорта, сложность поездок, цифровые технологии при планировании поездок), субъективные оценки повседневной пространственной мобильности, эпизодические поездки за пределы региона, посещение досуговых мест, пользование интернетом, удовлетворенность условиями жизни по месту жительства. Отметим, что в блоке вопросов о регулярных поездках в режиме недельного цикла респондента просили назвать все его маршруты, а затем рассказать более подробно о каждом из них (куда ездит, с какими целями, как часто, на каком транспорте). В отношении регулярных поездок на работу и учебу также задавались вопросы об их длительности.

Результаты исследования будут представлены далее как по области в целом, так и в разрезе территориальных зон.

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНАЯ СИТУАЦИЯ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Новосибирская область – крупнейший транспортно-распределительный и транзитный центр в восточной части страны, через который проходят основные транспортные магистрали (рис. 1). Значение индекса развития транспортной инфраструктуры Новосибирской области находится на уровне среднероссийских показателей (3,36 при среднероссийском 3,24), среди всех регионов России область занимает по данному показателю 20-е место [3].

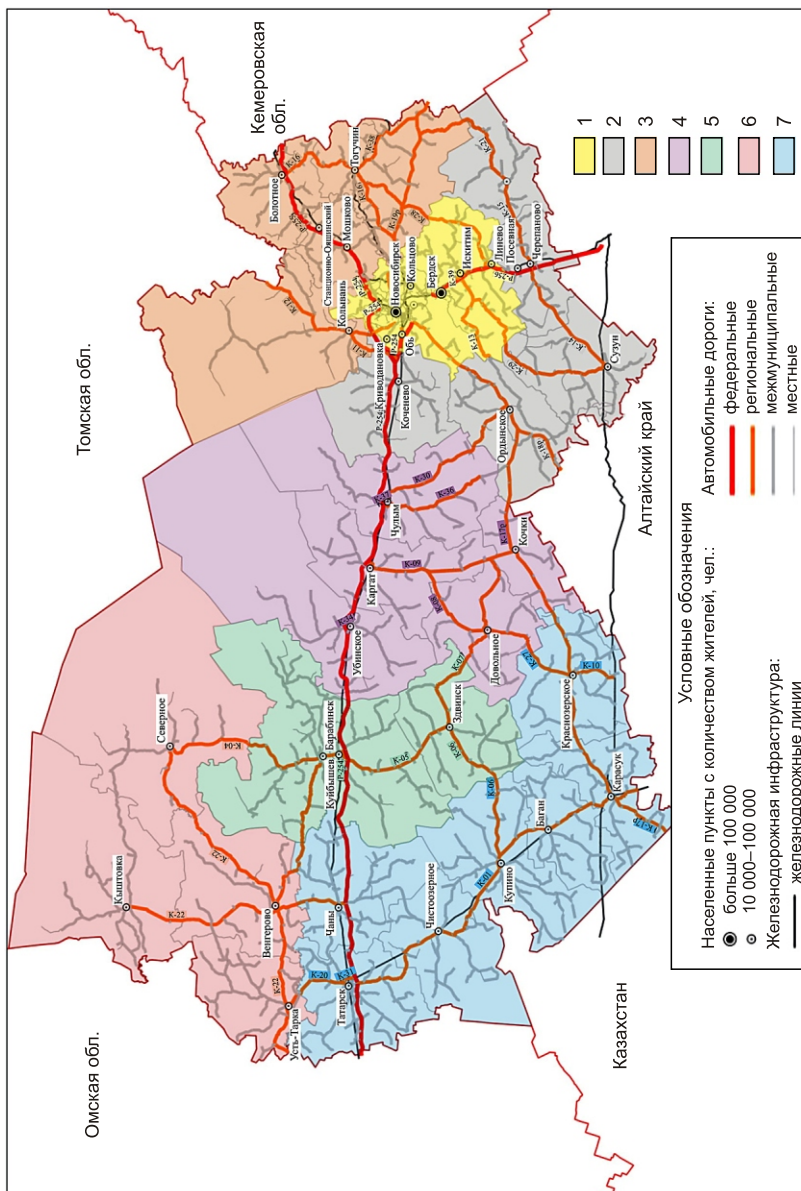

Рис. 1. Схема выделенных территориальных зон и транспортная инфраструктура Новосибирской области

б/н – г. Новосибирск; 1 – периферия Новосибирской агломерации (г. Бердск, г. Обь, р.п. Кольцово, Искитимский и Новосибирский районы); 2 – Юго-Восточная зона (Коченевский, Маслянинский, Ордынский, Сузунский и Черепановский районы); 3 – Северо-Восточная зона (Болотнинский, Колыванский, Мошковский и Тогучинский районы); 4 – Центральная зона (Доволенский, Каргатский, Кочковский, Убинский и Чулымский районы); 5 – Барабинско-Куйбышевская агломерация (Барабинский, Здвинский и Куйбышевский районы); 6 – Северо-Западная зона (Венгеровский, Кыштовский, Северный и Усть-Таркский районы); 7 – Юго-Западная зона (Баганский, Карасукский, Краснозерский, Купинский, Татарский, Чановский и Чистоозерный районы)

Источник: составлено авторами на основе карты «Классификация автомобильных дорог по значению» (см.: *Транспортная стратегия Новосибирской области до 2030 г.* / Министерство транспорта и дорожного хозяйства Новосибирской области; ФГБОУ ВО СГУПС. – URL: <https://mintrans.nso.ru/page/2667>)

В качестве общих проблем, характерных для всех видов транспорта Новосибирской области и влияющих на повседневную пространственную мобильность населения, эксперты называют следующие: старение инфраструктуры, основных фондов и парка подвижного состава транспортных организаций; несоответствие темпов развития автомобильных дорог темпам автомобилизации; дополнительные пиковые нагрузки на пассажирский транспорт из-за увеличения его востребованности, связанного с маятниковой миграцией населения (вызвана динамикой рынка труда, концентрацией наиболее привлекательных рабочих мест в Новосибирске, ростом жилых массивов в пригородной зоне Новосибирска); отсутствие достаточных финансовых ресурсов и трудность их привлечения для реализации транспортными и дорожно-строительными организациями новых инвестиционных проектов и др.²

Основные показатели работы железнодорожного пассажирского транспорта в последнее десятилетие стабильно падают. К проблемам пригородного транспорта относят устаревание подвижного состава, отсутствие на большинстве станций посадочных платформ, поднятых

² См.: *Транспортная стратегия Новосибирской области до 2030 г.* / Министерство транспорта и дорожного хозяйства Новосибирской области; ФГБОУ ВО СГУПС. – URL: <https://mintrans.nso.ru/page/2667>.

до уровня входа в подвижной состав, отсутствие тактовых пригородных маршрутов, городской электрички. Для городского рельсового транспорта характерны отсутствие связанной сети выделенных полос движения, моральный и физический износ подвижного состава, несоответствие современным представлениям о комфортности передвижения на транспорте общего пользования, нахождение ряда микрорайонов вдали от общественного пассажирского транспорта высокой провозной способности³.

Автодорожная сеть Новосибирской области включает федеральные, региональные, межмуниципальные и местные дороги. На конец 2019 г. на территории области протяженность автомобильных дорог общего пользования составляла 28 248,5 км, из них дорог федерального значения – 804,4 км, регионального или межмуниципального значения – 12 730,41 км, местного – 14 713,6 км⁴. Но если для дифференцированного описания дорожной инфраструктуры внутри области обратиться к статистике в разрезе муниципальных образований, то в ней отражены скорее административно-бюджетные отношения, чем возможности населения для перемещений в пространстве: она содержит данные только о протяженности и состоянии дорог местного значения. Неполнота данных об автодорогах не позволяет полноценно описать различия рассматриваемых территориальных зон, но, полагаем, в целом эти данные отражают дифференциацию между областным центром, Новосибирской агломерацией и остальной территорией области (табл. 1). По показателям плотности дорог и дорог с твердым покрытием на 1 кв. км территории, а также по удельному весу дорог, отвечающих нормативным требованиям, первое место ожидаемо занимает Новосибирск, три следующих места – периферия Новосибирской агломерации, Юго-Восточная и Северо-Восточная зоны. Именно эти зоны с наиболее развитой дорожной инфраструктурой, как будет видно далее, отличаются более высокими показателями мобильности населения с центром притяжения в Новоси-

³ См.: *Транспортная стратегия Новосибирской области до 2030 г.*

⁴ См.: *Протяженность автомобильных дорог общего пользования по субъектам Российской Федерации* / Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/23455>.

Таблица 1

Характеристики автомобильных дорог общего пользования местного значения по территориальным зонам Новосибирской области, на конец 2019 г.

Характеристика дорожной инфраструктуры	Территориальные зоны							
	Новосибирск	периферия Новосибирской агломерации	Центральная	Барбинско-Куйбышевская агломерация	Юго-Восточная	Северо-Восточная	Северо-Западная	Юго-Западная
Протяженность дорог, км	3 298,3	1 942,2	1 326,2	913,8	2 362,5	2 054,6	724,5	2 091,5
Плотность дорог, км на 1 кв. км территории	6,569	0,288	0,038	0,052	0,115	0,091	0,020	0,062
Плотность дорог с твердым покрытием, км на 1 кв. км территории	5,055	0,216	0,019	0,027	0,062	0,053	0,008	0,029
Удельный вес дорог, отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности дорог, %	70,0	67,8	59,6	52,9	63,9	60,4	55,4	56,4

Источник: рассчитано авторами на основе данных Новосибирскстата (см.: Протяженность автомобильных дорог общего пользования местного значения по Новосибирской области / Новосибирскстат. – URL: <https://novosibstat.gks.ru/folder/32621>).

бирске. «Минимальная» автодорожная сеть местного значения – в Северо-Западной зоне.

Основные недостатки сети автомобильных дорог в Новосибирской области – отсутствие отвода транзитных транспортных потоков от застроенной части г. Новосибирска, неудовлетворительное качество дорог и мостов (связь районного центра с сетью автодорог федерального значения по дороге с неусовершенствованным типом по-

крытия; значительное количество участков с грунтовым покрытием на дорогах, связывающих районные центры с сельскими населенными пунктами; несоответствие категории дорог интенсивности движения; прохождение автобусных маршрутов по дорогам пятой технической категории и по грунтовым автодорогам; неудовлетворительное и аварийное состояние мостовых сооружений и др.)⁵.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ: ЧАСТОТА, НАПРАВЛЕНИЯ, ЦЕЛИ

В существующей дорожно-транспортной ситуации половина жителей Новосибирской области регулярно совершают повседневные поездки (51% в опросе 2019 г., 47% в 2018 г.), треть ездят нерегулярно, редко (35% в 2019 г. и 34% в 2018 г.), у остальных, по их мнению, нет повседневных поездок (14 и 18% соответственно). Самые мобильные – жители областного центра (62% новосибирцев ездят регулярно, еще 27% – редко). Менее мобильны жители других городских округов (Бердск, Искитим, Кольцово, Обь): 50% совершают регулярные поездки и 37% – редкие. Для жителей остальных населенных пунктов в среднем более характерны редкие, эпизодические поездки, чем регулярные (рис. 2).

Если территориальные различия учитывать в разрезе зон, то самыми мобильными после новосибирцев будут жители периферии Новосибирской агломерации (52% регулярно совершают какие-либо поездки), затем – жители районов Северо-Восточной зоны (41%). В противоположность им, стабильно, в обоих опросах низкий уровень повседневной пространственной мобильности фиксируется в районах Центральной зоны (регулярно ездят 20%). При этом в данной группе районов максимальна доля тех, кто вообще не совершает регулярных, повседневных поездок, – 28%. Остальные территориальные зоны отличает преобладание нерегулярных, редких поездок (осуществляют их 45–49% жителей) по сравнению с частыми, регулярными (30–32%) (табл. 2).

⁵ См.: *Транспортная стратегия Новосибирской области до 2030 г.*

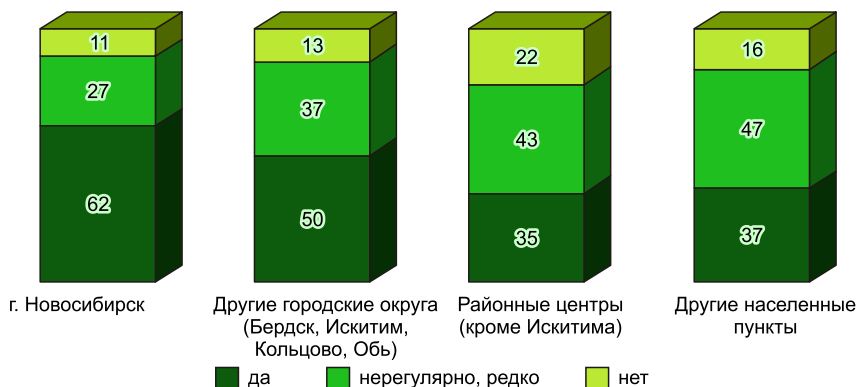

Рис. 2. Распределение ответов жителей населенных пунктов Новосибирской области на вопрос: «Совершаете ли вы ежедневно или несколько раз в неделю какие-либо поездки? Если вы сейчас в отпуске, на больничном, на каникулах, вспомните свои регулярные поездки в обычное время», 2019 г., %

Для направлений повседневных поездок в Новосибирской области характерны две особенности. Во-первых, что неудивительно, основным центром притяжения в повседневной мобильности является Новосибирск. У 57% жителей областного центра регулярные перемещения – внутригородские, в Новосибирск регулярно ездят 39% жителей периферии Новосибирской агломерации, 29% взрослых, живущих в районах Северо-Восточной зоны, а также 19% взрослых из районов Юго-Восточной зоны. Из жителей остальных территориальных зон в среднем 6–11% совершают регулярные, повседневные поездки в областной центр. Во-вторых, остальная основная часть поездок происходит в пределах «своих» территориальных зон, как правило – своих муниципальных районов. Но и здесь есть особенности. Среди взрослых, живущих в Новосибирской агломерации и Северо-Восточной зоне, доли тех, кто регулярно ездит внутри данных территорий, ниже, чем доли совершающих регулярные поездки в Новосибирск. Среди живущих в районах Юго-Восточной зоны размеры этих мобильных групп равны – 18–19%. И лишь в остальных территориальных зонах локальные точки пространственного притяжения оказываются сильнее, чем Новосибирск (см. табл. 2).

Таблица 2

Выбор жителями разных территорий Новосибирской области направлений регулярных, повседневных поездок, 2019 г., множественный выбор, % по столбцам от всех опрошенных в территориальных зонах

Направление поездок	Жители								Все жители области
	Новосибирска	периферии Новосибирской агломерации	Центральной зоны	Барабинско-Куйбышевской агломерации	Юго-Восточной зоны	Северо-Восточной зоны	Северо-Западной зоны	Юго-Западной зоны	
В Новосибирск, по Новосибирску	57,4	38,8	6,6	5,8	18,8	29,4	5,1	11,3	40,8
В районы, населенные пункты Новосибирской агломерации (без Новосибирска)	7,5	23,4	1,6	1,2	3,6	4,9	–	0,6	8,4
В районы Центральной зоны	0,3	–	16,4	–	1,4	–	–	0,6	0,9
В районы Барабинско-Куйбышевской агломерации	0,3	–	–	26,7	–	–	5,1	1,9	1,7
В районы Юго-Восточной зоны	1,2	0,7	–	–	18,1	1,0	–	–	2,1
В районы Северо-Восточной зоны	2,6	0,7	–	–	–	19,6	–	–	2,6
В районы Северо-Западной зоны	–	–	–	–	–	–	17,9	0,6	0,4
В районы Юго-Западной зоны	0,2	–	–	5,8	–	–	7,7	25,2	2,7
За пределы Новосибирской области	0,6	0,3	–	1,2	–	2,9	–	2,5	0,8
<i>Всего совершающих регулярные поездки</i>	<i>61,9</i>	<i>52,2</i>	<i>19,7</i>	<i>31,4</i>	<i>31,2</i>	<i>41,2</i>	<i>30,8</i>	<i>32,1</i>	<i>50,8</i>

Примечания: 1) сумма значений по столбцам может быть выше, чем общая доля совершающих регулярные поездки, так как у некоторых респондентов несколько маршрутов с разными направлениями; 2) жирным шрифтом выделены значения больше 10%.

Таблица 3

Выбор жителями разных территорий Новосибирской области целей регулярных, повседневных поездок, 2019 г., множественный выбор, % по столбцам от всех опрошенных в территориальных зонах

Цель поездок	Жители								Все жители области
	Новосибирска	периферии Новосибирской агломерации	Центральной зоны	Барабинско-Куйбышевской агломерации	Юго-Восточной зоны	Северо-Восточной зоны	Северо-Западной зоны	Юго-Западной зоны	
К месту работы	31,7	26,1	6,6	5,8	9,4	19,6	12,8	6,9	23,9
По работе в течение рабочего времени	17,1	13,4	9,8	8,1	12,3	10,8	5,1	10,1	14,2
На учебу	5,1	4,8	–	1,2	2,2	2,0	–	1,3	3,9
Возят других членов семьи	4,6	7,6	1,6	–	2,2	6,9	2,6	3,8	4,6
В медицинские учреждения, аптеки	6,8	10,7	8,2	12,8	5,8	10,8	17,9	7,5	8,2
В административные учреждения	3,9	4,5	3,3	4,7	2,9	4,9	2,6	3,1	3,9
В кино, театр, другие места досуга	13,9	13,7	–	3,5	2,9	13,7	5,1	4,4	11,1
К родственникам, друзьям	25,7	21,6	8,2	17,4	12,3	20,6	20,5	16,4	21,9
За покупками	17,7	21,6	9,8	10,5	13,0	18,6	15,4	13,2	17,0
На дачу, на загородный участок	11,6	6,2	–	2,3	–	1,0	–	2,5	7,4
<i>Всего совершающих регулярные поездки</i>	<i>61,9</i>	<i>52,2</i>	<i>19,7</i>	<i>31,4</i>	<i>31,2</i>	<i>41,2</i>	<i>30,8</i>	<i>32,1</i>	<i>50,8</i>

Примечания: 1) сумма значений по столбцам может быть выше, чем общая доля совершающих регулярные поездки, так как у некоторых респондентов несколько маршрутов с разными целями; 2) жирным шрифтом выделены значения больше 10%.

Среди целей регулярных повседневных поездок две наиболее распространённые – к месту работы (эту цель указали 24% опрошенных, т.е. почти каждый четвёртый взрослый житель Новосибирской области ездит на транспорте на работу) и к родственникам, друзьям (22%). Но для отдельных территорий рейтинговые позиции этих целей различаются: поездки на работу оказались на первом месте по распространённости у жителей всей Новосибирской агломерации, «конкурируют» с поездками к родственникам и друзьям у жителей районов Северо-Восточной зоны, тогда как в остальных районах поддержание социальных связей оказывается приоритетной причиной регулярных, повседневных поездок, а на вторых позициях – поездки ради покупок. Поездки с медицинскими целями – скорее маркер мобильности жителей области, а досуговые и поездки на дачу характерны для жителей областного центра и Новосибирской агломерации (табл. 3).

Уровень повседневной транспортной мобильности линейно снижается с возрастом: среди 18–24-летних регулярно совершают поездки в режиме недельного цикла 66%, среди тех, кому от 25 до 39 лет, – 63%, в группе 40–59-летних – 51%, а в самой старшей (более 60 лет) – 34%. Доля тех взрослых, у кого таких поездок нет вообще, увеличивается от 7% в группе самых молодых взрослых до 22% в группе самых старших.

ВОСПРИЯТИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОБИЛЬНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

За пределами областного центра общественный транспорт (включает электрички, автобусы, «маршрутки», метро, троллейбусы, трамваи, такси) проиграл по совокупному использованию личному автотранспорту. Лишь в Новосибирске пользующихся общественным транспортом для регулярных, повседневных поездок больше (36%), чем тех, кто ездит на личных автомобилях (в качестве водителя или пассажира, 30%). Поэтому в целом по Новосибирской области складывается паритет общественного и личного транспорта для частых, повседневных поездок: по данным опроса 2019 г., 27% респондентов пользуются общественным транспортом, а 28% – личным; в опросе 2018 г. при такой же численности тех, кто ездит на общественном транспорте, использующих личные автомобили было 26%. Но пре-

обладание личного транспорта как средства передвижения за пределами областного центра стабильно фиксируется в обоих опросах.

Для областного центра пятерка приоритетных средств передвижения в целом включает автобусы (29%), личные автомобили (респонденты едут в качестве водителя, 27%), маршрутные такси (18%) метро (18%) и троллейбусы (11%). Для жителей остальных населенных пунктов Новосибирской агломерации список приоритетных транспортных средств короче за счет исключения из него городского электротранспорта, но в него дополнительно входят электрички (10%). В целом, пригородными электричками пользуются в повседневных, регулярных поездках 5% жителей области (табл. 4).

Мы просили респондентов оценить повседневные поездки к месту работы и учебы (как самые частые из регулярных; если у респондента было несколько таких маршрутов, выбирали поездки максимальной продолжительности по времени в пути). По примерным оценкам респондентов, 30% из них проводят в дороге в одну сторону до 20 минут, еще 36% – от 20 до 40 минут, 14% респондентов тратят на дорогу на работу или учебу больше часа. Эти оценки затрат времени дифференцированы в зависимости от того, каким транспортом пользуются жители области: из тех, кто едет на работу или учебу на личном автомобиле, три четверти (75%) доезжают туда менее чем за 40 минут; такие же временные затраты на дорогу у 58% из тех, кто пользуется общественным транспортом (табл. 5).

Большинство респондентов оценивают расстояние от места жительства до места работы или учебы, выбирая средние значения шкалы (40%), 32% считают, что работа (место учебы) находится в той или иной степени близко, а 27% – что далеко. Среди пользующихся личным автомобилем больше тех, кто воспринимает свое место работы (учебы) как близкое, – 41%, тогда как среди пользующихся общественным транспортом – 27% (см. табл. 5).

Почти половина респондентов (48%) говорят о привычности и относительной приемлемости для них таких регулярных, повседневных поездок. Еще 39% вообще «не видят проблемы» в постоянных поездках, считают их вполне приемлемыми. И только 12% выбрали вариант оценки «поездки очень напрягают, неприемлемы». Те, кто ездит на работу (учебу) на личном автомобиле, более позитивно воспринимают эти поездки: «не видят проблем» 43% (см. табл. 5).

Таблица 4

Выбор жителями разных территорий Новосибирской области транспортных средств для регулярных, повседневных поездок, 2019 г., множественный выбор, % по столбцам от всех опрошенных в территориальных зонах

Транспортное средство	Жители								Все жители области
	Новосибирска	периферии Новосибирской агломерации	Центральной зоны	Барабинско-Куйбышевской агломерации	Юго-Восточной зоны	Северо-Восточной зоны	Северо-Западной зоны	Юго-Западной зоны	
Электричка	4,1	9,6	1,6	3,5	6,5	8,8	–	1,3	5,0
Автобус	29,0	15,5	4,9	16,3	10,1	12,7	10,3	8,2	20,9
«Маршрутка»	18,3	15,1	–	1,2	0,7	4,9	–	3,1	12,6
Трамвай	4,9	0,7	1,6	–	0,7	1,0	–	–	2,8
Троллейбус	11,2	1,7	–	–	0,7	2,9	–	–	6,3
Метро	18,3	5,5	–	1,2	–	1,0	–	1,3	10,6
Личный автомобиль (в качестве водителя)	27,1	27,5	13,1	12,8	18,1	25,5	12,8	21,4	24,5
Личный автомобиль (в качестве пассажира)	6,4	5,2	6,6	9,3	5,8	10,8	10,3	7,5	6,7
Такси	5,3	5,5	3,3	3,5	0,7	2,0	5,1	1,9	4,4
Служебный транспорт	1,5	1,0	1,6	1,2	1,4	1,0	–	2,5	1,4
<i>Всего совершающих регулярные поездки</i>	<i>61,9</i>	<i>52,2</i>	<i>19,7</i>	<i>31,4</i>	<i>31,2</i>	<i>41,2</i>	<i>30,8</i>	<i>32,1</i>	<i>50,8</i>
Общественный транспорт	35,7	26,3	4,9	17,4	12,4	17,8	12,8	10,1	26,6
Личный автомобиль	29,5	31,4	16,4	22,1	22,6	29,4	23,1	25,8	28,0

Примечания: 1) сумма значений по столбцам может быть выше, чем общая доля совершающих регулярные поездки, так как некоторые респонденты могут использовать несколько видов транспортных средств; 2) жирным шрифтом выделены значения больше 10%.

Таблица 5

**Субъективные оценки жителями Новосибирской области регулярных,
повседневных поездок на работу (учебу), 2019 г.,
% от ответивших в каждой группе**

Параметры субъективных оценок повседневной пространственной мобильности	Используемые транспортные средства	
	Среди средств повседневных поездок есть личный автомобиль	Среди средств повседневных поездок есть общественный транспорт

*«Сколько обычно времени уходит на дорогу на работу (на учебу) в одну сторону
(в среднем часов и минут)?»*

До 20 минут	37,8	23,1
21–40 минут	36,9	35,4
41–60 минут	13,5	27,9
От 1 часа до 1 часа 30 минут	6,3	9,5
Больше 1 часа 30 минут	5,4	4,1

*«Как вы оцениваете – насколько далеко или близко находится ваша работа (учеба)
от места, где вы живете?»*

Очень близко	13,5	7,8
Скорее близко	27,0	18,7
Средне	36,0	43,9
Скорее далеко	18,5	22,1
Очень далеко	3,6	6,5

«Как вы относитесь к этим поездкам? В какой степени они для вас приемлемы?»

Не вижу в этом проблемы, вполне приемлемо	42,8	34,7
Более или менее приемлемо, привык(ла)	44,1	51,4
Поездки очень напрягают, неприемлемы	11,7	13,6
Всего	100,0	100,0

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМАХ МОБИЛЬНОСТИ

Сегодня в любой поездке в руках у большинства смартфон, который часто и используется для ее организации. Спрашивая о том, что делают респонденты с помощью интернета для планирования/организации своих поездок, мы не задавали временной период, поэтому ответы отражают скорее общий, иногда эпизодический опыт применения цифровых технологий. Самые распространенные способы использования интернета, мобильных приложений – просмотр карт при планировании маршрутов (59% по данным опроса 2019 г.), отслеживание пробок на дорогах (40%) и заказ такси через мобильные приложения (35%). При этом просмотр карт, отслеживание пробок и загруженности дорог входят в тройку приоритетных способов использования интернета у тех, кто совершает частые, регулярные поездки как на личном, так и на общественном транспорте. Различаются эти группы респондентов в остальных вариантах: 47% тех, кто ездит на личном автомобиле, используют навигаторы в поездках (по сравнению с 27% среди всех опрошенных), а из тех, кто пользуется общественным транспортом, отслеживают его движение 42%, смотрят расписание 40% (по сравнению с 24 и 29% соответственно во всей совокупности опрошенных) (табл. 6).

Существует заметная дифференциация в использовании цифровых технологий в зависимости от места проживания и возраста респондентов. Так, новосибирцы чаще пользуются интернетом для организации своих поездок всеми способами, за исключением обращения к дорожным навигаторам (максимальная доля использующих их зафиксирована среди жителей остальных городских округов и периферии Новосибирской агломерации в целом) и отслеживания расписания общественного транспорта: 70% жителей областного центра смотрят электронные карты для планирования маршрута, 53% отслеживают загруженность дорог, 47% заказывают такси через мобильные приложения, 33% отслеживают движение транспорта. К примеру, в районных центрах используют интернет для таких целей в два-три раза меньше. То есть как цифровая инфраструктура, так и транспортная ситуация (высокая загруженность дорог) располагают к тому, что новосибирцы чаще прибегают к цифровым технологиям для организации своей пространственной мобильности. Соответственно, в об-

Таблица 6

**Распространенность использования жителями Новосибирской области
цифровых технологий при планировании поездок и в поездках,
множественный выбор, % от всех опрошенных**

Вариант использования цифровых технологий	2018	2019
Смотрю карты ДубльГИС, Яндекс, Google для планирования маршрута	49,6	58,8
Использую навигатор в автомобиле	23,3	27,1
Отслеживаю пробки, загруженность дорог	38,2	40,3
Заказываю такси через приложения	28,8	35,2
Отслеживаю движение общественного транспорта	19,5	23,7
Смотрю расписание общественного транспорта	22,3	28,7
Покупаю билеты на электричку, на междугородний автобус с помощью интернета, мобильных приложений	12,9	12,1
Для совместных поездок ищу попутчиков через приложения, например BlaBlaCar	Не спрашивали	8,1
Арендую автомобиль, используя специальные мобильные приложения	Не спрашивали	2,5
Ничего из перечисленного не делают или не пользуются интернетом	35,5	28,9

Примечание: распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного вы делаете с помощью интернета, мобильных приложений при планировании поездок, в самих поездках?».

ратном направлении растет доля тех, кто не пользуется интернетом вообще (с 15% в Новосибирске до 17% в остальных городских округах, 24% в районных центрах и 31% в остальных населенных пунктах) или не обращается к его помощи для организации поездок (6% в Новосибирске, 7% в других городских округах и по 12% в двух остальных типах населенных пунктов) (рис. 3).

Другая «линия разлома» в использовании цифровых технологий для планирования и организации поездок – между возрастными группами. По сравнению с самыми молодыми респондентами те, кто старше 60 лет, в целом чаще не пользуются интернетом (50% против 2% среди 18–24-летних), в том числе и для организации поездок (ничего

Рис. 3. Цели использования интернета, мобильных приложений при организации поездок и в поездках респондентами из разных населенных пунктов, 2019 г., % от всех опрошенных в населенных пунктах каждого типа, ранжировано по ответам респондентов из Новосибирска

не делают из предложенного списка 10% против 2% соответственно). Практически для всех молодых опрошенных привычно пользоваться электронными картами (85%), для двух из трех – заказывать такси через мобильные приложения и отслеживать пробки на дорогах. В противоположность, в группе самых старших респондентов «рейтинг» наиболее распространенного «транспортного» повода использовать интернет – посмотреть карты для планирования маршрута

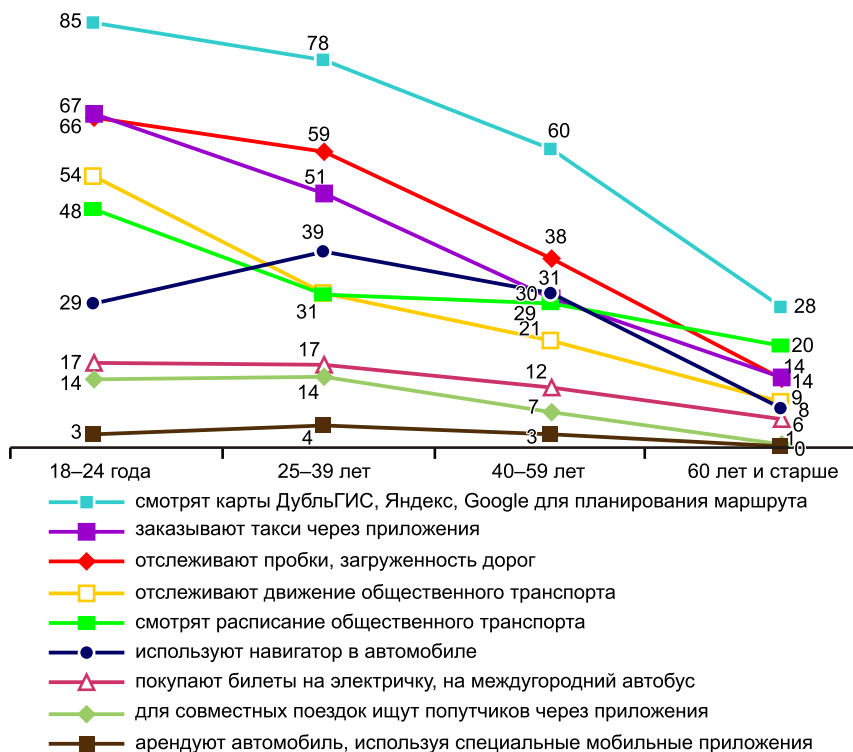

Рис. 4. Цели использования интернета, мобильных приложений при организации поездок и в поездках респондентами разного возраста, 2019 г., % от всех опрошенных в каждой возрастной группе, ранжировано по ответам респондентов 18–24 лет

составил 28%, остальные варианты назвали не более 20% опрошенных из этой группы (рис. 4).

ЭПИЗОДИЧЕСКАЯ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ЗА ПРЕДЕЛЫ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Пространственная мобильность за пределы регионов постоянного проживания отражает не только экономические возможности для таких поездок, но и связанность территорий. Мы не можем представить данный вид перемещений так же подробно, как и повседневные поездки,

но можем дать оценку масштабов и целей эпизодической внешней мобильности. По данным опроса 2019 г., две трети жителей Новосибирской области (64%) выезжали за ее пределы в течение последних пяти лет (в 2018 г. – 61%). И доли эпизодически мобильных на большие расстояния среди живущих в разных территориальных зонах примерно воспроизводят ситуацию повседневной мобильности. Больше всего выезжавших из Новосибирской области среди новосибирцев (73%), более половины – среди живущих в остальной части Новосибирской агломерации (67%), районах Северо-Восточной (60%) и Юго-Западной (53%) зон. Среди живущих в районах Юго-Восточной и Северо-Западной зон выезжавших из области по 46%. Минимальные доли тех, кто выезжал из региона в течение последних пяти лет, в районах Центральной зоны (33%) и Барабинско-Куйбышевской агломерации (35%).

Дифференциация во внешней пространственной мобильности обусловлена территориальными и возрастными различиями респондентов: чем крупнее населенный пункт проживания, чем моложе опрошенные, тем выше вероятность, что они выезжают за пределы области (рис. 5).

Посещение родных, друзей и туризм – две основные цели выезда за пределы Новосибирской области, их указали 34 и 33% от всех опрошенных соответственно. Две следующие по частоте упоминания причины – командировки, поездки по работе (15%) и санаторно-ку-

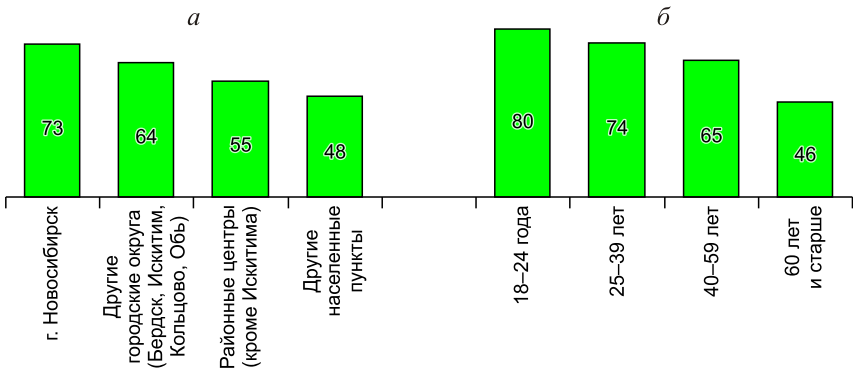

Рис. 5. Доли выезжавших за пределы Новосибирской области за последние пять лет в разных территориальных (а) и возрастных (б) группах, 2019 г., % от всех опрошенных в каждой группе

портный отдых, лечение (8%). Остальные цели назвали не более 3% постоянных жителей области.

Туризм – городской феномен, он оказался на первом месте среди причин поездок вне Новосибирской области у новосибирцев и живущих в остальных городских округах (38–41%). Жителями районных центров и небольших населенных пунктов эта причина указывается почти в два раза реже. Для них на первом месте среди целей поездок –

Рис. 6. Доли респондентов из разных населенных пунктов, выезжавших за пределы Новосибирской области за последние пять лет с теми или иными целями, 2019 г., % от всех опрошенных в населенных пунктах каждого типа, ранжировано по ответам респондентов из Новосибирска

посещение родственников, друзей (30–31%). Распространенность поездок, связанных с работой, также растет по мере «роста» административного статуса города (от 7% в небольших населенных пунктах до 20% в Новосибирске) (рис. 6).

В старших возрастных группах сокращается количество выездов с любыми целями, лишь поездок в медицинские учреждения и на

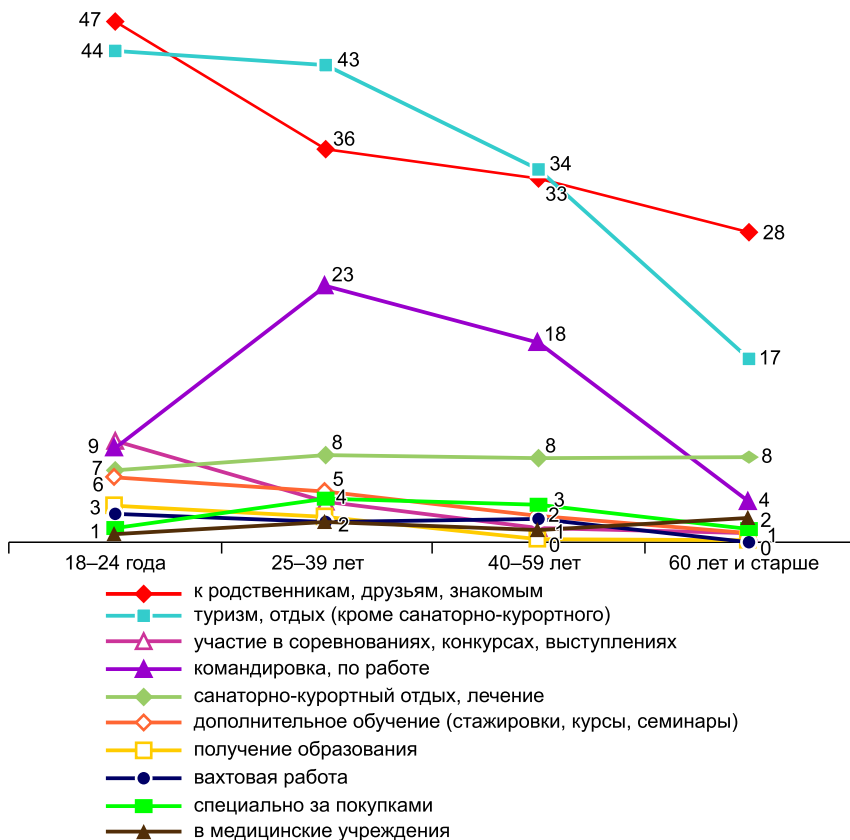

Рис. 7. Доли респондентов в разных возрастных группах, выезжавших за пределы Новосибирской области за последние пять лет с теми или иными целями, 2019 г., % от всех опрошенных в каждой возрастной группе, ранжировано по ответам респондентов 18–24 лет

санаторно-курортный отдых, лечение на 1–2 п.п. больше, чем в более молодых возрастных группах. Туристические поездки за пределы области у респондентов старшего возраста уступают по распространенности поездкам к родственникам или знакомым (рис. 7).

Отметим, что уровень эпизодической пространственной мобильности (в течение пяти лет) выше уровня повседневной мобильности во всех возрастных и территориальных группах. В целом, 40% взрослых жителей Новосибирской области мобильны как повседневно, так и в плане эпизодических выездов за пределы региона, но 9% иммобильны по обоим критериям.

* * *

К опросным данным, в том числе о поездках, можно предъявлять претензии относительно репрезентативности, понимания вопросов респондентами, искренности и достоверности ответов. Но любые другие данные о перемещениях в пространстве имеют свои ограничения: к примеру, они могут быть не о людях, а о поездках, мы можем знать распространенные маршруты, но не цели поездок по ним. Лишь сопоставление данных из разных источников позволяет определить более или менее устойчивые, воспроизводимые параметры мобильности населения. Мы имеем возможность сравнить данные двух опросов, проведенных по сопоставимой методике, и выделить несколько особенностей пространственной мобильности населения в Новосибирской области.

Во-первых, дорожно-транспортная инфраструктура задает рамочные условия мобильности. Данные демонстрируют, что мобильны в повседневном плане жители территориальных зон с наиболее развитой инфраструктурой. В то же время в субъективных оценках пространственной мобильности проявляется приспособление к ситуации: постоянная подвижность рутинизирована, воспринимается как неотъемлемая, а иногда и неизбежная часть повседневности.

Во-вторых, формируется «Новосибирск-стремительная» сеть повседневных маршрутов в восточной части области. То есть Новосибирская агломерация развивается и расширяется не за счет «горизонтальных» повседневных транспортных потоков, а за счет маятникового стягивания населения в областной центр.

В-третьих, хотя в отношении Новосибирска можно говорить о паритете личного и общественного транспорта как средств передвижения в регулярных, повседневных поездках, на остальной территории области победила автомобилизация: недостаточная развитость инфраструктуры общественного транспорта вынуждает жителей активнее использовать как основное средство передвижения личные автомобили, что, с одной стороны, позволяет быть мобильным в напряженных дорожно-транспортных условиях, но с другой – усиливает нагрузку на существующую инфраструктуру.

Автомобилизация за пределами областного центра фактически означает, что преимуществами мобильности могут пользоваться те, у кого есть личные транспортные средства. В этом проявляется экономическая основа дифференциации пространственной мобильности, но она сама делает более явными другие основания неравенств, к примеру возрастные и поселенческие. Это хорошо видно на примере использования интернет-технологий при организации поездок, в самих поездках: цифровая инфраструктура мобильности осваивается преимущественно горожанами и молодыми, они же чаще выезжают за пределы Новосибирской области.

Влияние социальных факторов мы увидели на примере целей поездок: как в случае эпизодической, так и в случае повседневной пространственной мобильности (жителей других территориальных зон за пределами Новосибирской агломерации) посещение родных, друзей – среди наиболее приоритетных. То есть поддержание социальных контактов является одним из стимулов пространственной мобильности.

Статья подготовлена в рамках государственного задания по проекту XI.179.1.3 «Российское общество в движении: институциональная среда, структуры, практики и субъекты социальных изменений» № АААА-А17-117022250126-1

Список источников

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.
2. Веселкова Н.В., Вандышев М.Н., Прямикова Е.В., Данилова А.В. Повседневная мобильность молодежи в небольших уральских городах // Экономическая социология. – 2019. – Т. 20, № 4. – С. 78–106.

3. Жундриков А., Галактионова А., Якунина Е., Дорджиева Д. Инфраструктура России: индекс развития. – М.: InfraOne Research, 2018. – URL: https://infraone.ru/analitika/Index_razvitiia_infrastruktury_Rossii_InfraONE_Research.pdf (дата обращения: 26.07.2020).
4. *Между домом... и домом: Возвратная пространственная мобильность населения России* / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. – М.: Новый хронограф, 2016. – 500 с.
5. Подузов А.А. Измерение бедности (зарубежный опыт) // Проблемы прогнозирования. – 1996. – № 5. – С. 100–114.
6. Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. ст. Н.А. Харламова. – М.: Праксис, 2012. – 576 с.
7. Фролова Е.Б. О совершенствовании методологических положений по расчетам индексов немонетарной бедности по итогам выборочных наблюдений по социально-демографическим проблемам: Доклад на заседание Научно-методологического совета Федеральной службы государственной статистики 26 декабря 2017 г. – URL: https://www.gks.ru/council_meetings/document/12908 (дата обращения: 26.07.2020).
8. Aguilera A., Guillot C., Rallet A. Mobile ICTs and physical mobility: Review and research agenda // Transportation Research Part A: Policy and Practice. – 2012. – Vol. 46, Iss. 4. – P. 664–672. DOI: 10.1016/j.tra.2012.01.005.
9. Brown B., McGregor M., McMillan D. 100 days of iPhone use: Understanding the details of mobile device use // MobileHCI 2014 – Proceedings of the 16th ACM International Conference on Human-Computer Interaction with Mobile Devices and Services. – Toronto, ON. 2014. – P. 223–232. DOI: 10.1145/2628363.2628377. – URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/2628363.2628377> (дата обращения: 20.08.2020).
10. Cass N., Shove E., Urry J. Social exclusion, mobility and access // The Sociological Review. – 2005. – Vol. 3, Iss. 3. – P. 539–555. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2005.00565.x.
11. Kaufmann V. Mobility as a tool for sociology // Sociologica. – 2014. – Vol. 8, Iss. 1. DOI: 10.2383/77046. – URL: <http://www.rivisteweb.it/download/article/10.2383/77046> (дата обращения: 26.07.2020).
12. Kaufmann V., Bergman M.M., Joye D. Motility: mobility as capital // International Journal of Urban and Regional Research. – 2004. – Vol. 28, No. 4. – P. 745–756. DOI: 10.1111/j.0309-1317.2004.00549.x.
13. Ling R. The Mobile Connection: The Cell Phone's Impact on Society. – San Francisco: Morgan Kaufman Publishers, 2004. – 244 p.
14. Manderscheid K. Integrating space and mobilities into the analysis of social inequality // Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory. – 2009. – Vol. 10, Iss. 1. – P. 7–27. DOI: 10.1080/1600910X.2009.9672739.
15. *Measuring Material Deprivation in the EU. Indicators for the Whole Population and Child-Specific Indicators.* – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2012. – 169 p. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3888793/5853037/KS-RA-12-018-EN.PDF> (дата обращения: 26.07.2020).

16. Nunes A.A., Galvão T., Falcão e Cunha J. Urban public transport service co-creation: Leveraging passenger's knowledge to enhance travel experience // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Vol. 111. – P. 577–585. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.01.091.

17. Sager T. Freedom as mobility: Implications of the distinction between actual and potential travelling // *Mobilities*. – 2006. – Vol. 1, No. 3. – P. 465–488. DOI: 10.1080/17450100600902420.

18. Sheller M. The new mobilities paradigm for a live sociology // *Current Sociology*. – 2014. – Vol. 62, Iss. 6. – P. 789–811. DOI: 10.1177/0011392114533211.

Информация об авторах

Черкашина Татьяна Юрьевна (Россия, Новосибирск) – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17); заведующая кафедрой общей социологии Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова 1); e-mail: touch@nsu.ru.

Мосиенко Наталья Леонидовна (Россия, Новосибирск) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17); доцент кафедры общей социологии Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова 1); e-mail: nmosienko@ngs.ru.

DOI: 10.15372/REG20200403

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 4 (108), p. 44–77

T.Yu. Cherkashina, N.L. Mosienko

SPATIAL MOBILITY OF POPULATION INSIDE AND OUTSIDE THE REGION: SOCIAL AND INFRASTRUCTURAL FACTORS OF INEQUALITY

The article presents the results of a 2018–2019 study on residents' spatial mobility in Novosibirsk Oblast. It focuses on regular daily trips (in a weekly

cycle) and occasional trips outside the region. We reveal how the population's spatial mobility differs within the region and the extent to which it arises from infrastructure, social and technological (use of digital technologies to organize and plan trips) factors. We also consider how a new aspect of social inequality – digital inequality manifests itself in the differentiation of spatial mobility and inequality in mobility opportunities.

For the analysis, Novosibirsk Oblast's territory was conditionally divided into eight areas: the city of Novosibirsk, Novosibirsk agglomeration periphery, the Southeast area, the Northeast area, the Central area, the Barabinsk-Kuibyshev agglomeration, the Northwest area, and the Southwest area. Here are revealed the differences in spatial mobility between the areas by the following parameters: frequency, directions, targets, and types of transport used. We also describe the differences in perception of regular daily trips depending on the vehicles people use; age and settlement patterns of Novosibirsk Oblast residents with dissimilar spatial mobility experiences.

Keywords: spatial mobility; transport infrastructure; social inequality; digital inequality

For citation: Cherkashina, T.Yu. & N.L. Mosienko. (2020). Prostranstvennaya mobilnost naseleniya vnutri i za predely regiona: sotsialnye i infrastrukturnye faktory neravenstva [Spatial mobility of population inside and outside the region: social and infrastructural factors of inequality]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (108), 44–77. DOI: 10.15372/REG20200403.

*The publication is prepared within the government order under the project
XI.179.1.3 “Russian society on the move: institutional environment,
structures, practices and subjects of social change”
No. AAAA-A17-117022250126-1*

References

1. Bourdieu, P. (2002). Formy kapitala [The forms of capital]. Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic Sociology], Vol. 3, No. 5, 60–74.
2. Veselkova, N.V., M.N. Vandyshev, E.V. Pryamikova & A.V. Danilova. (2019). Povsednevnyaya mobilnost molodyozhi v nebolshikh uralskikh gorodakh [Everyday mo-

bility of youth in small Ural cities]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], Vol. 20, No. 4, 78–106.

3. Zhundrikov, A., A. Galaktionova, E. Yakunina & D. Dordzhieva. (2018). *Infrastruktura Rossii: indeks razvitiya* [Infrastructure of Russia: Development Index]. Moscow, InfraOne Research. Available at: https://infraone.ru/analitika/Index_razvitiia_infrastruktury_Rossii_InfraONE_Research.pdf (date of access: 26.07.2020).

4. Nefedova, T.G., K.V. Averkieva & A.G. Makhrova (Eds.). (2016). *Mezhdum domom... i domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia]. Moscow, Novyy Khronograf Publ., 500.

5. Poduzov, A.A. (1996). *Izmerenie bednosti (zarubezhnyy opyt)* [Poverty measurement (foreign experience)]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 5, 100–114.

6. Urry, J. (2012). *Mobilnosti* [Mobilities]. Transl. from English by A.V. Lazarev, intr. art. by N.A. Kharlamov. Moscow, Praktis Publ. & Consult. Group, 576.

7. Frolova, E.B. (2017). *O sovershenstvovanii metodologicheskikh polozheniy po raschetam indeksov nemonetarnoy bednosti po itogam vyborochnykh nablyudeniy po sotsialno-demograficheskim problemam* [On improvement of the methodological provisions for calculation of non-monetary poverty indices on the basis of sample surveys on socio-demographic issues]: *Doklad na zasedanie Nauchno-metodologicheskogo sovet Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki 26 dekabrya 2017 g.* [Report for the meeting of the Research and Methodological Council of the Federal State Statistics Service on December 26, 2017]. Available at: https://www.gks.ru/council_meetings/document/12908 (date of access: 26.07.2020).

8. Aguilera, A., C. Guillot & A. Rallet. (2012). Mobile ICTs and physical mobility: Review and research agenda. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, Vol. 46, Iss. 4, 664–672. DOI: 10.1016/j.tra.2012.01.005.

9. Brown, B., M. McGregor & D. McMillan. (2014). 100 days of iPhone use: Understanding the details of mobile device use. *MobileHCI 2014 – Proceedings of the 16th ACM International Conference on Human-Computer Interaction with Mobile Devices and Services*. Toronto, ON, 223–232. DOI: 10.1145/2628363.2628377. Available at: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/2628363.2628377> (date of access: 20.08.2020).

10. Cass, N., E. Shove & J. Urry. (2005). Social exclusion, mobility and access. *The Sociological Review*, Vol. 3, Iss. 3, August, 539–555. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2005.00565.x.

11. Kaufmann, V. (2014). Mobility as a tool for sociology. *Sociologica*, Vol. 8, Iss. 1. DOI: 10.2383/77046. Available at: <http://www.rivisteweb.it/download/article/10.2383/77046> (date of access: 26.07.2020).

12. Kaufmann, V., M.M. Bergman & D. Joye. (2004). Motility: Mobility as Capital. *International Journal of Urban and Regional Research*, Vol. 28, No. 4, December, 745–756. DOI: 10.1111/j.0309-1317.2004.00549.x.

13. Ling, R. (2004). *The Mobile Connection: The Cell Phone's Impact on Society*. San Francisco, Morgan Kaufman Publishers, 244.

14. *Manderscheid, K.* (2009). Integrating space and Mobilities into the analysis of social inequality. *Distinktion, Scandinavian Journal of Social Theory*, Vol. 10, Iss. 1, 7–27. DOI: 10.1080/1600910X.2009.9672739.

15. *Measuring material deprivation in the EU. Indicators for the whole population and child-specific indicators.* (2012). Luxembourg, Publications Office of the European Union, 169. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3888793/5853037/KS-RA-12-018-EN.PDF> (date of access: 26.07.2020).

16. *Nunes, A.A., T. Galvão, E. Falcão & J. Cunha.* (2014). Urban public transport service co-creation: Leveraging passenger's knowledge to enhance travel experience. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Vol. 111, 577–585. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.01.091.

17. *Sager, T.* (2006). Freedom as mobility: Implications of the distinction between actual and potential travelling. *mobilities*, Vol. 1, No. 3, 465–488. DOI: 10.1080/17450100600902420.

18. *Sheller, M.* (2014). The new mobilities paradigm for a live sociology. *Current Sociology*, Vol. 62, Iss. 6, 789–811. DOI: 10.1177/0011392114533211.

Information about the authors

Cherkashina, Tatyana Yurievna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia); Head of the Department of General Sociology, Novosibirsk National Research State University (1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia); e-mail: touch@nsu.ru.

Mosienko, Natalya Leonidovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia); Associate Professor at the Department of General Sociology, Novosibirsk National Research State University (1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia); e-mail: nmosienko@ngs.ru.

Поступила в редколлегию 31.08.2020.

После доработки 31.08.2020.

Принята к публикации 01.09.2020.

М.М. Низамутдинов, В.В. Орешников

**РАЗРАБОТКА КОМПЛЕКСА
ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ВЛИЯНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
НА ПАРАМЕТРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ**

Статья посвящена вопросам учета влияния уровня развития социальной инфраструктуры при прогнозировании демографических процессов в регионах Российской Федерации. Методологическую базу исследования составили работы современных российских и зарубежных авторов. Для решения задач использованы методы нормирования показателей, группировки данных, экономико-математического моделирования, рейтинговой оценки.

В рамках проведенного исследования разработан комплекс эконометрических моделей для оценки влияния социальной инфраструктуры на показатели демографических процессов в регионах России, учитывающих как уровень развития социальной инфраструктуры по различным направлениям демографических процессов, так и результаты группировки регионов по уровню реализации потенциала социальной инфраструктуры. Включение второго компонента позволило повысить адекватность моделей за счет отражения региональных особенностей воспроизводственного поведения населения в различных регионах России. В частности, разработаны уравнения, описывающие влияние указанных факторов на уровни рождаемости и смертности, коэффициент миграционного прироста. Оценка качества полученных уравнений свидетельствует о возможности их применения для анализа ситуации и последующего прогнозирования.

На основе разработанного комплекса эконометрических моделей сформирован прогноз изменения демографических параметров регионов

России по трем сценариям развития ситуации. Анализ результатов показывает, что повышение уровня рождаемости в среднесрочной перспективе представляется маловероятным, а в совокупности с замедлением темпов снижения смертности и сохранением сложной миграционной ситуации в значительной части российских регионов нарастает угроза в отношении демографической ситуации для страны в целом. Полученные результаты могут быть использованы при разработке государственной демографической политики.

Ключевые слова: эконометрическая модель; социальная инфраструктура; демографические процессы; регионы России; принципы; группировка; сценарный прогноз; рейтинги

Для цитирования: Низамутдинов М.М., Орешиников В.В. Разработка комплекса эконометрических моделей влияния социальной инфраструктуры на параметры демографического развития регионов России // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 78–99. DOI: 10.15372/REG20200404.

ВВЕДЕНИЕ

Прогнозирование развития демографической ситуации и социальной инфраструктуры в регионе необходимо осуществлять с учетом текущих и перспективных значений социально-демографических характеристик региона, включая численность и структуру населения, параметры экономической активности, естественного и миграционного прироста и т.д. Решение этой задачи сопряжено с комплексом трудностей методологического, методического и практического характера. Множественность и разнородность информационных потоков, многофакторность процессов и иные особенности данной проблемы требуют применения современных формализованных методов.

Эти вопросы рассматриваются с различных точек зрения как отечественными, так и зарубежными авторами. В частности, можно отметить работы, анализирующие связь экономических процессов и инновационных циклов [3], определяющие данные факторы в качестве ключевых для демографического развития [14; 18], а также описы-

вающие обратное влияние демографических процессов на экономику [4; 16]. В других исследованиях на первый план [15] выводятся отдельные составляющие трудовых взаимоотношений или развитие системы образования [17]. В ряде случаев авторами подчеркивается необходимость учета особенности той или иной территории, в частности городской [19] и сельской [13] местности, а также агломерационных процессов [5]. Нам представляется целесообразным подходить к данному вопросу комплексно и рассматривать совокупность различных факторов, многие из которых противоречиво влияют на те или иные составляющие демографического развития страны.

Применительно к Российской Федерации следует также принимать во внимание действующие документы федерального и регионального уровней, касающиеся стратегического развития. Ключевыми среди них являются Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и разработанные национальные проекты [6] в области демографии, здравоохранения, образования, жилья и городской среды, культуры и др. Кроме того, при проведении научно-исследовательской работы должны быть учтены положения действующих стратегий развития отдельных сфер общественной жизнедеятельности в России (например, Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года).

Таким образом, вопросы прогнозирования демографического развития территории являются многоаспектными, и для их решения требуется применение соответствующих методов, к которым в первую очередь относятся методы экономико-математического моделирования.

ПРИНЦИПЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРАБОТКИ КОМПЛЕКСА МОДЕЛЕЙ

Из существующих сегодня методов моделирования социально-экономического развития территориальных систем наиболее развитым является эконометрическое моделирование, основанное на вероятностно-статистическом анализе взаимосвязи различных парамет-

ров в предыдущие периоды времени¹. Данный подход позволяет выявлять и учитывать количественные связи между изучаемыми показателями и влияющими на них факторами. Наиболее распространены эконометрические модели, представляющие собой системы регрессионных уравнений, в которых отражается зависимость искомых величин от экзогенных параметров [11] в условиях, описываемых моделью, а также лаговыми переменными.

Рассматривая вопрос о факторах, влияющих на демографические процессы в регионе, нельзя не отметить, что в той или иной степени влияние оказывают все характеристики социально-экономического развития территории. В частности, выделяются следующие сферы общественной жизнедеятельности и социально-экономического развития: демография; труд и финансы населения; жилье; здравоохранение; образование; культура, досуг, спорт; безопасность; экология; экономика; торговля, транспорт и связь [10].

Как было показано в научных работах отечественных и зарубежных авторов, важнейшим фактором формирования демографических процессов является уровень развития социальной инфраструктуры региона [12]. При этом в различных источниках применяются разные подходы к определению соответствующего понятия и выделению элементов социальной инфраструктуры. Отличительной особенностью социальной инфраструктуры, на наш взгляд, является то, что она обеспечивает не только функционирование своих составляющих в текущий момент времени, но также их воспроизводство и развитие в будущие периоды. В связи с этим под социальной инфраструктурой будем понимать комплекс видов экономической деятельности, обеспечивающих условия воспроизводства человеческого капитала.

Определение параметров эконометрических моделей влияния социальной инфраструктуры и иных значимых факторов на показатели демографических процессов в регионах России требует учета следующих особенностей.

¹ См.: Низамутдинов М.М., Орешиников В.В. Анализ факторов формирования пространственной мобильности населения в регионах России // Аудит и финансовый анализ. – 2018. – № 2. – С. 382–387.

1. Ряд показателей, такие как коэффициент миграционного прироста, в отличие от большинства рассматриваемых параметров могут принимать как положительные, так и отрицательные значения.

2. Рассматриваемые показатели имеют различную размерность, что затрудняет их анализ. В связи с этим представляется целесообразным провести их нормирование. При этом следует выделить две группы показателей: показатели, рост которых интерпретируется как позитивная тенденция, и показатели, рост которых интерпретируется как негативная тенденция.

В первом случае нормирование для каждого из показателей в рассматриваемые периоды времени осуществлено с применением формулы

$$Y_i^n = \frac{Y_i - Y_{\min}}{Y_{\max} - Y_{\min}}, \quad (1)$$

где Y_i – значение показателя по i -му региону; Y_{\min} , Y_{\max} – минимальное и максимальное значения показателя по всем рассматриваемым регионам соответственно; Y_i^n – нормированное значение показателя по i -му региону.

Во втором случае используется формула

$$Y_i^n = \frac{Y_{\max} - Y_i}{Y_{\max} - Y_{\min}}. \quad (2)$$

Приведенный в соответствии с этими формулами к сопоставимому виду массив статистических данных может быть использован для дальнейшего анализа и формирования интегрального показателя по каждому показателю.

3. Особенности статистического учета не всегда позволяют получить необходимые данные по всему массиву рассматриваемых субъектов Российской Федерации. Для формирования соответствующей статистической базы в нашем исследовании были использованы данные, представленные на портале Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru/>, включая статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели»². В связи с имеющими место сроками публикации статистической от-

² См.: *Регионы России: Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб.* / Росстат. – М., 2018.

четности нами рассматривались данные с 2010 по 2017 г., за исключением ряда случаев. В частности, по Республике Крым и г. Севастополю информация представлена начиная с 2014 г. Эти и некоторые другие исключения были учтены при анализе ситуации и формировании модельного комплекса.

4. Как экономические параметры, так и параметры развития социальной инфраструктуры оказывают влияние на демографическую ситуацию в регионе не непосредственно в момент изменения их величины, а имеют «накопительный» эффект [7]. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении параметров миграции населения. Кроме того, следует исключить влияние случайных колебаний (всплесков и провалов). В связи с этим представляется целесообразным рассматривать значения данных показателей не за отдельный год, а в среднем за три года, т.е. перейти к анализу скользящих средних.

С учетом указанных особенностей в качестве ключевых принципов формирования экономико-математической модели были определены следующие:

- *системность*. Этот принцип предполагает рассмотрение параметров развития территориальной социально-экономической системы в их взаимосвязи, а также ее самой как сложной системы, включающей множество разнородных элементов;
- *комплексность*. В соответствии с данным принципом требуется комплексно подходить к анализу различных процессов, происходящих в пределах территориальной системы, в частности рассматривать не только непосредственные экономические факторы, но и опосредованное влияние социальных, экологических и иных процессов и явлений;
- *проблемоориентированность*. Данный принцип определяет необходимость выделения конкретной проблемы, на решение которой направлена модель. Тем самым ограничивается область исследования;
- *научность*. При формировании модели требуется применять строгие научно обоснованные методы и подходы;
- *реализуемость*. Особенности региональной статистики существенно влияют на формирование экономико-математичес-

кой модели демографической ситуации. Ограничения, определяемые отсутствием части показателей на исследуемом уровне и высокой степенью нестабильности рядов статистических данных, зачастую не позволяют перейти от теоретических модельных конструкций к их практической реализации;

- *сопоставимость*. Показатели, используемые при формировании модели, должны быть сопоставимыми. Для этого все финансовые показатели должны быть представлены в ценах базового периода с применением соответствующих индексов-дефляторов;
- *универсальность*. Этот принцип предполагает возможность применения построенной модели к исследованию группы объектов или решению задач в схожих условиях;
- *точность*. Результаты, получаемые с применением построенной экономико-математической модели, должны быть достаточно точными, т.е. соответствовать аналогичным показателям реальной системы;
- *адекватность*. Построенная модель должна адекватно отражать существующие особенности реальной социально-экономической системы;
- *целесообразность*. Данный принцип обосновывает необходимость разумной степени детализации, точности, адекватности модели. При достижении определенного уровня этих параметров дальнейшее их улучшение может оказаться излишне трудозатратным процессом по сравнению с получаемым результатом.

Указанные принципы формирования модели определяют, с одной стороны, требования к данной модели, а с другой – область и ограничения ее применения.

На основе приведенных выше и ряда других предпосылок был разработан комплекс регрессионных уравнений, взаимоувязывающих ключевые параметры развития социальной инфраструктуры и иные значимые факторы с параметрами демографических процессов в регионах России. К входным параметрам модели относятся экзогенные переменные, характеризующие развитие социальной инфраструктуры регионов России и значимых социально-экономических факторов.

В качестве выходных параметров модели предлагается рассматривать такие демографические показатели, как уровень рождаемости, уровень смертности, уровень миграционного прироста, на основе которых впоследствии может быть рассчитано изменение численности населения региона.

При этом логика исследования базируется на том, что параметры развития социальной инфраструктуры по-разному влияют на отдельные составляющие демографических процессов. Это связано с тем, что развитие социальной инфраструктуры, на наш взгляд, имеет куда более противоречивое влияние на демографическую ситуацию в регионах, чем этого можно было бы ожидать. В частности, повышение возможностей для получения высшего образования, с одной стороны, положительно сказывается на миграционной привлекательности территории [1], а с другой стороны, может снизить суммарный коэффициент рождаемости [2]. В связи с этим уровень развития социальной инфраструктуры в том или ином регионе надо определять исходя из целей исследования, т.е. в привязке к конкретной задаче. В частности, в рамках проведенного анализа была предложена следующая логика расчета интегральных показателей развития социальной инфраструктуры с точки зрения ее влияния на уровни рождаемости ($СИ_{рожд}$), смертности ($СИ_{смерт}$) и миграции ($СИ_{мигр}$).

На первом этапе были определены частные показатели, характеризующие сферы развития социальной инфраструктуры (такие как здравоохранение, образование, культурно-досуговая сфера, жилищная и коммунальная инфраструктура, сфера торговли и оказания услуг), и осуществлена их свертка в интегральные показатели по каждому из направлений. Для формирования обобщенного показателя, характеризующего развитие социальной инфраструктуры в целом по региону, выполнен корреляционный анализ (оценка корреляции между величиной параметра демографического развития территории и уровнем развития социальной инфраструктуры по каждому из направлений), а нормированные значения коэффициентов корреляции использованы в качестве весовых характеристик соответствующих параметров. Полученные таким образом интегральные показате-

тели уровня развития социальной инфраструктуры для выделенных направлений ($Y_{СИ_{рожд}}^n$, $Y_{СИ_{смерт}}^n$, $Y_{СИ_{мигр}}^n$) характеризуют ситуацию в целом по стране, однако в тех или иных регионах степень влияния каждого из них на соответствующий демографический процесс может существенно отличаться. В связи с этим была проведена группировка субъектов Российской Федерации в соответствии с правилами, представленными в табл. 1.

В данном случае, на наш взгляд, уместна следующая интерпретация. Регионы, относящиеся к первой группе, имея высокий уровень развития социальной инфраструктуры, демонстрируют низкие демографические показатели. Так, например, г. Москва, обладая широчайшими возможностями во всех рассматриваемых сферах (образование, здравоохранение и др.) отличается относительно невысокими параметрами рождаемости. С другой стороны, такие регионы, как Республика Дагестан, Курганская область, Республика Тыва и Чеченская Республика, отстают по уровню развития социальной инфраструктуры, однако занимают лидирующие позиции по уровню рождаемости, соответственно, они относятся к четвертой и пятой группам. Таким образом, можно говорить о степени реализации потенциала воздействия социальной инфраструктуры на демографические процессы в регионе.

Дальнейшая работа по формированию эконометрических моделей базировалась на учете влияния интегральных показателей развития

Таблица 1

Правила группировки регионов (определение номера группы)

Демографическое развитие региона	Развитие социальной инфраструктуры		
	Низкое	Среднее	Высокое
Низкое	3	2	1
Среднее	4	3	2
Высокое	5	4	3

Источник: разработано и составлено авторами.

социальной инфраструктуры и принадлежности региона к той или иной группе на соответствующие показатели демографической ситуации в регионе.

РАЗРАБОТКА КОМПЛЕКСА ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ПАРАМЕТРЫ ЕСТЕСТВЕННОГО И МИГРАЦИОННОГО ПРИРОСТА

Проведенный корреляционно-регрессионный анализ позволил получить зависимость величины суммарного коэффициента рождаемости от $СИ_{рожд}$ и номера группы, к которой отнесен регион по результатам выполненной группировки. Включение номера группы в качестве одного из факторов обосновывается тем, что особенности социально-экономического, культурного и иного развития различных регионов России оказывают влияние на рождаемость наравне с факторами социальной инфраструктуры, тем самым повышая ее важность в одних регионах и понижая в других. Аналогичные уравнения построены для показателей уровня смертности (независимые переменные модели – $СИ_{рожд}$ и присвоенный номер группы по смертности) и общего коэффициента миграции (независимые переменные модели – $СИ_{мигр}$ и присвоенный номер группы по миграции).

В результате получены уравнения следующего вида:

$$Y_i = b_0 + b_1 Y_{СИ_i}^n + b_2 N_i, \quad (3)$$

где Y_i – параметр, характеризующий движение населения (суммарный коэффициент рождаемости; уровень смертности; уровень миграции); N_i – присвоенный региону номер группы по каждому из элементов движения населения.

В таблицах 2–4 представлены результаты оценивания моделей по данным российских регионов.

Результаты дисперсионного анализа позволяют говорить о допустимости использования полученных уравнений для целей дальнейшего исследования. Значения критериев Фишера и t -статистик Стьюдента для всех элементов этих уравнений удовлетворяют требо-

Таблица 2

Суммарный коэффициент рождаемости

Переменная	Оценка коэффициента	p -значение
Константа	0,580	0,00376
$Y_{СИ}^n_{рожд}$	0,445	0,00314
$N_{рожд}$	0,334	$4,82 \cdot 10^{-15}$
R^2	0,77	
F -статистика (p -значение)	$56,7 (5,36 \cdot 10^{-16})$	

Примечания: уровень статистической значимости $p = 0,05$; R^2 – коэффициент детерминации; F – критерий Фишера.

Источник: разработано и составлено авторами.

Таблица 3

Общий коэффициент смертности

Переменная	Оценка коэффициента	p -значение
Константа	-7,72	0,00290
$Y_{СИ}^n_{смерт}$	5,83	$2,42 \cdot 10^{-6}$
$N_{смерт}$	3,56	$2,85 \cdot 10^{-17}$
R^2	0,81	
F -статистика (p -значение)	$69,9 (3,33 \cdot 10^{-18})$	

Примечания: уровень статистической значимости $p = 0,05$; R^2 – коэффициент детерминации; F – критерий Фишера.

Источник: разработано и составлено авторами.

ваниям. Таким образом, полученный комплекс уравнений может быть использован для целей прогнозирования влияния изменения параметров социальной инфраструктуры на демографическое развитие регионов России на среднесрочную перспективу.

Таблица 4

Общий коэффициент миграции

Переменная	Оценка коэффициента	p -значение
Константа	-477,19	6,44 10^{-17}
$Y_{СИ\ мигр}^n$	300,88	4,4 10^{-16}
$N_{мигр}$	62,22	2,46 10^{-11}
R^2	0,77	
F -статистика (p -значение)	56,6 (5,6 10^{-16})	

Примечания: уровень статистической значимости $p = 0,05$; R^2 – коэффициент детерминации; F – критерий Фишера.

Источник: разработано и составлено авторами.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЦЕНАРНЫХ ПАРАМЕТРОВ РАЗВИТИЯ

Формирование прогноза изменения демографической ситуации в регионах России базируется, как было указано ранее, на учете изменения различных параметров развития социальной инфраструктуры данных регионов. В то же время само по себе изменение параметров социальной инфраструктуры нестабильно, и его прогноз также носит вариативный характер. Представляется целесообразным рассмотреть три альтернативы:

- 1) постепенное ухудшение ситуации (консервативный вариант);
- 2) сохранение существующих тенденций развития социальной инфраструктуры (базовый вариант);
- 3) постепенное улучшение ситуации (умеренно оптимистический вариант).

Несмотря на наличие общих тенденций развития социальной инфраструктуры, каждая из альтернатив отражает различные риски, так или иначе характерные для российской экономики. В связи с этим формирование различий между альтернативами должно осуществ-

Таблица 5

Сценарные темпы роста ВВП России, %

Сценарий	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Консервативный	101,6	102,3	101,3	101,5	102,4	102,8	103,0	103,0
Базовый	101,6	102,3	101,3	102,0	103,1	103,2	103,3	103,3
Умеренно оптимистический	101,6	102,3	101,3	102,2	103,3	103,4	103,5	103,5

Источник: разработано и составлено авторами.

латься на общей методологической и методической базе. При этом необходимо учесть параметры прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную и долгосрочную перспективу, а также соответствующие сценарные условия, представленные на сайте Министерства экономического развития РФ³. Наиболее общим показателем в данном случае является темп роста валового внутреннего продукта страны. Однако в отношении этого параметра на перспективу до 2024 г. представлены только два сценария развития: базовый и консервативный. Для формирования третьего сценария (умеренно оптимистического) была выдвинута предпосылка о необходимости, с одной стороны, сохранения соотношений между парами сценариев «консервативный – базовый» и «базовый – умеренно оптимистический», а с другой – отражения динамики, предусмотренной Правительством РФ. Таким образом, рост ВВП России, закладываемый в модели в качестве показателя социально-экономического развития страны, определяется темпами, представленными в табл. 5.

Исходя из указанных темпов роста была определена динамика изменения значений показателей развития социальной инфраструктуры в субъектах Российской Федерации. При этом были учтены

³ См.: *Прогнозы социально-экономического развития Российской Федерации и отдельных секторов экономики*. Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/macro/prognoz>.

ретроспективные значения по каждому из рассматриваемых показателей модели.

Последующая свертка вплоть до интегральных показателей развития социальной инфраструктуры по трем выделенным направлениям – рождаемости, смертности и миграции была произведена в соответствии с ранее описанным подходом. Полученные в результате расчетов значения интегральных показателей к 2024 г. представлены в табл. 6.

Таблица 6

**Интегральные показатели развития социальной инфраструктуры регионов
России к 2024 г. (прогноз)**

Регион	$СИ_{рожд}$			$СИ_{смерт}$			$СИ_{мигр}$		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
г. Москва	1,35	1,51	1,58	1,24	1,38	1,45	1,35	1,51	1,58
г. Санкт-Петербург	1,31	1,46	1,53	1,15	1,28	1,34	1,42	1,58	1,66
Сахалинская обл.	1,06	1,18	1,24	1,00	1,11	1,17	1,06	1,18	1,24
Краснодарский край	1,05	1,17	1,23	0,96	1,07	1,12	1,19	1,32	1,39
Воронежская обл.	1,12	1,24	1,31	1,06	1,19	1,25	1,27	1,42	1,49
Республика Татарстан	1,02	1,14	1,19	0,98	1,09	1,14	1,30	1,45	1,52
Свердловская обл.	1,00	1,11	1,17	0,97	1,08	1,13	1,12	1,25	1,31
Хабаровский край	1,11	1,24	1,30	1,02	1,14	1,19	1,06	1,18	1,24
Республика Башкортостан	0,93	1,03	1,09	0,91	1,01	1,06	1,18	1,32	1,39
...
Республика Алтай	0,66	0,74	0,77	0,55	0,61	0,64	0,81	0,90	0,95
Республика Ингушетия	0,40	0,45	0,47	0,46	0,52	0,54	0,74	0,83	0,87
Республика Калмыкия	0,63	0,70	0,74	0,59	0,66	0,69	0,83	0,93	0,97
Республика Тыва	0,65	0,72	0,76	0,54	0,60	0,63	0,60	0,67	0,70

Примечание: 1 – консервативный сценарий; 2 – базовый сценарий; 3 – умеренно оптимистический сценарий.

Источник: разработано и составлено авторами.

На основе данных значений был сформирован прогнозный рейтинг субъектов Российской Федерации по демографической ситуации с учетом развития социальной инфраструктуры (табл. 7).

Анализ проведенных расчетов показывает, что в целом регионы сохраняют свои позиции в рейтинге. Так, благодаря высоким зна-

Таблица 7

Рейтинг регионов России по демографической ситуации

Регион	Коэффициент прироста населения				Ранг региона			
	2017	2024 (прогноз)			2017	2024 (прогноз)		
		Консервативный сценарий	Базовый сценарий	Умеренно оптимистический сценарий		Консервативный сценарий	Базовый сценарий	Умеренно оптимистический сценарий
г. Севастополь	18,3	9,4	12,5	13,9	1	4	3	2
Республика Ингушетия	15,6	7,6	9,7	10,6	2	5	8	10
Чеченская Республика	15,5	10,7	13,1	14,2	3	2	1	1
г. Санкт-Петербург	13,2	6,5	11,0	13,1	4	8	5	5
Ленинградская обл.	12,1	9,4	12,2	13,5	5	3	4	4
Московская обл.	10,7	7,1	10,2	11,6	6	7	6	6
г. Москва	10,0	5,1	9,3	11,3	7	11	9	8
...
Курганская обл.	-10,1	-9,7	-7,2	-6,1	78	69	71	72
Орловская обл.	-10,1	-12,6	-9,6	-8,2	79	81	80	80
Магаданская обл.	-10,2	-12,1	-9,0	-7,5	80	80	77	77
Республика Коми	-11,5	-12,0	-9,7	-8,6	81	79	81	81
Еврейская авт. обл.	-13,5	-14,1	-12,0	-11,1	82	82	82	82

Источник: разработано и составлено авторами.

чениям показателей естественного прироста (особенно на фоне снижающейся рождаемости в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации) в удельном выражении на лидирующие позиции могут выйти Чеченская Республика и Республика Тыва, которые и на текущий момент времени входят в первую десятку. Снижение миграционного притока населения в г. Севастополь приведет к тому, что он покинет первую позицию, но, вероятно, сохранит место в пятерке лидеров. Город Санкт-Петербург и Ленинградская область в соответствии с консервативным и базовым сценариями меняются местами в рейтинге, в совокупности по-прежнему занимая четвертую и пятую строчки.

Несколько позиций теряет г. Москва. Это может быть объяснено комплексом факторов, оказывающих влияние как на естественный, так и на миграционный прирост населения. В частности, репродуктивное поведение жителей столицы не позволяет ожидать существенного повышения уровня рождаемости, а большая численность населения приводит к снижению удельных показателей миграционного прироста. Кроме того, высокая стоимость жилья в совокупности со снижением реальных доходов граждан [8] делает более привлекательной Московскую область по сравнению с самой столицей.

Существенное изменение позиции в рейтинге отмечается для Томской области (переход с 26-й на 44-ю строчку). Подобное изменение может быть объяснено сложившейся динамикой демографических процессов. Так, если в период с 2010 по 2017 г. в среднем по России уровень смертности снизился на 1,8 п.п., то для Томской области снижение составило 1,2 п.п. При этом более существенным оказалось снижение величины суммарного коэффициента рождаемости – с 1,59 в 2013 г. до 1,47 в 2017 г. (при среднероссийских значениях 1,71 и 1,62 соответственно). Значение коэффициента миграционного прироста населения в период с 2010 по 2017 г. снизилось с 75 до –11 чел. на 10 тыс. населения, т.е. приток населения в регионе сменился его убылью.

Обратная ситуация наблюдается в Республике Мордовии и Мурманской области, которые поднялись в рейтинге на 12 и 14 строчек соответственно, что, однако, не позволило им преодолеть тенденцию убыли населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты подтверждают важность развития социальной инфраструктуры территории с точки зрения формирования демографических процессов. Комплексность влияния разнородных факторов требует разработки таких же комплексных решений. Результаты проведенного исследования, на наш взгляд, могут помочь в выполнении этой задачи. Вместе с тем остается не до конца решенным вопрос целеполагания в данной области. Декларируемая задача увеличения численности населения России и ее регионов фактически не обосновывается в документах стратегического развития. В то же время в научной литературе встречаются крайне противоположные мнения начиная с убежденности в необходимости выравнивания условий жизни населения в регионах страны и заканчивая обоснованием целесообразности его концентрации в крупнейших городах [9]. В связи с этим проведенное исследование, на наш взгляд, является лишь составным элементом более сложной задачи, связанной с определением направления демографического и, как следствие, общего развития страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

*Исследование выполнено в рамках государственного задания
№ 075-01211-20-01 Института социально-экономических
исследований УФИЦ РАН на 2020 г.*

Список источников

1. *Аитова Ю.С.* Качество образования как фактор формирования миграционных потоков в Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. Сер.: Социально-экономические и правовые исследования. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 80–93.
2. *Атнабаева А.Р.* Исследование естественного движения населения в Республике Башкортостан с применением параметрического метода // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2019. – № 3. – С. 81–86.
3. *Ахметов Т.Р.* Инновационный цикл и эволюция национальных экономических систем // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 11-7. – С. 1382–1386.
4. *Буньковский Д.В.* Меры поддержки развития предпринимательства на местном уровне // Управление устойчивым развитием. – 2019. – № 2 (21). – С. 5–12.
5. *Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Уляева А.Г.* Трансформация пространственно-экономической системы региона в условиях усиления агломерационных про-

цессов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. – 2016. – № 12. – С. 14–19.

6. *Иванов П.А.* Реализация национальных проектов с учетом стадийного развития территорий // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 9. – С. 92–95.

7. *Плахин А.Е., Коковихин А.Ю., Огородникова Е.С., Суслов С.А.* Оценка влияния инфраструктурных проектов на развитие территории // Вестник НГИЭИ. – 2017. – № 11. – С. 139–147.

8. *Сорокин Д.Е., Сухарев О.С.* Экономический рост: от неоклассики к институциональным трактовкам // Вестник Пермского университета. Сер.: Экономика. – 2016. – № 4. – С. 7–21.

9. *Суглобов А.Е.* Использование результатов экономического анализа для выявления перспектив развития социальной инфраструктуры сельских регионов // Экономический анализ: теория и практика. – 2006. – № 12. – С. 32–35.

10. *Татаркин А.И., Дорошенко С.В.* Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система: переход через кризис // Экономика региона. – 2011. – № 1. – С. 15–23.

11. *Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешиников В.В.* Оценка взаимовлияния экономического и демографического потенциалов городов Сибирского федерального округа // Экономика в промышленности. – 2016. – № 2. – С. 173–182.

12. *Alvarez M., Moreno A., Mataix C.* The analytic hierarchy process to support decision-making processes in infrastructure projects with social impact // Total Quality Management. – 2013. – Vol. 24, No. 5. – P. 596–606.

13. *Atkociuniene V., Kiausiene I.* Scenarios of development of rural social infrastructure: The case of Lithuania // Transformations in Business and Economics. – 2017. – Vol. 16, No. 3. – P. 73–88.

14. *Ghate D.* Developing theories of change for social programmes: co-producing evidence-supported quality improvement // Palgrave Communications. – 2018. – Vol. 4, No. 1. – P. 90–103. DOI: 10.1057/s41599-018-0139-z.

15. *Gnade H., Blaauw P.F., Greyling T.* The impact of basic and social infrastructure investment on South African economic growth and development // Development Southern Africa. – 2017. – Vol. 34, No. 3. – P. 347–364. DOI: 10.1080/0376835X.2017.1308854.

16. *Kumari A., Sharma A.K.* Physical and social infrastructure in India and its relationship with economic development // World Development Perspectives. – 2017. – No. 5. – P. 30–33. DOI: 10.1016/j.wdp.2017.02.005.

17. *Nethercote M.* When social infrastructure deficits create displacement pressures: Inner city schools and the suburbanization of families in Melbourne // International Journal of Urban and Regional Research. – 2017. – Vol. 41, No. 3. – P. 443–463. DOI: 10.1111/1468-2427.12509.

18. *Srinivasa Kumar V., Vijaya Banu C., Mahalakshmi N.* Implications of social infrastructure investments on living conditions in India and China: A comparative analysis with special reference to people practicing open defecation // International Journal of Economic Research. – 2017. – Vol. 14, No. 7. – P. 407–414.

19. Sun X., Wang W., Sun T., Wang Y.P. Understanding the living conditions of Chinese urban neighborhoods through social infrastructure configurations: The case study of Tianjin // Sustainability. – 2018. – Vol. 10 (9). – P. 1–17. DOI: 10.3390/su10093243.

Информация об авторах

Низамутдинов Марсель Малихович (Россия, Уфа) – кандидат технических наук, доцент, заведующий сектором экономико-математического моделирования Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН (450054, Уфа, просп. Октября, 71, e-mail: marsel_n@mail.ru).

Орешников Владимир Владимирович (Россия, Уфа) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономико-математического моделирования Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН (450054, Уфа, просп. Октября, 71, e-mail: voresh@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20200404

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 4 (108), p. 78–99

M.M. Nizamutdinov, V.V. Oreshnikov

DESIGNING A SET OF ECONOMETRIC MODELS TO MEASURE THE IMPACT OF SOCIAL INFRASTRUCTURE ON DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT INDICATORS IN RUSSIAN REGIONS

This article deals with accounting for the impact that the level of social infrastructure development has when forecasting demographic processes in the regions of the Russian Federation. The study's methodological base is comprised of works by contemporary Russian and international authors. To solve the problems, we have used methods of indicator standardization, data grouping, economic/mathematical modeling, and rating.

In the study, we have developed a set of econometric models to assess the impact of social infrastructure on specific demographic process indicators in Russian regions: they take into account both the level of social infrastructure development across various areas of demographic processes and the results

of grouping regions by the level at which social infrastructure is delivered. The second component included made it possible to make the models more adequate, as they started to reflect the regional characteristics of reproductive behavior in different Russian regions. In particular, we have created equations that describe the influence of these factors on birth, death, and net migration rates. Having evaluated the quality of the equations obtained, we claim they may be applied to analyzing the situation and subsequent forecasting.

We have examined the established econometric model set and, using it as a basis, formed a forecast for changes in the Russian regions' demographic parameters according to three scenarios. An analysis of the results shows that a medium-term increase in the birth rate is unlikely; together with slowed down mortality and a difficult migration situation maintained in many regions, the threat of a national demographic crisis is intensifying. The findings can be used in drafting a state demographic policy.

Keywords: econometric model; social infrastructure; demographic processes; regions of Russia; principles; grouping; scenario forecasting; ratings

For citation: *Nizamutdinov, M.M. & V.V. Oreshnikov. (2020). Razrabotka kompleksa ekonometricheskikh modeley vliyaniya sotsialnoy infrastruktury na parametry demograficheskogo razvitiya regionov Rossii [Designing a set of econometric models to measure the impact of social infrastructure on demographic development indicators in Russian regions]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (108), 78–99. DOI: 10.15372/REG20200404.*

The research is prepared within the government order No. 075-01211-20-01 of the Institute for Social and Economic Research UFRC RAS for 2020

References

1. *Aitova, Yu.S. (2018). Kachestvo obrazovaniya kak faktor formirovaniya migratsionnykh potokov v Rossiyskoy Federatsii [The quality of education as a factor in the formation of migration flows in the Russian Federation]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya [Tyumen State University Herald. Series: Social, Economic, and Law Research], Vol. 4, No. 2, 80–93.*
2. *Atnabaeva, A.R. (2019). Issledovanie estestvennogo dvizheniya naseleniya v Respublike Bashkortostan s primeneniem parametricheskogo metoda [Investigation of the vital rates in the Republic of Bashkortostan using the parametric method]. Izvestiya*

Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN [Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre], 3, 81–86.

3. *Akhmetov, T.R.* (2015). Innovatsionnyy tsikl i evolyutsiya natsionalnykh ekonomicheskikh sistem [Innovation cycle and the evolution of national economic systems]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research], 11-7, 1382–1386.

4. *Bunkovsky, D.V.* (2019). Mery podderzhki razvitiya predprinimatelstva na mestnom urovne [Measures of support of development of an entrepreneurship at the local level]. *Upravlenie ustoychivym razvitiem* [Sustainable Development Management], 2 (21), 5–12.

5. *Gaynanov, D.A., A.G. Ataeva & A.G. Ulyayeva.* (2016). Transformatsiya prostranstvenno-ekonomicheskoy sistemy regiona v usloviyakh usileniya aglomeratsionnykh protsessov [Transformation of spatial economic system of the region in conditions of agglomeration processes intensification]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Ser.: Ekonomika i pravo* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law], 12, 14–19.

6. *Ivanov, P.A.* (2019). Realizatsiya natsionalnykh projektov s uchetom stadialnogo razvitiya territoriy [Implementation of national projects taking into account stadial development of territories]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economy and Business: Theory and Practice], 9, 92–95.

7. *Plakhin, A.E., A.Yu. Kokovikhin, E.S. Ogorodnikova & S.A. Suslov.* (2017). Otsenka vliyaniya infrastrukturykh projektov na razvitiye territorii [Evaluation of the influence of infrastructure projects on the development of the territory]. *Vestnik NGIEI* [Bulletin NGIEI], 11, 139–147.

8. *Sorokin, D.E. & O.S. Sukharev.* (2016). Ekonomicheskiy rost: ot neoklassiki k institutsionalnym traktovkam [The economic growth: from neoclassical economics to the institutional treatment]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Ekonomika* [Perm University Herald. Series: Economy], 4, 7–21.

9. *Suglov, A.E.* (2006). Ispolzovanie rezultatov ekonomicheskogo analiza dlya vyyavleniya perspektiv razvitiya sotsialnoy infrastruktury selskikh regionov [Using the results of economic analysis to identify prospects for the development of social infrastructure in rural areas]. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], 12, 32–35.

10. *Tatarkin, A.I. & S.V. Doroshenko.* (2011). Region kak samorazvivayushchayasya sotsialno-ekonomicheskaya sistema: perekhod cherez krizis [Region as a self-developing socio-economic system: crossing the crisis]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 1, 15–23.

11. *Fattakhov, R.V., M.M. Nizamutdinov & V.V. Oreshnikov.* (2016). Otsenka vzaimovliyaniya ekonomicheskogo i demograficheskogo potentsialov gorodov Sibirskogo federalnogo okruga [Evaluation of mutual economic and demographic potentials of the Siberian Federal District major cities]. *Ekonomika v promyshlennosti* [Russian Journal of Industrial Economics], 2, 173–182.

12. *Alvarez, M., A. Moreno & C. Mataix.* (2013). The analytic hierarchy process to support decision-making processes in infrastructure projects with social impact. *Total Quality Management*, Vol. 24, No. 5, 596–606.

13. *Atkociuniene, V. & I. Kiausiene.* (2017). Scenarios of development of rural social infrastructure: The case of Lithuania. *Transformations in Business and Economics*, Vol. 16, No. 3, 73–88.

14. *Ghate, D.* (2018). Developing theories of change for social programmes: co-producing evidence-supported quality improvement. *Palgrave Communications*, Vol. 4, No. 1, 90–103. DOI: 10.1057/s41599-018-0139-z.

15. *Gnade, H., P.F. Blaauw & T. Greyling.* (2017). The impact of basic and social infrastructure investment on South African economic growth and development. *Development Southern Africa*, Vol. 34, No. 3, 347–364. DOI: 10.1080/0376835X.2017.1308854.

16. *Kumari, A. & A.K. Sharma.* (2017). Physical and social infrastructure in India and its relationship with economic development. *World Development Perspectives*, No. 5, 30–33. DOI: 10.1016/j.wdp.2017.02.005.

17. *Nethercote, M.* (2017). When social infrastructure deficits create displacement pressures: Inner city schools and the suburbanization of families in Melbourne. *International Journal of Urban and Regional Research*, Vol. 41, No. 3, 443–463. DOI: 10.1111/1468-2427.12509.

18. *Srinivasa, K.V., B.C. Vijaya & N. Mahalakshmi.* (2017). Implications of social infrastructure investments on living conditions in India and China. A comparative analysis with special reference to people practicing open defecation. *International Journal of Economic Research*, Vol. 14, No. 7, 407–414.

19. *Sun, X., W. Wang, T. Sun & Y.P. Wang.* (2018). Understanding the living conditions of Chinese urban neighborhoods through social infrastructure configurations: The case study of Tianjin. *Sustainability*, 10 (9), 1–17. DOI: 10.3390/su10093243.

Information about the authors

Nizamutdinov, Marsel Malikhovich (Ufa, Russia) – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Head of Sector for Economic and Mathematical Modeling, Institute for Social and Economic Research, UFRС RAS (71, Oktyabrya av., Ufa, 450054, Russia, e-mail: marsel_n@mail.ru).

Oreshnikov, Vladimir Vladimirovich (Ufa, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Sector for Economic and Mathematical Modeling, Institute for Social and Economic Research, UFRС RAS (71, Oktyabrya av., Ufa, 450054, Russia, e-mail: voresh@mail.ru).

Поступила в редколлегию 10.02.2020.

После доработки 14.05.2020.

Принята к публикации 15.05.2020.

С.К. Волков, Н.В. Кетько

**СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ: ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ И МЕХАНИЗМЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ
(на примере Волгоградской области)**

Цель настоящего исследования – анализ текущих трендов развития сельских территорий и выработка рекомендаций по их трансформации. Объектом исследования выступили сельские поселения Волгоградской области. Предмет исследования – социально-экономические процессы, протекающие в муниципальных районах Волгоградской области. Методы исследования – системный логический анализ, корреляционный анализ, статистический анализ. Кроме того, проводилось анкетирование (интернет-опрос) жителей сельской местности пяти муниципальных районов Волгоградской области.

Выявлены тренды социально-экономического развития сельских поселений в контексте изменения численности населения региона, гендерно-возрастного состава населения, динамики прибытия и убытия, количества городских и сельских поселений, а также динамики изменения численности населения муниципальных районов и городских округов. Установлено, что изменение численности населения муниципальных районов Волгоградской области имеет отрицательный тренд. При этом для муниципальных районов с высокой долей сельского населения характерна в целом более низкая численность населения. Также выявлены и проранжированы основные проблемы социально-экономического развития сельских поселений с точки зрения привлекательности этих территорий для проживания и ведения хозяйственно-экономической деятельности. Сформулированы рекомендации по изменению сложившейся ситуации и решению конкретных проблем сельских территорий.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут рассматриваться как один из этапов широкой исследовательской программы по разработке методологической базы стратегического развития сельских территорий на основе создания креативных центров как «контролируемых точек роста». Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при формировании пространственных стратегий развития сельских территорий.

Ключевые слова: сельские территории; регион; пространственное развитие; демография; инфраструктура; креативные центры; муниципальные районы; предпринимательство

Для цитирования: Волков С.К., Кетько Н.В. Сельские территории современной России: тренды развития и механизмы трансформации (на примере Волгоградской области) // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 100–122. DOI: 10.15372/REG20200405.

Согласно Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года, «сельские территории являются важнейшим ресурсом страны»¹. Развитие сельских территорий – одно из перспективных направлений развития страны, так как сельское хозяйство может стать точкой экономического роста. Это связано с тем, что рост населения планеты порождает спрос на продукты питания, которые необходимы человечеству для продолжения жизнедеятельности. Особой категорией становятся экологически чистые продукты, без ГМО, сои и искусственных заменителей, и в их производстве у России есть предпосылки стать мировым лидером. Однако в настоящее время сельские территории характеризуются асинхронностью социально-экономического развития в сравнении с городскими. Старение сельского населения [5, с. 151–184], износ инженерной и социальной инфраструктур [1, с. 442–448], уменьшение

¹ См.: Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. – URL: <http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf>.

доходов [4, с. 62–71] и, как следствие, массовый отток населения с сельских территорий [6, с. 192–211] являются стратегическими вызовами, которые не только встают перед главами субъектов Федерации и муниципальных образований, но и несут системную угрозу для национальной безопасности и территориальной целостности страны.

Целью настоящего исследования являются анализ текущих трендов развития сельских территорий, выявление основных проблем и выработка рекомендаций по их трансформации или преодолению. Объектом исследования выбраны сельские поселения Волгоградской области в связи с доступностью статистических данных, репрезентативностью трендов развития сельских территорий области в сравнении с другими российскими регионами, высокой долей АПК в структуре ВРП области.

МЕТОДОЛОГИЯ

В качестве методологии исследования были выбраны два направления: статистическое исследование и анкетирование. В рамках первого использовались следующие методы: статистическое наблюдение, сводка и группировка материалов статистического наблюдения, выборка необходимых данных. Эти методы применялись для анализа динамики изменения численности населения региона, динамики гендерно-возрастного состава населения, динамики прибытия и убытия населения, для сравнительного анализа динамики количества городских и сельских поселений, а также для анализа динамики изменения численности населения муниципальных районов и городских округов.

В рамках второго направления исследования было проведено анкетирование сельских жителей из пяти муниципальных районов: Даниловского, Дубовского, Иловлинского, Котельниковского и Ленинского. Выбор муниципальных районов производился по принципу наличия личных знакомых в этих районах и возможности распространения анкет среди референтных групп (население в возрасте 20–45 лет). Анкетирование было организовано в виде интернет-опроса при помощи онлайн-приложения Google Формы. Выбор формата опроса был обусловлен невозможностью проведения очных встреч

и бесед с респондентами, а также необходимостью географической диверсификации участников. Общая выборка составила 274 чел. Анкетирование (интернет-опрос) было проведено в два этапа.

Цель первого этапа интернет-опроса состояла в выявлении основных проблем социально-экономического развития сельских поселений, которые, по мнению жителей, являются критическими с точки зрения привлекательности территории для проживания и ведения хозяйственно-экономической деятельности. Респондентам предлагалось самостоятельно выделить не менее трех наиболее значимых проблем. По результатам первого этапа был сформирован список проблем. В данный список попадали лишь те проблемы социально-экономического развития, которые были упомянуты не менее 10 раз различными респондентами. В итоге было выделено семь основных проблем.

Второй этап интернет-опроса проводился с целью сужения предметной области исследования, которое заключалось в ранжировании выделенных проблем сельских территорий по степени их важности для жителей. Респондентам предлагалось проранжировать выделенные на первом этапе проблемы по степени значимости: цифра 1 соответствовала самой важной для респондента проблеме, цифра 7 – наименее важной.

РЕЗУЛЬТАТЫ

По состоянию на 1 января 2020 г. на территории Волгоградской области выделено шесть городских округов (г. Волгоград, г. Камышин, г. Волжский, г. Фролово, г. Михайловка, г. Урюпинск), 32 муниципальных образования (на территории которых находится 29 городских поселений) и 399 сельских поселений. Общая численность населения области – 2 507 509 чел. Несмотря на то что сельские поселения составляют большую часть административно-территориальных образований Волгоградской области, 70% населения проживает в городских округах и городских поселениях.

По итогам 2019 г. Волгоградская область вошла в список регионов с наивысшим показателем убыли населения, которая составила

15,8 тыс. чел. Как показывают результаты статистического наблюдения, в области начиная с 2009 г. фиксируется стабильная динамика убыли населения вплоть до 2019 г.: за эти годы население региона уменьшилось с 2 618 062 до 2 507 509 чел., общая убыль составила 110 553 чел., в среднем область теряла 11 тыс. чел. в год. Для выявления основных причин сохраняющейся на протяжении десятилетия убыли населения в рамках нашего исследования был проведен анализ динамики численности населения Волгоградской области в разрезе муниципальных районов, который выявил отрицательный тренд

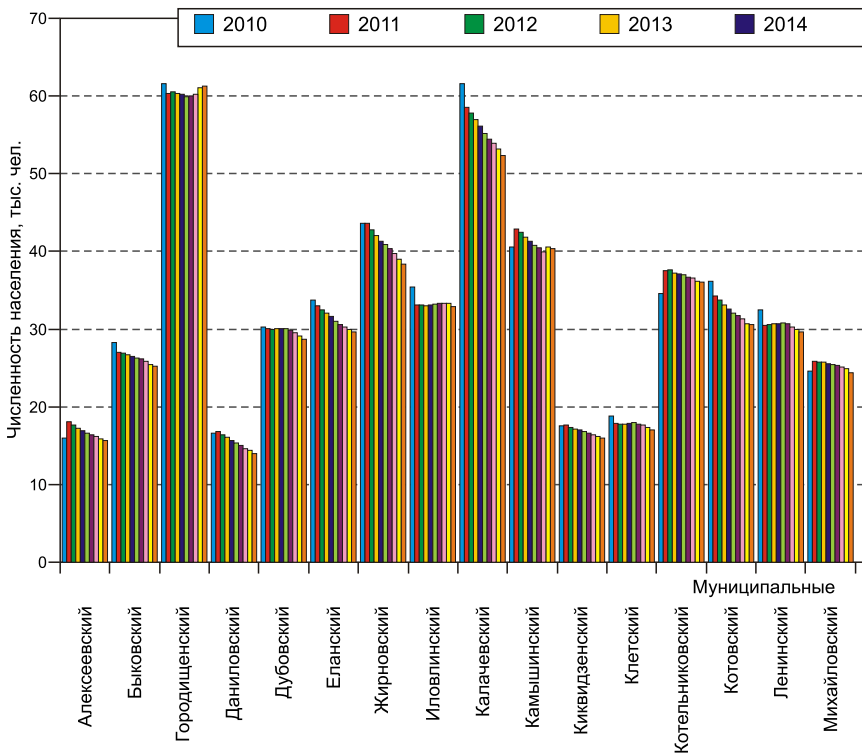
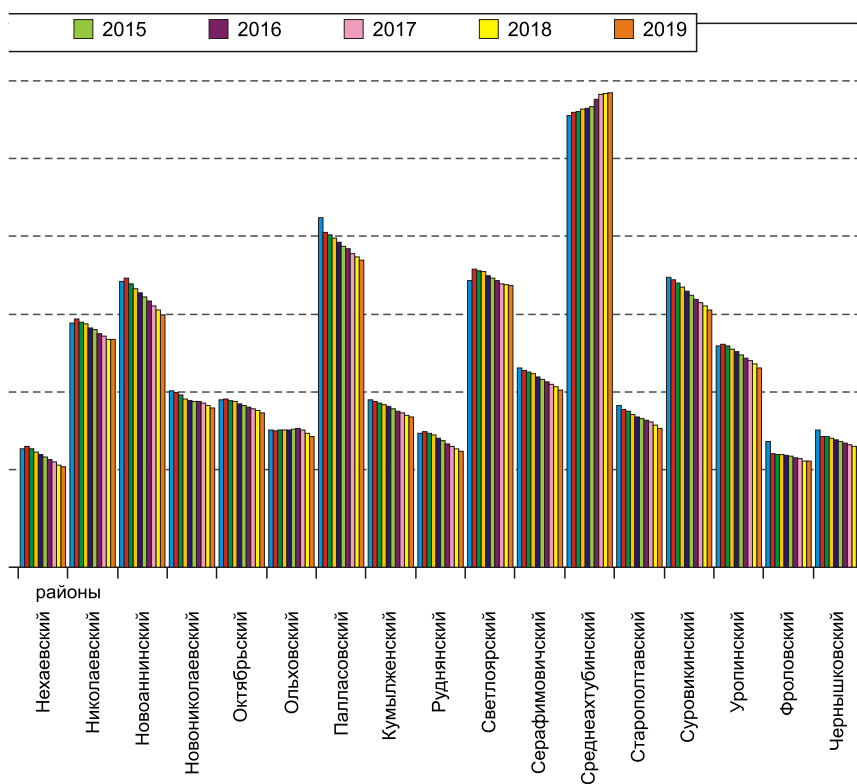

Рис. 1. Динамика численности населения Волгоградской области
Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы

практически во всех муниципальных районах региона (рис. 1). Как видно из рисунка, основной тенденцией динамики населения Волгоградской области является постоянная его убыль в муниципальных районах в течение последних 10 лет. Исключение составили Среднеахтубинский и Городищенский районы, где наблюдается рост численности населения, причем если в Среднеахтубинском районе этот рост стабилен, то в Городищенском имела место отрицательная динамика численности населения, которая затем была переломлена и перешла в положительную.

области в разрезе муниципальных районов
государственной статистики по Волгоградской области

Общий анализ статистических данных позволил выявить наличие постоянного отрицательного тренда численности населения в Волгоградской области, определение же причин его формирования требует более детального изучения выявленных тенденций по расширенному списку критериев. Для повышения достоверности результатов исследования необходимо проанализировать закономерности изменения численности населения региона по отдельным сегментам, для того чтобы определить убыль по естественным причинам, которая свидетельствует о низком уровне развития социальной сферы и сферы здравоохранения в регионе, и выделить в отдельную категорию убыль по факту миграции, причинами которой являются помимо социальных также и экономические обстоятельства. В рамках настоящего исследования был проведен анализ тенденций убыли по референтным группам, сформированным по половой, возрастной и территориальной (городской или сельской) принадлежности [23, с. 1–22; 24 с. 31–40].

Проведение сегментированного исследования позволит впоследствии разработать двухэтапную программу мероприятий по преодолению постоянной убыли населения в Волгоградской области. Первый этап – это мероприятия, устраняющие общие причины, вызывающие отток населения. Второй этап – специальные мероприятия отдельно для групп риска, в которых наблюдается наивысший уровень убыли.

Анализ динамики численности населения по критерию распределения городского и сельского населения в муниципальных районах Волгоградской области (рис. 2) показал, что наибольшая численность отмечается в Городищенском и Среднеахтубинском районах, наиболее близких к г. Волгограду и г. Волжскому, которые образуют довольно большую агломерацию. Население этих районов в достаточной степени урбанизированно, часть их жителей работают не по месту проживания. Кроме того, они имеют доступ к торговым сетям и организациям досуга названных городов, что увеличивает качество жизни в данных районах. Надо отметить, что второй по размерам город Волгоградской области после Волгограда – г. Камышин не демонстрирует подобных резко выделяющихся значений, достаточно сильно выделяется в большую сторону по числу жителей только Калачев-

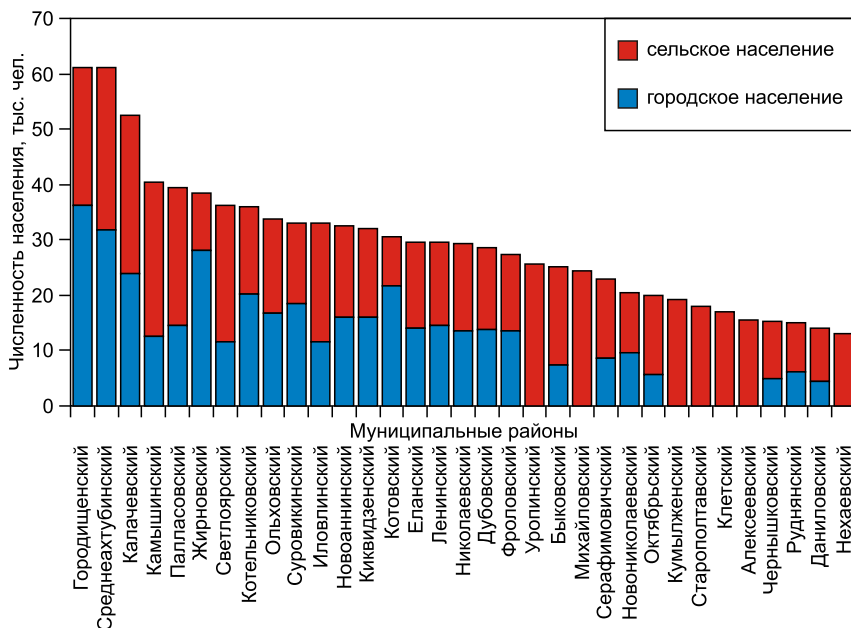

Рис. 2. Численность городского и сельского населения в муниципальных районах Волгоградской области на 01.01.2019 г.

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области

ский район. Это связано с удаленностью Камышина от центра области – Волгограда. Рост населения Среднеахтубинского района стимулируется транспортной доступностью Волгограда после строительства моста через р. Волгу, что расширило возможности как трудоустройства, так и потребления.

Большая часть муниципальных районов Волгоградской области образуют достаточно однородную совокупность, при этом для районов с высокой долей сельского населения характерна в целом более низкая численность населения ($r = -0,62$, что показывает умеренную обратную связь; рис. 3). В семи муниципальных районах городское население отсутствует (при этом для Урюпинского и Михайловского

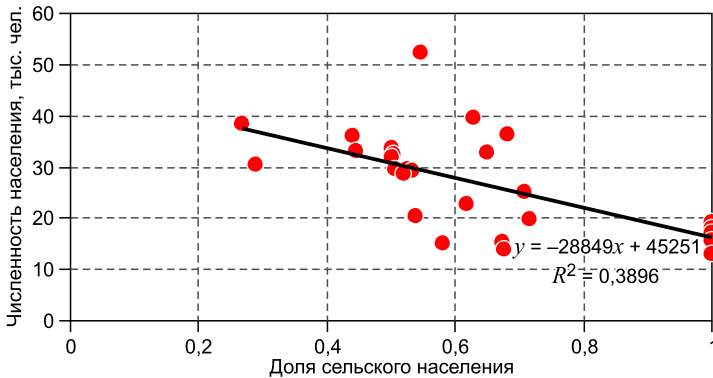

Рис. 3. Взаимосвязь между долей сельского населения и общей численностью населения (для муниципальных районов, не включающих крупные города и не находящихся близко к г. Волгограду) на 01.01.2019 г.

Источник: составлено авторами

районов не учитывается численность жителей городов Урюпинск и Михайловка).

Анализ динамики численности населения в разрезе половой и территориальной принадлежности выявил, что, во-первых, для Волгоградской области характерно превышение численности женщин над численностью мужчин как в городах, так и в сельской местности, а во-вторых, бóльшая убыль наблюдается у референтной группы «женщины», тогда как по территориальной принадлежности сокращение городского и сельского населения имеет примерно одинаковые темпы (рис. 4). Таким образом, можно сделать предположение, что причины сокращения численности населения не имеют сильной связи с условиями проживания, такими как наличие социально-культурной и досуговой инфраструктуры. Однако далее это предположение будет опровергнуто. Также данные причины не имеют сильной зависимости от гендерной принадлежности населения. Поскольку явной связи между убылью населения и гендерно-территориальной принадлежностью не наблюдается, было проведено исследование убыли населения по референтным группам, сформированным по возрастному критерию (рис. 5).

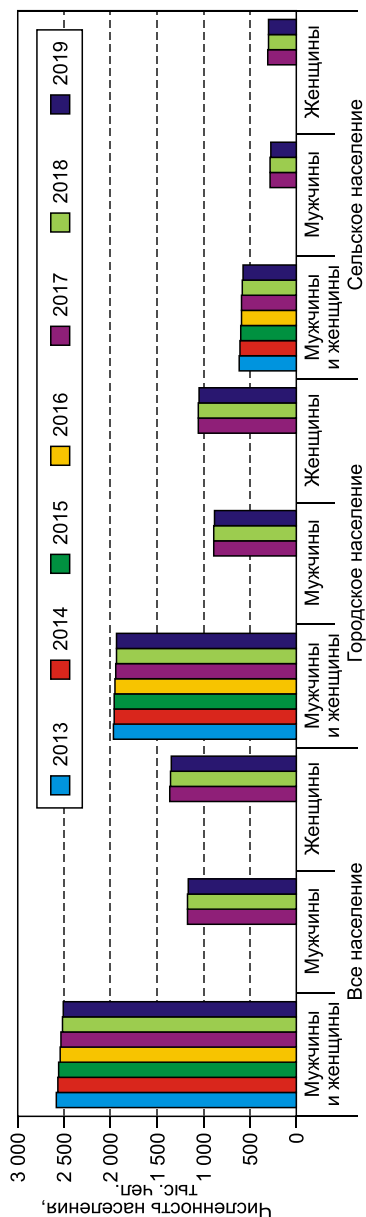

Рис. 4. Динамика состава населения Волгоградской области по половой и территориальной принадлежности

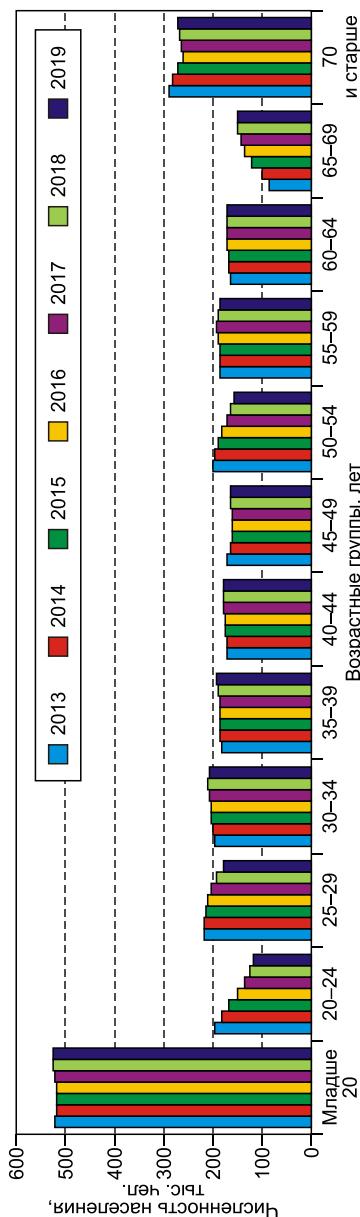

Рис. 5. Динамика численности населения Волгоградской области по возрастным группам

Анализ статистических данных по возрастным группам показал, что в последние пять лет в Волгоградской области наблюдается снижение численности населения, в первую очередь в возрастных группах 20–24 года, 25–29 лет, 50–54 года. Можно предположить, что группа 50–54 года имеет тенденцию убыли в связи с ростом смертности населения этого возраста, а вот группы 20–24 года и 25–29 лет имеют тенденцию к миграции. Эти две группы требуют особого внимания при анализе, поскольку именно они являются перспективными в плане воспроизводства трудовых ресурсов. Надо также отметить, что в регионе наблюдается тенденция роста численности населения в группе 65–69 лет. Помимо миграционных процессов на динамику возрастных групп влияет сама структура населения: пики численности населения, которые в 2013 г. приходились на возраст 20–29 лет и 50–59 лет, сменились спадами. При этом пик численности жителей возраста 50–59 лет перешел вправо, приведя к росту численности группы 65–69 лет, однако соответствующий рост численности группы 30–34 года значительно ниже ожидаемого. Это можно объяснить оттоком из региона граждан трудоспособного возраста, особенно потенциально трудоспособных в возрасте 20–24 года. Сокращение численности молодежи приводит к увеличению нагрузки на трудоспособное население, связанной с содержанием нетрудоспособного.

Далее исследование было сосредоточено на выявлении и ранжировании по степени важности для респондентов основных проблем социально-экономического развития сельских поселений, которые, по их мнению, являются критическими с точки зрения привлекательности территории для проживания и ведения хозяйственно-экономической деятельности. Гендерно-возрастные характеристики опрошенных представлены в табл. 1.

По результатам онлайн-опроса жителей сельской местности Волгоградской области было выявлено семь основных проблем социально-экономического развития сельских поселений (табл. 2). Главными проблемами, вызывающими постоянный отток жителей из их поселений, респонденты назвали отсутствие достойно оплачиваемой работы и недостаточный уровень развития инфраструктуры, в том числе низкий уровень медицинского обслуживания.

Таблица 1

Гендерно-возрастные характеристики опрошенных жителей сельских поселений Волгоградской области, 2020 г., чел.

Муниципальный район	Мужчины	Женщины	Возраст, лет		
			20–24	25–34	35–44
Даниловский	15	18	15	8	10
Дубовский	33	17	18	13	19
Иловлинский	36	35	21	25	25
Котельниковский	58	30	33	26	29
Ленинский	12	20	12	10	10

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Проблемы социально-экономического развития сельских поселений Волгоградской области, 2020 г.

Проблема	Кол-во упоминаний в ответах	
	абс.	%
Отсутствие достойных рабочих мест / низкий уровень дохода	111	23
Низкий уровень медицинских услуг	88	18
Неразвитые социально-культурная и инженерная инфраструктуры	83	17
Косность мышления местного населения и администрации	72	15
Невозможность саморазвития	59	12
Отсутствие досуговых мест	45	9
Удаленность от регионального центра	24	6

Источник: составлено авторами.

Для того чтобы ранжировать полученные в ходе онлайн-опроса проблемы социально-экономического развития сельских поселений, было применено девятое правило системы «скейтинг». Согласно этому правилу необходимо найти сумму оценок каждого фактора. Затем факторы располагаются в порядке возрастания соответственно полученным оценкам. Фактор, оценка которого будет минимальной, и есть самый важный, по мнению респондентов, остальные факторы распределяются в порядке уменьшения важности для участников опроса.

По результатам онлайн-опроса проблемы социально-экономического развития сельских поселений Волгоградской области были проанжированы следующим образом:

<i>Проблема</i>	<i>Значение</i>
1. Отсутствие достойных рабочих мест / низкий уровень дохода	660
2. Неразвитые социально-культурная и инженерная инфраструктуры	792
3. Низкий уровень медицинских услуг	897
4. Косность мышления местного населения и администрации	950
5. Невозможность саморазвития	1 082
6. Отсутствие досуговых мест	1 372
7. Удаленность от регионального центра	1 663

Согласно результатам ранжированной оценки выявленных проблем наиболее значимыми для жителей сельских поселений оказались проблемы трудоустройства на места с достойным уровнем оплаты труда, неразвитые инженерная инфраструктура и социально-культурная составляющая, а также низкий уровень здравоохранения. В то же время удаленность от регионального центра является для них наименее значимой проблемой, хотя строительство моста, который значительно расширил возможности трудоустройства для жителей Среднеахтубинского муниципального района, вызвало тем самым рост численности его населения. Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что по мере развития современных информационно-коммуникационных технологий фактор расстояния (локализации) становится менее критичным для граждан.

ОБСУЖДЕНИЕ

Тренд, наблюдаемый на примере сельских поселений Волгоградской области, характерен для сельских территорий всей страны. По данным официальной статистики, численность сельского населения постоянно снижается, начиная с 2001 г. общая убыль населения сельских территорий составила 1,9 млн чел. и на 1 января 2019 г. сельских жителей было 37,3 млн чел. (25% всех жителей страны)². Россия является страной с высоким уровнем урбанизации, что отражает общемировой тренд развития.

Наблюдаемый рост численности сельского населения в отдельных муниципальных образованиях (как, например, в Среднеахтубинском и Городищенском районах Волгоградской области) объясняется исключительно изменением (расширением) их территориальных границ и не может являться показателем улучшения социально-экономических характеристик исследуемых территорий и повышения их привлекательности для резидентов. Можно сделать вывод о наличии тенденции вымывания населения из сельской местности в города, причем зачастую наблюдается перемещение из периферийных регионов страны в центральные (преимущественно европейские)³.

Среди основных проблем социально-экономического развития сельских поселений доминируют социальные (неразвитость социально-культурной инфраструктуры, низкий уровень медицинских услуг, отсутствие досуговых мест, невозможность саморазвития), которые существенно влияют на качество жизни сельского населения.

Корреляционный анализ показал, что в возрастной референтной группе 20–24 года доля лиц, выделявших социальные проблемы как наиболее важные, составила 72%, в то время как экономическую проблему (отсутствие достойных рабочих мест / низкий уровень дохода) в качестве наиболее важной отметили 94% респондентов старше 35 лет. Референтная группа 25–34 года заняла промежуточное

² См.: *Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. / Росстат.* – М., 2019. – С. 74.

³ См.: *Volkov S. Social and economic disproportion of development of Russian territories // Regional and Sectoral Economic Studies.* – 2015. – Vol. 15 (2). – P. 137–144.

положение: 36% среди основных проблем назвали социальные, 48% – экономические. Можно предположить, что для более молодого поколения (к этой же группе с большой долей вероятности можно отнести людей моложе 20 лет) наличие развитой социально-культурной и досугово-развлекательной инфраструктуры, а также возможность активной жизни и самореализации являются витальной потребностью, формирующей жизненные предпочтения. Для более старшего поколения ключевые факторы привлекательности территории – возможность заработка и обеспечения финансового благополучия одновременно с возможностью удовлетворения базовых потребностей жизнеобеспечения (в частности, это доступность качественных медицинских услуг).

Ни в одной из референтных групп не была выделена удаленность от регионального центра как ключевая проблема с точки зрения привлекательности территории для проживания и ведения хозяйственно-экономической деятельности. Не наблюдается корреляции в зависимости от удаленности муниципальных районов от регионального центра – г. Волгограда. Таким образом, фактор расстояния не может служить препятствием для проживания в сельской местности. Однако проблемы, помеченные выше номерами 4, 5, 6, 7, являются зависимыми с первыми тремя, так как порождают их.

ВЫВОДЫ

Современные сельские территории, не только в России, сталкиваются с серьезной проблемой оттока местного населения в города и городские агломерации [14, с. 490–498; 20; 21, с. 441–459]. В условиях глобальной конкуренции за все виды ресурсов, и прежде всего человеческие [9, с. 17–40], остро встает вопрос о существовании сельских поселений в том виде, в каком они существовали сотни лет. В результате проведенного исследования был выявлен отрицательный тренд, формирующий отток сельского населения и расширение городских агломераций [11, с. 64–79] за счет присоединения близлежащих сельских территорий. В связи с этим возникает необходи-

мость системного переосмысления концептуальных подходов к пространственному развитию сельских территорий и совершенствованию теоретико-методической и инструментальной базы стратегического планирования и управления развитием сельских территорий. Нужны новые подходы к развитию пространств с учетом смены поколений, прежде всего с учетом появления центениалов и поздних миллениалов с их новыми, отличающимися от таковых у других поколений ценностями и мировоззрением, привычками, характером и образом мышления, а соответственно, и с новыми потребностями как в профессиональной деятельности, так и в организации досуга и жизненного пространства.

Не претендуя на абсолютный характер предлагаемых в рамках данного исследования выводов, постараемся сделать некоторые рекомендации по изменению сложившейся ситуации и решению конкретных проблем сельских территорий.

Проблема «отсутствие достойных рабочих мест / низкий уровень дохода», которая исторически связана с тем, что высокая доля в структуре занятости и структуре валового внутреннего продукта приходилась на агропромышленный комплекс, требует переориентации на сервисные виды деятельности (туризм, креативные отрасли, финансовые услуги, наука и исследования, IT-услуги и проч.). Логика постиндустриального развития предполагает трансформацию экономического уклада, переход от промышленного сектора экономики в сторону третичного и четвертичного секторов. Развитие несельскохозяйственного предпринимательства может стать точкой роста сельских территорий. Наиболее перспективными направлениями развития являются, на наш взгляд, туризм [10, с. 22–37], творческие виды деятельности (литература, изобразительное искусство, музыка, дизайн и др.), сфера IT, т.е. те профессии, представителей которых профессор Р. Флорида назвал «креативным классом» [7; 8]. Тренд на экологичность, аутентичность и уединенность у представителей данных профессий может дать дополнительные преимущества сельским территориям в плане привлечения таких специалистов [22, с. 698–809].

Формирование креативных центров на базе сельских территорий будет способствовать трансформации сознания местных жителей и местной администрации [12, с. 391–423], так как возникнет социальный спрос на иные сервисы и общественные услуги. Креативные центры в данном случае понимаются нами как социально-экономические кластеры, созданные в сельской местности для развития не-сельскохозяйственного предпринимательства с активным вовлечением творческих специалистов для генерирования, обмена и потребления новых идей. Таким образом, креативные центры в сельской местности будут выполнять не только экономические функции, но и рекреационные, образовательные и культурно-просветительские.

Проблемы «неразвитые социально-культурная и инженерная инфраструктуры», «низкий уровень медицинских услуг», «невозможность саморазвития» и «отсутствие досуговых мест» должны решаться за счет повышения уровня социальной ответственности территории по отношению к местному населению и резидентам [3]. Формирование привлекательного жизненного пространства на территории сельских поселений является первоочередной задачей муниципальных властей и федерального центра, выполнение которой будет способствовать позитивной трансформации качества социально-экономического роста сельских территорий.

Кроме всего прочего, сельским территориям необходимо усилить маркетинговую составляющую, озаботившись формированием стратегии позиционирования своих уникальных характеристик во внешней среде [2, с. 481–487]. Маркетинговая парадигма стратегического развития позволит сельским территориям повышать уровень конкурентоспособности в борьбе за привлечение дополнительных ресурсов. Акцент в позиционировании сельских территорий, на наш взгляд, целесообразно делать на стратегии формирования креативных центров. Многочисленные зарубежные кейсы маркетинга территорий подкрепляют данное положение [13; 15–19; 25]. Предполагается, что особую эффективность таких креативных центров может подтвердить их позиционирование в качестве особого типа кластерных структур, что подразумевает активное участие в их создании и развитии широ-

кого круга заинтересованных сторон: населения, научно-образовательных организаций, органов власти, бизнес-субъектов и т.д.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 20-010-00072 «Формирование креативных центров пространственного развития как механизм повышения качества жизни населения сельских территорий»)

Список источников

1. Баландин Д.А. Теоретические аспекты развития инфраструктуры сельских территорий // Журнал экономической теории. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 442–448.
2. Важенкина И.С., Важенкин С.Г., Сухих В.В. Особенности конкуренции территорий за доверие // Журнал экономической теории. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 481–487.
3. Волков С.К., Морозова И.А., Чулкова В.С. Социальная ответственность регионального менеджмента как фактор устойчивого развития российских территорий // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 5. – С. 2–9.
4. Скальная М.М. Доходы сельского населения как фактор социальной устойчивости сельских территорий // АПК: экономика, управление. – 2018. – № 1. – С. 62–71.
5. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Изменения численности и половозрастной структуры населения Сибирского федерального округа и его регионов в 1989–2017 гг.: оценка последствий и рисков // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 2 (102). – С. 151–184.
6. Устинова К.А. Человеческий потенциал сельских территорий России: проблемы оценки и интерпретации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11, № 2. – С. 192–211.
7. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2011. – 432 с.
8. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. – М.: Strelka Press, 2014. – 368 с.
9. Adler P.S., Kwon S.W. Social capital: Prospects for a new concept // Academy of Management Review. – 2002. – Vol. 27 (1). – P. 17–40.
10. Alves H.M.B., Cerro A.M.C., Martins A.V.F. Impacts of small tourism events in rural places // Journal of Place Management and Development. – 2010. – Vol. 3 (1). – P. 22–37.

11. *Atkinson R., Easthope H.* The consequences of the creative class: The pursuit of creativity strategies in Australia's cities // *International Journal of Urban and Regional Research*. – 2009. – No. 33. – P. 64–79.
12. *Batabyal A.A., Beladi H.* The importance of creative capital for economic growth in the presence of learning by doing // *Regional Science Policy and Practice*. – 2015. – No. 7. – P. 187–197.
13. *Bayliss D.* The rise of the creative city: culture and creativity in Copenhagen // *European Planning Studies*. – 2007. – No. 15. – P. 889–903.
14. *Bijker R.A., Haartsen T., Strijker D.* Migration to less-popular rural areas in the Netherlands: Exploring the motivations // *Journal of Rural Studies*. – 2012. – Vol. 24 (8). – P. 490–498.
15. *Boschma R.A., Fritsch M.* Creative class and regional growth: empirical evidence from several European countries // *Economic Geography*. – 2009. – No. 85. – P. 391–423.
16. *Comunian R.* Rethinking the creative city // *Urban Studies*. – 2011. – Vol. 48 (6). – P. 1157–1179.
17. *Kourtiti K., Nijkamp P.* Impact of cultural “ambiance” on the spatial distribution of creative professions: A modeling study on the Netherlands // *International Regional Science Review*. – 2018. – Vol. 41 (1). – P. 103–128.
18. *Kourtiti K., Nijkamp P.* In search of creative champions in high-tech spaces: A spatial application of strategic performance management // *Journal of Regional Science*. – 2013. – Vol. 53 (5). – P. 749–777.
19. *Kourtiti K., Nijkamp P.* The use of visual decision support tools in an interactive stakeholder analysis – Old ports as new magnets for creative urban development // *Sustainability*. – 2013. – No. 5. – P. 4379–4405.
20. *Merino F., Prats M.A.* Why do some areas depopulate? The role of economic factors and local governments // *Cities*. – 2020. – Vol. 97. – 102506.
21. *Nelson L., Nelson P.B.* The global rural: Gentrification and linked migration in the rural USA // *Progress in Human Geography*. – 2011. – Vol. 35 (4). – P. 441–459.
22. *Nyedomysl T.* Promoting rural municipalities to attract new residents: An evaluation of the effects // *Geoforum*. – 2007. – No. 38. – P. 698–809.
23. *Pinilla V., Ayuda M.I., Saez L.* Rural depopulation and the migration turnaround in Mediterranean Western Europe: A case study of Aragon // *Journal of Rural and Community Development*. – 2008. – No. 3. – P. 1–22.
24. *Stockdale A.* The diverse geographies of rural gentrification in Scotland // *Journal of Rural Studies*. – 2010. – Vol. 26 (1). – P. 31–40.
25. *Vanolo A.* The image of the creative city: some reflections on urban branding in Turin // *Cities*. – 2008. – No. 25. – P. 370–382.

Информация об авторах

Волков Сергей Константинович (Россия, Волгоград) – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и предпринимательство» Волгоградского государственного технического университета (400005, Волгоград, просп. им. Ленина, 28, e-mail: ambiente2@rambler.ru).

Кетько Наталия Владимировна (Россия, Волгоград) – доктор экономических наук, профессор кафедры «Информационные системы в экономике» Волгоградского государственного технического университета (400005, Волгоград, просп. им. Ленина, 28, e-mail: gsa-buch@list.ru).

DOI: 10.15372/REG20200405

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 4 (108), p. 100–122

S.K. Volkov, N.V. Ketko

RURAL AREAS IN MODERN RUSSIA: DEVELOPMENT TRENDS AND TRANSFORMATION MECHANISMS (case study of Volgograd Oblast)

The study aims to analyze current trends in rural development and provide recommendations for their transformation. The object is rural settlements in Volgograd Oblast. The subject of the study is socio-economic processes taking place in municipal areas of Volgograd Oblast. The research methods are system logic analysis, correlation analysis, and statistical analysis. We have also conducted an (online) survey among rural dwellers from five municipal areas in Volgograd Oblast.

We have identified trends in the socio-economic development of rural settlements against changes in the region's population, age-sex structure, in- and outflow dynamics, the number of urban and rural settlements, as well as population dynamics in municipal areas and urban districts. It is established that population changes in Volgograd Oblast's municipal areas are decreasing. However, municipal areas with a high share of the rural population are

generally characterized by fewer residents. We have also identified and ranked the main problems of socio-economic development for rural settlements in terms of how attractive they are for residence and doing business. We provide recommendations on shifting the current situation and addressing specific issues that rural areas have.

The study's theoretical significance is that its results can be considered a stage of a broad research program to develop a methodological basis for rural areas' strategic development built upon newly established creative centers as "controlled growth points." The practical significance of the study lies in the possibility of using its results when shaping spatial strategies for rural development.

Keywords: rural areas; region; spatial development; demography; infrastructure; creative centers; municipal areas; entrepreneurship

For citation: Volkov, S.K. & N.V. Ketko. (2020). Selskie territorii sovremennoy Rossii: trendy razvitiya i mekhanizmy transformatsii (na primere Volgogradskoy oblasti) [Rural areas in modern Russia: development trends and transformation mechanisms (case study of Volgograd Oblast)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (108), 100–122. DOI: 10.15372/REG20200405.

*The research is prepared within the framework of the project
No. 20-010-00072 "Formation of creative centers of spatial development
as a mechanism for improving the quality of life in rural areas"
supported by funding from the Russian Foundation for Basic Research*

References

1. Balandin, D.A. (2018). Teoreticheskie aspekty razvitiya infrastruktury selskikh territoriy [Theoretical aspects of rural infrastructure development]. Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of the Economic Theory], Vol. 15, No. 3, 442–448.
2. Vazhenina, I.S., S.G. Vazhenin & V.V. Sookhikh. (2018). Osobennosti konkurentsii territoriy za doverie [Features of competition of territories for confidence]. Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of the Economic Theory], Vol. 15, No. 3, 481–487.
3. Volkov, S.K., I.A. Morozova & V.S. Chulkova. (2015). Sotsialnaya otvetstvennost regionalnogo menedzhmenta kak faktor ustoychivogo razvitiya rossiyskikh territoriy

[Social responsibility of regional management as a factor of the sustainable development of Russian territories]. *Natsionalnye interesy: priorityty i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security], 5, 2–9.

4. *Skalnaya, M.M.* (2018). Dokhody selskogo naseleniya kak faktor sotsialnoy ustoychivosti selskikh territoriy [Income of rural people is as factor of social stability of rural territories]. *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: Economics, Management], 1, 62–71.

5. *Soboleva, S.V., N.E. Smirnova & O.V. Chudaeva.* (2019). Izmeneniya chislenosti i polovozrastnoy struktury naseleniya Sibirskogo federalnogo okruga i ego regionov v 1989–2017 gg.: otsenka posledstviy i riskov [Changes in the size and sex-age structure of the population in the Siberian Federal District and its regions from 1989 to 2017: impact assessment and risks]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2 (102), 151–184.

6. *Ustinova, K.A.* (2018). Chelovecheskiy potentsial selskikh territoriy Rossii: problemy otsenki i interpretatsii [Human potential of Russia's rural areas: assessment and interpretation]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 11, No. 2, 192–211.

7. *Florida, R.* (2011). *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [The Rise of the Creative Class]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 432.

8. *Florida, R.* (2014). *Kto tvoy gorod? Kreativnaya ekonomika i vybor mesta zhitelstva* [Who's Your City? How the Creative Economy Is Making Where You Live the Most Important Decision of Your Life]. Moscow, Strelka Press, 368.

9. *Adler, P.S. & S.W. Kwon.* (2002). Social capital: Prospects for a new concept. *Academy of Management Review*, Vol. 27, No. 1, 17–40.

10. *Alves, H.M.B., A.M.C. Cerro & A.V.F. Martins.* (2010). Impacts of small tourism events in rural places. *Journal of Place Management and Development*, Vol. 3, No. 1, 22–37.

11. *Atkinson, R. & H. Easthope.* (2009). The consequences of the creative class: The pursuit of creativity strategies in Australia's cities. *International Journal of Urban and Regional Research*, 33, 64–79.

12. *Batabyal, A.A. & H. Beladi.* (2015). The importance of creative capital for economic growth in the presence of learning by doing. *Regional Science Policy and Practice*, 7, 187–197.

13. *Bayliss, D.* (2007). The rise of the creative city: culture and creativity in Copenhagen. *European Planning Studies*, 15, 889–903.

14. *Bijker, R.A., T. Haartsen & D. Strijker.* (2012). Migration to less-popular rural areas in the Netherlands: Exploring the motivations. *Journal of Rural Studies*, 24 (8), 490–498.

15. *Boschma, R.A. & M. Fritsch.* (2009). Creative class and regional growth: empirical evidence from several European countries. *Economic Geography*, 85, 391–423.

16. *Comunian, R.* (2011). Rethinking the creative city. *Urban Studies*, Vol. 48, No. 6, 1157–1179.

17. Kourtit, K. & P. Nijkamp. (2018). Impact of cultural “ambiance” on the spatial distribution of creative professions – A modeling study on the Netherlands. *International Regional Science Review*, Vol. 41, No. 1, 103–128.
18. Kourtit, K. & P. Nijkamp. (2013). In search of creative champions in high-tech spaces: A spatial application of strategic performance management. *Journal of Regional Science*, Vol. 53, No. 5, 749–777.
19. Kourtit, K. & P. Nijkamp. (2013). The use of visual decision support tools in an interactive stakeholder analysis – Old ports as new magnets for creative urban development. *Sustainability*, 5, 4379–4405.
20. Merino, F. & M.A. Prats. (2020). Why do some areas depopulate? The role of economic factors and local governments. *Cities*, 97, 102506.
21. Nelson, L. & P.B. Nelson. (2011). The global rural: Gentrification and linked migration in the rural USA. *Progress in Human Geography*, Vol. 35, Iss. 4, 441–459.
22. Nyedomysl, T. (2007). Promoting rural municipalities to attract new residents. An evaluation of the effects. *Geoforum*, 38, 698–809.
23. Pinilla, V., M.I. Ayuda & L. Saez. (2008). Rural depopulation and the migration turnaround in Mediterranean Western Europe: A case study of Aragon. *Journal of Rural and Community Development*, 3, 1–22.
24. Stockdale, A. (2010). The diverse geographies of rural gentrification in Scotland. *Journal of Rural Studies*, Vol. 26, Iss. 1, 31–40.
25. Vanolo, A. (2008). The image of the creative city: some reflections on urban branding in Turin. *Cities*, 25, 370–382.

Information about the authors

Volkov, Sergey Konstantinovich (Volgograd, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at the Economy and Entrepreneurship Department, Volgograd State Technical University (28, Lenin av., Volgograd, 400005, Russia, e-mail: ambiente2@rambler.ru).

Ketko, Nataliya Vladimirovna (Volgograd, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor at the Information Systems in Economics Department, Volgograd State Technical University (28, Lenin av., Volgograd, 400005, Russia, e-mail: gsa-buch@list.ru).

Поступила в редколлегию 03.08.2020.

После доработки 01.09.2020.

Принята к публикации 02.09.2020.

© Волков С.К., Кетько Н.В., 2020

УДК 332.3+332.76+316.422

Регион: экономика и социология, 2020, № 4 (108), с. 123–150

О.П. Фадеева, В.И. Нефёдкин

АГРАРНОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В РОССИИ И В РЕГИОНАХ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы аграрного землепользования в России и в регионах Сибири и возможности роста его потенциала в результате цифровой трансформации. Анализ земельной статистики – материалов переписей и ежегодных отчетов Министерства сельского хозяйства РФ показывает неполноту и противоречивость имеющихся данных. Низкое качество информации о наличии и использовании земель сельскохозяйственного назначения является одним из главных факторов, препятствующих формированию полноценного рынка земельных участков и повышению эффективности землепользования.

Полуформализованные интервью с руководителями и специалистами районных администраций Алтайского края показали, что решение основной части проблем учета и инвентаризации земель делегировано на местный уровень. Внедрение унифицированных геоинформационных систем и баз данных, содержащих актуальную информацию о количестве и качестве имеющихся земельных ресурсов, распределении прав на землю и характере землепользования, могло бы изменить ситуацию с мониторингом использования земель в аграрном секторе. Но применение цифровых технологий не гарантирует повышения качества данных. Этому могут препятствовать различные институционально-правовые, экономические, организационно-технические, технологические и социальные факторы, в существенной степени определяющие локальные практики, сложившиеся в условиях непоследовательной земельной реформы.

Авторы делают вывод, что минимизация уже очевидных на данный момент сложностей и издержек очередных новаций в сфере землепользования предполагает трансформацию всей системы отношений между регуляторами, землевладельцами и землепользователями: от правил госу-

дарственной поддержки производителей до легальных механизмов аккумуляции земельных ресурсов (прежде всего невостребованных) у эффективных землепользователей. В противном случае иницилируемые сверху весьма дорогостоящие мероприятия не дадут ожидаемого эффекта и вместо упорядочивания системы земельных отношений могут принести в нее еще больший «цифровой хаос».

Ключевые слова: земельная реформа; земли сельскохозяйственного назначения; аграрное землепользование; инвентаризация; информационные системы; Алтайский край

Для цитирования: Фадеева О.П., Нефёдкин В.И. Аграрное землепользование в России и в регионах Сибири в условиях цифровой трансформации // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 123–150. DOI: 10.15372/REG20200406.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема эффективного использования земли сельскохозяйственного назначения в современной России чрезвычайно многогранна и прямо либо косвенно сопряжена с огромным количеством взаимосвязанных институционально-правовых, экономических, организационно-технических, технологических и социальных вопросов. Их спектр весьма широк: от последствий земельной реформы и преобразований всего аграрного сектора до вопросов практического установления и защиты прав собственности на землю, включающих формирование правил доступа к земле со стороны разных групп землепользователей и оценку условий для развития сельских территорий и роста уровня жизни сельчан. Сложность проблемы влечет за собой невозможность ее рассмотрения в рамках отдельной научной дисциплины и предопределяет наблюдаемое многообразие подходов у зарубежных и отечественных исследователей.

Зачастую проблемы земельных отношений в России рассматриваются западными исследователями преимущественно в контексте захватов и перераспределения земельных ресурсов в пользу крупных аграрных компаний (агрохолдингов) и представителей строительного бизнеса, а также сопутствующего лишения земельных прав сельских жителей [17; 19; 20]. В то же время отечественные авторы, исследую-

щие изменения в российском аграрном землепользовании в связи с продолжающимися уже не одно десятилетие преобразованиями в аграрной сфере, обнаруживают их негативные последствия не только и не столько в перераспределении прав собственности на землю, а в выпадении из хозяйственного оборота огромных земельных массивов по причине неудовлетворительных условий ведения сельского хозяйства и, как следствие, банкротства крупнейших традиционных землепользователей – сельхозпредприятий. В конечном счете происходят сжатие освоенных территорий и запустение полей [8], а также изменение структуры сельского расселения и системы сельской занятости [1]. Это влечет за собой деградацию сельской инфраструктуры и распад поддерживающих сельскую жизнь институтов, затрудняет доступ сельчан к социальным благам и взаимодействиям, мешает капитализировать имеющиеся в сельской местности возможности распоряжения природными ресурсами, в том числе землей [4; 14].

Для того чтобы понять, что реально происходит с аграрным землепользованием, важно оценить масштабы, динамику и структуру использования земель сельскохозяйственного назначения в России и в отдельных ее регионах. Не менее важно оценить структуру собственности и землепользования. Главный исследовательский вопрос настоящей статьи – можно ли с помощью цифровых технологий (цифровой трансформации) организовать мониторинг землепользования и на его основе оценивать эффективность использования земель и потенциал вовлечения в оборот неиспользуемых ресурсов.

Решению вышеперечисленных исследовательских, а тем более практических управленческих задач препятствует отсутствие адекватной земельной статистики. В разных источниках встречаются разительно отличающиеся друг от друга данные о площади возделываемых в России сельхозугодий. Формирование единой и непротиворечивой базы данных о земельных участках невозможно без завершения процедуры установления всех правообладателей и внесения в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) точных сведений о местоположении границ объектов, в том числе земельных участков, находящихся в государственной, муниципальной или частной собственности. Как следует из текста обоснований по внесению изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяй-

ственного назначения», за почти 30-летний срок с начала проведения земельной реформы так и не завершилась эпопея с формированием класса земельных собственников, несмотря на массовые и скоропалительные процедуры раздачи сельским жителям «виртуальных» земельных прав (в виде свидетельств о праве на долю в коллективной собственности), но не физически выделенных земельных участков: на начало 2019 г. «юридически оформлено и поставлено на кадастровый учет всего около 20% сельскохозяйственных земель, около 4,0 млн из 12,0 млн граждан, получивших земельные доли, юридически оформили свои права на земельную собственность»¹.

Решение проблемы учета земельных ресурсов и их использования в равной степени актуально и для бизнеса, и для власти, и для сельского населения. Власть не может выстраивать стратегию экономического развития, планировать поддержку сельских производителей, собирать налоги и в конечном счете обеспечивать формирование доходной части местных бюджетов, если не владеет достоверными данными о важнейшем локальном ресурсе. Для бизнеса формирование прозрачной и непротиворечивой системы учета и четких правил землепользования облегчит доступ к земельным массивам, которым можно найти полезное применение. Для сельского населения речь идет о возможности получать устойчивые доходы от принадлежащей собственности.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ: КЛАССИФИКАЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Россия, по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO), занимает шестое место в мире среди стран с наибольшими запасами сельскохозяйственных земель². Согласно данным Федеральной службы государственной регистрации, кадаст-

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/685804-7>.

² См.: *Top Countries in Agricultural Area* – Source FAO. – URL: <https://www.nationmaster.com/nmx/ranking/agricultural-area-fao>.

ра и картографии (далее – Росреестр), на 1 января 2019 г. площадь земельного фонда страны составляла 1712,5 млн га, при этом земли сельскохозяйственного назначения занимали 382,5 млн га (22,3%)³. Помимо этой категории Росреестр учитывает еще шесть категорий земельных ресурсов: земли населенных пунктов (на начало 2019 г. на их долю приходилось 1,2% земельного фонда), земли промышленности и иного специального назначения (1%), земли особо охраняемых территорий и объектов (2,9%), земли лесного (65,7%) и водного (1,6%) фондов, земли запаса (5,2%). Кроме того, Росреестр делит земельный фонд на сельскохозяйственные и несельскохозяйственные угодья⁴, которые могут относиться к любой из категорий земель. Так, например, в начале 2019 г. площадь сельскохозяйственных угодий в землях сельскохозяйственного назначения РФ насчитывала 197,72 млн га, в то время как общая площадь всех сельскохозяйственных угодий страны составляла 221,98 млн га.

Такая двойная классификация земельных ресурсов, когда для разных категорий и видов угодий действуют разные правила использования и методы административного контроля, имеет свои преимущества и недостатки [6]. С одной стороны, сложные процедуры перевода земли из одной категории в другую, а также изменения целевого назначения угодий препятствуют «разбазариванию» народного достояния и позволяют, как считают эксперты, оберегать наиболее ценные в сельскохозяйственном и иных отношениях земли [16]. С другой стороны, жесткое лимитирование направлений возможного использования земли ограничивает экономическую свободу и иногда порождает на практике проблемы, явно противоречащие здравому смыслу. Например, фермерам на принадлежащих им землях сельхозназначения запрещено вести жилищное строительство даже для собст-

³ См.: *Сведения о наличии и распределении земель в Российской Федерации на 01.01.2019* (в целом по Российской Федерации). – URL: <https://rosreestr.ru/site/activity/sostoyanie-zemel-rossii/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-/>.

⁴ В состав сельскохозяйственных угодий входят пашня, пастбища, сенокосы, многолетние насаждения и залежь. В разрезе несельскохозяйственных угодий Росреестр выделяет земли, занятые лесами, водой, застройкой, дорогами, болотами и проч.

венных нужд. Россельхознадзор, в обязанности которого входит контроль за землепользованием, должен налагать штрафы за нецелевое использование долго не обрабатываемых и заросших «сорными» (медоносными) растениями пахотных угодий, используемых для занятий пчеловодством, и требовать от владельца пасеки их вспашки. Также наказания потребует «инициативный» (без дорогостоящего юридического оформления) перевод пастбищ или сенокосов под пашню, позволяющий при необходимости увеличивать посевные площади при помощи особых агротехнологий. В конечном счете административные барьеры подобного рода могут способствовать росту коррупционной ренты там, где смена категорий земель, например сельхозназначения на земли поселения, резко увеличивает стоимость земельных участков, как происходит в пригородах российских городов, а также служить фактором искажения земельной статистики⁵.

Именно о последнем свидетельствуют расхождения данных о площадях земель сельскохозяйственного назначения, которые были выявлены в ходе двух раундов Всероссийской сельскохозяйственной переписи (ВСХП) в 2006 и 2016 гг., с публикуемой Росреестром (владельцем основной базы данных обо всех объектах недвижимости) информацией на те же даты (табл. 1).

За межпереписной период с 2006 по 2016 г. площадь земель сельскохозяйственного назначения, выявленная с помощью сплошного учета, сократилась на 100 млн га, или на 22,5%. При этом темпы уменьшения сельхозугодий и пашни были не столь велики: их площадь сократилась на 14 и 7% соответственно. Однако эти показатели существенно разошлись с теми данными, которые публиковал Росреестр в промежутке между переписями и сразу же после окончания второй волны (начало 2017 г.). Площади обнаруженных переписчиками сельхозугодий и пашен, которые были закреплены за землепользователями (но не обязательно ими использовались) в 2016 г., оказались на 55 и 22 млн га соответственно меньше значений, зафик-

⁵ С 2012 г. предпринималось несколько попыток отмены категорий земель и перехода к территориальному зонированию с разрешенными видами использования. Однако это так и не было сделано из-за необходимости масштабного уточнения границ участков.

Таблица 1

**Площадь земель сельскохозяйственного назначения по разным источникам
данных в 2006, 2009, 2016, 2018 гг., млн га**

Категория земель и сельхозугодий	ВСХП- 2006	ВСХП- 2016	Росреестр на 01.01.2010	Росреестр на 01.01.2017	Росреестр на 01.01.2019
<i>Российская Федерация</i>					
Земли сельскохозяйственного назначения	450,6	349,2	400,0	383,6	382,5
В том числе сельхозугодья	166,0	142,2	196,1	197,7	197,7
Из них пашня	102,1	94,6	115,3	116,2	116,2
<i>Сибирский федеральный округ</i>					
Земли сельскохозяйственного назначения	68,1	43,2	100,9	96,4	85,4
В том числе сельхозугодья	38,1	28,8	49,6	49,5	41,0
Из них пашня	19,9	17,7	23,0	23,0	21,8

Источник: расчеты авторов по материалам ВСХП-2006 и ВСХП-2016 (см.: *Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по субъектам Российской Федерации* / ФСГС. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. – Кн. 2. – С. 498–599; *Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т.* / ФСГС. М.: – ИИЦ «Статистика России», 2018. – Т. 3. – С. 8–11) и данным Росреестра (URL: <https://rosreestr.ru/site/activity/sostoyanie-zemel-rossii/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii/>).

сированных Росреестром на 1 января 2017 г. (см. табл. 1). Еще более существенными (почти двукратными) оказались расхождения между данными переписей и Росреестра в отношении земель сельхозназначения и сельхозугодий в регионах Сибирского федерального округа⁶.

⁶ Существенное уменьшение размеров земли сельскохозяйственного назначения в СФО в период с января 2017 г. по январь 2019 г. было вызвано административными преобразованиями, связанными с подписанием в ноябре 2018 г. президентом России указа о передаче Республики Бурятия и Забайкальского края из состава СФО в состав Дальневосточного федерального округа. Отметим, что несмотря на переход этих двух регионов из одного округа в другой, пахотные земли СФО сократились незначительно.

ОЦЕНКА НЕИСПОЛЬЗУЕМЫХ И НЕВОСТРЕБОВАННЫХ ЗЕМЕЛЬ

На наш взгляд, для более точной оценки неиспользуемых земельных ресурсов аграрного профиля следует учитывать не только показатели переписей, но и ежегодно публикуемые Министерством сельского хозяйства РФ данные, получаемые из отчетов, представляемых субъектами РФ [5, с. 280, 284]. В таблице 2 можно увидеть серьезные расхождения между данными из этих двух источников. Согласно информации Минсельхоза России, площадь неиспользуемых земель в начале 2019 г. оказалась в 2 раза больше, чем это было по данным переписи в середине 2016 г. Можно предположить, что часть числящихся в сведениях Росреестра сельхозугодий регионы заносят в разряд необрабатываемых и тем самым обеспечивают баланс используемых и неиспользуемых площадей в ежегодных отчетах.

Разночтения в данных, полученных из разных источников, могут быть весьма существенными. Согласно оценкам В.Я. Узуна [10], сделанным по материалам переписи 2016 г., площадь используемых сельхозугодий составила 125 млн га, а их доля в сельхозугодьях страны (Росреестр оценивал их площадь на этот год в 222 млн га) – 56%. Таким образом, в силу разных причин, и прежде всего эконо-

Таблица 2

Площадь и доля неиспользуемых сельскохозяйственных угодий по разным источникам данных в 2006, 2016, 2018 гг.

Неиспользуемые сельхозугодья	ВСХП-2006	ВСХП-2016	Субъекты РФ на 01.01.2019
<i>Российская Федерация</i>			
Площадь неиспользуемых угодий, млн га	39,8	17,1	33,1
Доля неиспользуемых угодий, %	24	12	17
<i>Сибирский федеральный округ</i>			
Площадь неиспользуемых угодий, млн га	10,0	3,0	6,0
Доля неиспользуемых угодий, %	25	11	16

мических и технологических, во второй половине 2010-х годов в России в аграрном производстве не были задействованы 44% сельхозугодий (97 млн га), которые могли бы при определенных условиях обрабатываться или использоваться для выпаса скота и заготовки кормов. Вместо этого часть из них заросла сорными травами и покрылась лесами⁷, попала в зоны затопления и стала непригодной для возделывания. Наши оценки по СФО, выполненные по методике В.Я. Узуна, оказались еще менее оптимистичными. «Белые пятна» землепользования в Сибири (суммарные площади неиспользуемых сельхозугодий) составили 31,2 млн га, т.е. на 3,5 млн га превосходили площади, учтенные в переписи 2016 г. [12].

На этом фоне оценки специалистов Минсельхоза России относительно масштабов не вовлеченных в оборот земельных массивов представляются заниженными почти в 2 раза. По сведениям регионов, площадь неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения в России на начало 2019 г. составила примерно 44 млн га, в том числе площадь пашни – около 20 млн га [5, с. 280], в СФО – 7,4 и 4,2 млн га соответственно [5, с. 284]. На наш взгляд, здесь проявляется известный феномен: как только показатель становится «контрольным», его значения начинают подвергаться искажениям со стороны заинтересованных экономических агентов.

Драйвером вовлечения неиспользуемой земли в хозяйственный оборот эксперты считают запланированный на 2020-е годы рост экспорта российской сельскохозяйственной продукции, который будет стимулироваться и поддерживаться государством [18]. За 10 лет – с 2020 по 2030 г. – годовые объемы продаж на мировом рынке пла-

⁷ Проблема зарастания сельскохозяйственных угодий стала весьма распространенной и болезненной для многих регионов России. На нее обратили внимание аналитики российского отделения Greenpeace, согласно расчетам которых, около 80 млн га необрабатываемых земель сельскохозяйственного назначения пригодны для лесного хозяйства и создания лесных плантаций. В этом качестве, по мнению экологов, они смогли бы стать дополнительным ресурсом для развития сельских территорий, гарантией сохранения дикой тайги и защитных лесов (URL: https://greenpeace.ru/news/2019/05/27/greenpeace-podgotovil-kartu-neispolzuemyh-selhozzemel/?fbclid=IwAR0s4RQTwnO_nCMOtRESeGeE19ZrkAoLAW-j93UAKKhuj0oDYql4qwgTJAk).

нируется нарастить с 25 до 45 млрд долл. США, что потребует ввода в оборот до 12 млн га новых земель сельхозназначения⁸. Пока сложно оценить реализуемость этих намерений, но если судить по текущим данным Минсельхоза России, объемы вовлечения неиспользуемых сельхозугодий в хозяйственный оборот на данный период низки и нестабильны. Так, несмотря на то что в 2018 г. площадь вновь обрабатываемых угодий в России увеличилась на 1,9 млн га, в том числе площадь пашни – на 1,2 млн, массив неиспользуемых сельскохозяйственных угодий и пашни не только не сократился, но даже увеличился. Если на начало 2018 г. неиспользуемыми числились 32,8 млн га сельхозугодий и 18,8 млн га пашни, то через год площади необрабатываемых земель оценивались уже в 33,1 и 19,6 млн га соответственно [5, с. 286], т.е. возросли на 0,3 и 0,8 млн га.

Можно констатировать, что пока прирост обрабатываемых площадей за счет возврата земель в хозяйственный оборот малозаметен. Темпы выбытия земельных ресурсов из активного пользования превышают темпы их ввода. Предлагаемые меры – от попыток изъятия необрабатываемых земель у «нерадивых» собственников или арендаторов до повышения налоговых ставок на неиспользуемые участки – практически не дают сколько-нибудь серьезного результата. Следует учитывать, что спрос на землю сильно дифференцирован в зависимости от природно-климатической зоны и во многом определяется рыночными условиями и уровнем доступных агротехнологий, поэтому, в отличие от советского планового хозяйства, не все доступные площади востребованы для аграрного производства [11]. При этом колебания в объемах землепользования могут стать реакцией на целый ряд самых разных «турбулентностей» (меняющихся обстоятельств): от погодных эксцессов, конъюнктурных потрясений на рынке сельхозпродукции до изменений в составе землепользователей.

В то же время попытки оценить фактическую долю неиспользуемых земель и возможности ее увеличения за счет создания соответствующих стимулов для сельхозпроизводителей высветили ряд

⁸ См.: Минсельхоз России провел итоговое заседание Коллегии. – URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/minselkhoz-rossii-provel-itogovoe-zasedanie-kollegii-57261/>; *Сельское хозяйство берет рост на себя.* – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4476171>.

организационных и технических проблем в учете земли, препятствующих выявлению причин сложившейся ситуации и определению способов ее изменения. Власти в лице Минсельхоза России, Росреестра и других структур не обладают полной, систематизированной и достоверной информацией о качестве, а иногда и о местоположении земельных угодий. Далеко не все границы участков поставлены на учет в ЕГРН, нередки случаи, когда координаты их размещения на публичных кадастровых картах ошибочны, что затрудняет их спецификацию и легализацию [7]. Разрознены или частично отсутствуют данные о структуре земельной собственности и ее владельцах, в том числе потому, что регистрация прав осуществляется по заявительному принципу (на добровольных началах)⁹. Высокие затраты на получение правоустанавливающих документов и проведение кадастровых работ выводят из правового поля часть физических или юридических лиц, а также способствуют тому, что немалая часть государственного и муниципального имущества до сих пор «не разграничена»¹⁰ (т.е. не имеет требуемого юридического оформления).

Хронической остается проблема так называемых «невостребованных земельных долей» как следствие выбранной в начале 1990-х годов стратегии земельной приватизации, в ходе которой работники сельхозпредприятий, а также другие группы сельчан бесплатно получили землю, а точнее, свидетельства о праве на землю в коллективной (долевой или совместной) собственности [9, с. 73–88; 13; 15]. Суммар-

⁹ Согласно данным Минсельхоза России, в начале 2019 г. из 1,5 млн земельных участков, находившихся в долевой собственности, площадь которых составляла 50,3 млн га, в отношении более 430 тыс. участков в ЕГРН отсутствовали сведения о местоположении границ. Площадь не поставленных на учет участков составила 16,3 млн га, или треть площади «долевых» земель [5, с. 31].

¹⁰ Согласно данным Росреестра, на 1 января 2019 г. в государственной и муниципальной собственности находилось 254,8 млн га земель сельскохозяйственного назначения, но из них только 30,9 млн га (или 12%) были поделены между разными уровнями власти. На долю РФ приходилось 6,25 млн га, субъектам РФ принадлежало 10,75 млн га. Больше всего земли – 13,87 млн га – было зарегистрировано в муниципальной собственности (см.: *Сведения о наличии и распределении земель в Российской Федерации на 01.01.2019* (в целом по Российской Федерации). – URL: <https://rosreestr.ru/site/activity/sostoyanie-zemel-rossii/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii/>).

ная площадь приватизированной таким образом земли на тот момент составляла 114,8 млн га, ее владельцами стали 12 млн сельских жителей. Размеры одной доли (площадь земли дольщика) в общей собственности колебались от 3–4 до 20, а иногда и 40 га в зависимости от региона. Особенностью такой формы владения являлось то, что отдельный дольщик (участник коллективной собственности) не получал в свое безусловное распоряжение участок земли с установленными границами, а имел, по сути, право на участие в коллективном управлении единым земельным массивом, площадь которого могла достигать 5–10 тыс. га. Постепенно «неразделенная» земля приходила в движение: из больших массивов в счет земельных долей стали физически выделяться участки, которые передавались в аренду предприятиям или фермерам либо переходили в пользование самим дольщикам, если те организовывали фермерское или расширяли свое подсобное хозяйство.

Вступивший в силу Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ¹¹ отменил десятилетний мораторий на продажу и покупку земли, введенный одновременно с земельной реформой, а также разрешил рыночные сделки не только с участками земли, но и с отдельными долями. Эта либеральная мера подхлестнула процессы формирования земельных рынков, в том числе рынка аренды. Вместе с тем введенное законом понятие «невостребованные доли» позволило обнаружить большие массивы земли, владельцы которых так и не вступили в свои права, т.е. не распорядились своей долей ни одним из разрешенных способов (аренда, продажа, наследование, дарение и проч.) в течение трех и более лет подряд в силу разных причин. В связи с этим были разработаны механизмы признания долей невостребованными в рамках судебных разбирательств, которые должны были инициировать муниципальные органы власти, чтобы затем перевести невостребованные доли в свою собственность. Однако сложность и высокая стоимость администрирования процедуры подобной деприватизации (муниципализации) земли, включавшей поиск «потерявшихся» дольщиков и их наследников и участие в судебных процессах, затраты на

¹¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/e8cb88ae2f06c1f6d40243c99e82d4900d4e8cae/.

образование из не востребовавшихся долей участков, постановку их на учет в ЕГРН, неимоверно затягивают процесс введения земель в хозяйственный оборот. Процесс этот заметно ускоряется, когда на территории усиливается конкуренция за землю, вызванная появлением крупного производителя. Когда же земель в избытке, муниципалитеты не проявляют интереса к работе с не востребовавшимися долями, тем более что при переводе этой земли в свою собственность им приходится брать уже на себя ответственность за их целевое использование со всеми возможными последствиями в виде санкций со стороны контролирующих органов. Перечисленными обстоятельствами можно объяснить значительное количество долей, включенных в списки «не востребовавшихся». В целом по РФ на 1 января 2019 г. оно составило 1,6 млн единиц с суммарной площадью земли в 15,3 млн га. При этом в 2018 г. решением судов муниципальной собственностью были признаны всего 132,5 тыс. долей, или 1,6 млн га земли, а в качестве участков с отмежеванными границами были сформированы 30,1 тыс. долей, или 1 млн га земли [5, с. 274].

Таким образом, проблема оценки неиспользуемой земли связана с неполнотой либо отсутствием информации о юридически оформленных правах собственности. Это проистекает из истории проведения земельной и административных реформ, в ходе которых были ликвидированы локальные землеустроительные институты [3]. Изначально сопровождением приватизационных процессов, проведением землеотводов, формированием фондов перераспределения занимались муниципальные земельные комитеты, действующие в составе районных администраций. Непосредственно на местах решение вопросов «земельных переделов», составление списков собственников и арендаторов и регистрация договоров аренды входили в обязанности специалистов сельских администраций. Функции по учету участков, прав на них, по контролю над землеустроительными работами были сосредоточены в одном месте, что упрощало администрирование и способствовало оптимизации затрат. Районные и сельские администраторы могли прямо на местах отслеживать переход участков от одних пользователей к другим, разбираться в земельных спорах и в оперативном режиме следить за качеством землепользования.

Накануне 2000-х годов органы управления земельными ресурсами непосредственно в сельских районах был упразднены. У местных органов власти не осталось рычагов и ресурсов для текущего мониторинга землепользования, а также реальных возможностей для регулирования процессов землеустройства, правового оформления земельных участков и арендных отношений. Из прежнего набора регулирующих земельный рынок функций за государством остались только организационно-регистрационные действия, закрепленные за уполномоченными федеральными и региональными органами. Сейчас эту функцию выполняют Росреестр и его территориальные филиалы. Те земли, которые по разным причинам не были ранее поставлены на кадастровый учет и в отношении которых нет свидетельств о праве собственности, выпадают из фокуса внимания государственных структур, несмотря на то что они могут обрабатываться и сдаваться в аренду. В таких случаях действует имеющаяся в законодательстве лазейка, позволяющая формально не заключать и не регистрировать договора при сроке аренды недвижимого имущества до 11 месяцев. В связи с этим точные данные о площадях и структуре обрабатываемых и необрабатываемых земель, а также информация о реальных землепользователях и статусе земельных участков не попадают в статистику.

НА ПУТИ К ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Перепись 2016 г. продемонстрировала огромный разрыв между учитываемыми и реальными масштабами землепользования, заставив федеральные власти ускорить внедрение информационных систем, обеспечивающих переустройство всей системы земельного учета. И хотя Концепция развития государственного мониторинга сельскохозяйственных земель и формирования государственных информационных ресурсов об этих землях на период до 2020 г. была одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации еще в 2010 г., заметное продвижение в этом направлении случилось только в 2018 г. – после запуска Единой федеральной информационной системы мониторинга земель сельскохозяйственного назначения (ЕФИС ЗСН) [5, с. 135].

У экспертов и практиков к этому времени уже сложилось понимание, что потенциал редких, хотя и сплошных, переписей весьма ограничен. В связи с этим многократно отмечалась важность организации системы сбора регулярно актуализируемой информации на цифровой платформе, нацеленной на отслеживание состояния земель (изменение плодородия и процессы деградации), структуры посевов и качества землепользования, выявление контура обрабатываемых участков и действующих землепользователей, используемых мелиоративных объектов и сооружений непосредственно на местах, которая бы дополнялась современными инструментами получения и обработки данных навигационных систем и дистанционного зондирования при помощи спутников и других беспилотных летательных аппаратов. Заодно с этим планировалось осуществить инвентаризацию угодий на предмет соответствия их реальному статусу разрешенному для данной категории земель, создать действенные механизмы устранения обнаруженных нестыковок (например, произвести перевод в залежи тех участков земли, которые давно не используются), а также обеспечить консолидацию сведений, полученных из разных источников.

Потребность в восстановлении и актуализации знаний о способах и качестве землепользования на локальном уровне совпала с «идеологическим» курсом российской власти на внедрение цифровых технологий и платформенных решений для обеспечения технологических прорывов в разных отраслях экономики, который был обозначен в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

В рамках подготовки полномасштабного ввода в действие ЕФИС ЗСН на территории всей страны¹² Минсельхоз России выбрал несколько пилотных регионов, где работа по созданию ведомственных информационных систем, консолидированных с мониторингом использования сельскохозяйственной земли, началась заранее. Одним

¹² На начало 2020 г. единой информсистемой мониторинга земель было охвачено примерно 50% всех участков, к 2030 г. показатель должен вырасти до 100% (URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4293406>).

из таких регионов стал Алтайский край, где с конца 2017 г. была введена в эксплуатацию информационная система автоматизации процессов подготовки, приема и анализа документов, представляемых для получения государственной поддержки, – АИС «Респак». Данная система также позволяла вести на муниципальном уровне единый реестр участков, относящихся к землям сельскохозяйственного назначения, с установлением их точных границ на геоportале, выявлять неиспользуемые земли, в том числе пахотные угодья, заросшие древесно-кустарниковой растительностью, а также сравнивать плановую и фактическую структуры посевных площадей. Между Министерством сельского хозяйства Алтайского края и администрациями муниципальных образований были заключены соглашения по сбору информации. При этом агрохимические службы края должны были предоставить администрациям сельских районов имеющиеся у них файлы с данными о контурах полей с атрибутивной информацией (кадастровые номера региона и района, номера полей и контуров, их площадь, вид сельхозугодий и код выращиваемых сельхозкультур, данные о пользователях этих полей и др.), которую должны были редактировать и дополнять районные специалисты.

Как сообщалось, передаваемые в районы контуры полей были определены по данным дистанционного зондирования Земли в 2011–2013 гг., которые также дополнялись информацией полевых агрохимических обследований в период с 2009 по 2015 г. Передаче файлов на места должно было предшествовать устранение наложений и пересечений контуров (границ участков) на электронных картах. Согласно информации Минсельхоза России, в 2018 г. в АИС «Респак» было внесено более 142 тыс. контуров полей на землях сельскохозяйственного назначения общей площадью около 8 млн га. Контуры пашни покрывали площадь в 6 млн га, что составляло около 92% пахотных земель региона [5, с. 184].

ПОКАЗАТЬ ВСЕ, ЧТО СКРЫТО

Данные официальных докладов и отчетов указывают на то, что «цифровизация земельного учета» идет в правильном ключе, а ее результаты позволяют надеяться, что со временем «белые пятна зем-

лепользования» будут устранены. Но так ли это на самом деле и что скрывается за причесанными цифрами отчетов? Основываясь на материалах проведенных нами в 2017–2020 гг. интервью с руководителями и специалистами сельскохозяйственных управлений (комитетов) районных администраций в двух районах Алтайского края, перечислим основные проблемные моменты, с которыми они столкнулись при развертывании работы по налаживанию мониторинга и инвентаризации земельных угодий.

Почти сразу нашим респондентам стало ясно, что переданные в районы электронные карты с обозначенными контурами полей имеют серьезные погрешности, а база их атрибутов, например касающаяся привязки участков к землепользователям или к структуре посевов, сильно устарела и ее нужно создавать вновь. Далеко не все ошибки с пересечениями границ были исправлены. Из-за недочетов снимков со спутника виртуальные площади некоторых участков не совпадали с их реальными размерами, так что Минсельхоз Алтайского края рекомендовал районным специалистам заимствовать данные о площадях и другие характеристики полей из землеустроительных карт советского времени. Демаркация участков с посевами разных культур и их кодирование в геолокационной программе, по нашим наблюдениям, производилось в ручном режиме, на основании устных заявлений землепользователей. Выяснилось, что далеко не все фермеры могли на картах точно указать свои участки и провести границы своих посевов, не все с уверенностью могли назвать количество гектаров, занятых под разными культурами на разных участках. Специалистам районных управлений за короткий срок приходилось реконструировать истории земельных переделов в их районах, чтобы разобраться в нюансах перехода отдельных участков или массивов от одного арендатора (собственника) к другому и точнее отобразить в программе размещение обрабатываемых разными производителями земель, которые могли быть разбросаны по всему району. Данные о посевах, внесенные в «Респак» со слов землепользователей, сверялись с данными аэрокосмических съемок и служили поводом для санкций в отношении тех, кто завышал данные о посевах или же использовал угодья не по целевому назначению.

Информационную базу системы мониторинга использования сельхозугодий необходимо обновлять дважды в год – после завершения посевной и уборочной кампаний, чтобы описание каждого поля содержало не только коды посеянных культур, но и информацию о бункерном весе собранного урожая. Нередко просьбы о предоставлении этих сведений вызывали недовольство со стороны производителей, так как отвлекали их от основной работы. К тому же не все из них владели или готовы были поделиться столь подробной информацией. При этом требовать такие данные специалисты районных управлений могли только у представителей тех хозяйств, которые получали какую-либо государственную поддержку. Выяснилось, что в обследованных районах до половины (а то и меньше) сельхозпроизводителей этой поддержки не имели, даже в виде «несвязанного (погектарного) финансирования», которое выделяется на каждый гектар любых посевов.

Дело в том, что условия получения этих денег с каждым годом ужесточаются, что автоматически сокращает число желающих подавать заявки на поддержку. На момент подачи документов хозяйство не должно иметь ни рубля налоговых и других задолженностей в бюджетные и внебюджетные фонды (а это нередко случается из-за технических сбоях в базе налоговых и других служб), средний уровень оплаты наемного труда не должен быть меньше прожиточного минимума, используемые для посевов семена разных культур должны быть не только качественными, но и районированными. Последнее требование лишает погектарного финансирования не только мелкие и слабые хозяйства, которые не соответствуют первым двум условиям, но и сильные хозяйства, работающие с разнообразным семенным материалом. Результат их экспериментов с нерайонированными семенами (повышение урожайности) зачастую многократно превосходит потенциальную господдержку. Таким образом, государство теряет с этими производителями какую-либо связь и не может не только повлиять на их экономическую деятельность, но и включить их в систему мониторинга использования земель, что ухудшает качество обновляемой с таким трудом базы данных. Информацию по

выпадающим таким образом из наблюдения участкам в систему вносят сами специалисты сельскохозяйственных управлений, и ее адекватность определяется их информированностью. Но в любом случае нарушаются принципы комплексного и всеохватного первичного учета использования земельных ресурсов.

Сразу после начала эксплуатации «Респак» на районном уровне проявились расхождения между цифрами отчетов по масштабам и структуре посевов, представляемых землепользователями в статистические органы, и цифрами, внесенными в электронную базу данных, которые пришлось править в ручном режиме. Таким образом, хотя система и была нацелена на устранение разного рода ошибок, она сама стала генерировать разночтения информации. Пользователи системы признавали, что собрать полные и безошибочные сведения обо всех земельных контурах с учетом всех заданных параметров практически невозможно. В первую очередь это касалось уточнения зарегистрированных прав собственности и/или аренды для составления паспорта на каждый участок. Если в крупных хозяйствах, как правило, имелись договора на аренду земли и другие правоустанавливающие документы, все участки были поставлены на кадастровый и другой учет, то средние и особенно мелкие хозяйства не отличались подобной аккуратностью в земельных делах. К тому же для внесения информации в систему нужны оригиналы или копии документов, получить которые в сельских администрациях не всегда возможно, так как на местном уровне земельный учет был прекращен в середине 2000-х годов. В 1990-е и в начале 2000-х годов в штате администраций были и землеустроители, и специалисты по земельно-имущественным делам, но последующая «оптимизация» муниципальной системы нарушила эту работу, соответствующие полномочия местной власти были ликвидированы. Не везде на местах сохранились даже архивы с картами земельных массивов, списками участников долевой собственности, копии арендных договоров, кадастровых и имущественных свидетельств. На практике специалистам районных администраций приходилось самостоятельно собирать данные буквально по каждому участку, что далеко не всегда приводило к успеху. Как результат,

необходимые по всем контурам выделенных полей инвентаризационные таблицы вместо записей кадастровых номеров и фамилий землепользователей стали наполняться пометками о том, что регистрации участка в ЕГРН нет, право аренды на него отсутствует, межевание не проведено.

Таким образом, мониторинг, при помощи которого на электронных картах была сведена вся доступная на местах информация, позволил выявить большое количество неоформленных, в том числе не востребованных, земель, формально находящихся в частной собственности. Стали видны изменения, которые долгое время никто не фиксировал. Где-то на месте пашни возник целый поселок. Земли, считавшиеся пастбищами или сенокосами, заросли деревьями и стали больше пригодны для лесозаготовок. Участки, которые, по отчетам, засевались полностью, на самом деле использовались на 80, а то и меньше процентов из-за их частичного затопления или некачественной обработки. Нарушились защитные полосы, которыми никто не занимался, из-за чего на некоторых участках началась деградация почв. С одной стороны, это усилило стремление власти на местах начать работу по переводу земель из одних категорий в другие, чтобы вывести хотя бы частично долго не обрабатываемые земли в залежи или в фонды запаса и навести порядок в земельном учете. Но с другой стороны, на пути давно назревшей трансформации землеустройства возникли важные практические вопросы, ответы на которые еще не найдены. Кто должен брать на себя затраты, связанные с изменением конфигурации и категорий участков, их межеванием и всем сопутствующим юридическим оформлением? Как следует менять границы и права собственности на частично не используемые участки, которые находятся в долевой собственности и, значит, физически не разделены между владельцами. Как надо поступать в таких случаях: сокращать земельную долю каждого участника или же кого-то из них лишать доли? Кто будет компенсировать эти потери, кто возьмет на себя бремя нового землеустройства, чтобы повысить качество землепользования и привести в порядок все документы?

Перечисленные выше вопросы не исчерпывают всех проблем, связанных с задуманной властями и уже осуществляемой на практике цифровой трансформацией землепользования и землеустройства. Попытки государства разобраться с запутывавшимся десятилетиями клубком земельных проблем непосредственно на местах – на сельских территориях похвальны, но они вновь выстроены в логике приватизационных лет. Тогда государство, раздав землю – сначала виртуально, а потом и физически, устранилось от доведения изыскательских и юридических работ по передаче земли новым собственникам до конца, отказалось брать на себя расходы по землеотводу и обустройству участков и полноценному (всеохватному) земельному учету. Передав эти вопросы в руки частных лиц и «облегчив их участь» заявительным принципом оформления прав на недвижимость, государство способствовало возникшему «земельному хаосу».

На этот раз федеральные и региональные власти вновь пытаются перенести тяжесть ответственности за наведение порядка в землепользовании на местные органы власти, у которых нет для этого ни финансовых, ни кадровых ресурсов¹³. О восстановлении прежних регулярно контролирующих эти вопросы районных институций (земельных комитетов), которые бы профессионально следили за хозяйственным оборотом не только муниципальных, но и частных земель, а не ограничивались сбором неточной информации, пока речи не идет. Нет запроса и на такой отдельный фронт работы, как последовательный разбор существующих земельных отношений с позиции подтвержденных имущественных прав, решения юридических вопросов с невостребованными долями и другими необрабатываемыми и неоформленными землями. Чтобы эпопея с «муниципализацией»

¹³ Так, в 2019 г. было объявлено о начале кампании по уточнению данных о земельных участках, в отношении которых не начисляется налог. Исправлением «некондиционной» (неполной) информации путем обхода каждого потенциального плательщика должны были заняться сотрудники администраций муниципальных органов власти при поддержке федеральной налоговой службы и Росреестра. Возможные суммы налоговых доначислений оценивались в 3,6 млрд руб. (URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4027340>).

невостребованных земель в очередной раз не превратилась в способ перекладывания рисков и штрафов за ненадлежащее землепользование на местные органы власти, необходимо разработать несколько схем легализации этих земель, учитывающих специфику развития локального сельского хозяйства. Стандартизация управленческих практик важна, но любая управленческая инициатива, в том числе цифровизация, должна опираться прежде всего на здравый смысл и практические навыки людей, профессионально разбирающихся в той области, в которой предполагается осуществление очередных новаций. Иначе «лукавые цифры» из бумажных отчетов переместятся в компьютерные базы данных.

Функционирующая в нынешнем виде информационная система «Респак» в первую очередь ориентирована на решение фискальной задачи – увеличить поступления от имущественных налогов и отсеять от государственной поддержки тех сельхозпроизводителей, кто нарушает правила ее получения. Но пренебрежение частными интересами землепользователей, которое можно усмотреть в навязывании им определенных способов ведения бизнеса (от выбора сортов семян до «умной специализации» [2]) и требованиях столь подробного геолокационного указания структуры всех посевов, вполне эффективно заменяемого спутниковым мониторингом, может поставить под удар замыслы, касающиеся цифровизации этой сферы. Разными правдами и неправдами производители будут скрывать токсичную для них информацию или же отказываться от взаимодействия с государственными структурами.

ВЫВОДЫ

Наше исследование позволяет сделать вывод, что в случае с цифровой трансформацией в сфере аграрного землепользования мы наблюдаем имеющий институциональную природу конфликт, проявляющийся в попытке внедрить современные информационные технологии в не готовую к этому институциональную среду. Невозможно формализовать игру, ведущуюся по нечетким правилам, не меняя

самих правил. Другими словами, экономические агенты – будущие операторы и пользователи стандартизованных цифровых ресурсов пока не готовы к пресловутой «цифровой трансформации». И дело не только в концептуальных изъянах внедряемой системы, а в том, что прозрачность и формализация правил учета и использования земельных ресурсов могут наносить прямой ущерб интересам участников земельных отношений. Быстрые изменения формальных институтов всегда возможны, ведь не так сложно принять новый закон или постановление, но их исполнению будут препятствовать устойчивые неформальные практики и институты. Изменение неформальных институтов и исторически укорененных локальных практик, как известно, представляет собой длительный и слабоуправляемый процесс. Минимизация уже очевидных сейчас сложностей и издержек очередной реформы в сфере землепользования, на наш взгляд, требует трансформации всей системы отношений между регуляторами, землевладельцами и землепользователями: от правил государственной поддержки производителей до легальных механизмов аккумуляции земельных ресурсов (прежде всего невостребованных) у эффективных землепользователей. В противном случае иницилируемые сверху весьма дорогостоящие мероприятия не дадут ожидаемого эффекта и, как это часто бывало, вместо упорядочивания системы земельных отношений могут привнести в нее еще больший, на этот раз «цифровой», хаос.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 20-011-00088 «Архитектура земельных отношений и специфика землепользования в сибирских регионах: экономико-социологический подход»)

Список источников

1. Алексеев А.И., Сафронов С.Г., Савоскул М.С., Кузнецова Г.Ю. Основные тенденции эволюции сельского расселения России в XX – начале XXI вв. // ЭКО. – 2019. – № 4. – С. 26–49.
2. Алещенко В.В., Алещенко О.А. «Умная специализация» регионов Сибири в сфере сельскохозяйственного производства // ЭКО. – 2020. – № 7. – С. 111–129.

3. Барсукова С., Звягинцев В. Земельная реформа в России в 1990–2000-е годы: намерения и последствия // Реформы в России в 2000-е годы: от законодательства к практикам. – М.: ИД ВШЭ, 2016. – С. 87–107.
4. Бuzдалов И.Н. Аграрная политика: научные основы и «особый российский путь» ее осуществления // Россия и современный мир. – 2015. – № 2 (87). – С. 129–143.
5. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2018 году. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2020. – 340 с.
6. Звягинцев В.И. И опять земельный вопрос // ЭКО. – 2014. – № 2. – С. 143–152.
7. Моляренко О.А. Формирование государственной статистики: взгляд «снизу» // ЭКО. – 2019. – № 10. – С. 8–34.
8. Нефедова Т.Г. Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. – 2017. – № 5. – С. 8–19.
9. Савенко Г.В., Ялбулганов А.А. Земельные участки: образование, межевание и земельные иски (вторая половина XVIII – начало XXI в.). – М.: ИД ВШЭ, 2017. – 269 с.
10. Узун В.Я. «Белые пятна» и неиспользуемые сельхозугодья: что показала сельскохозяйственная перепись 2016 г. // Мониторинг экономической ситуации в России. – 2017. – № 21 (59). – С. 14–21.
11. Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. – М.: Дело, 2015. – 352 с.
12. Фадеева О.П. Оскудеет ли сибирская нива? Аграрная политика в зеркале всероссийских сельскохозяйственных переписей // ЭКО. – 2018. – № 12. – С. 143–162.
13. Фадеева О.П., Нефёдкин В.И. Локальные рынки земли: от виртуальных к реальным // ЭКО. – 2017. – № 6. – С. 83–101.
14. Форбруг А. Не только о земле и о ее захватах: дисперсное лишение прав в сельской России // Крестьяноведение. – 2018. – Т. 3, № 3. – С. 19–47.
15. Шагайда Н.И. Оборот сельскохозяйственных земель в России: трансформация институтов и практика. – М.: Институт Гайдара, 2010. – 332 с.
16. Шагайда Н.И., Алакоз В.В. Земля для людей. – М.: Фонд «Центр стратегических разработок», 2017. – 30 с.
17. Edelman M., Oya C., Borras S.M. Global land grabs: Historical processes, theoretical and methodological implications and current trajectories // Third World Quarterly. – 2013. – Vol. 34, No. 9. – P. 1517–1531.
18. Serova E.V. Challenges for the development of the Russian agricultural sector in the mid-term // Russian Journal of Economics. – 2020. – No. 6 (1). – P. 1–5.

19. Visser O., Mamonova N., Spoor M. Oligarchs, megafarms and land reserves: Understanding land grabbing in Russia // Journal of Peasant Studies. – 2012. – Vol. 39, No. 3-4. – P. 899–931.

20. Wengle S.A. Local effects of the new land rush: How capital inflows transformed rural Russia // Governance. – 2017. – Vol. 91. – P. 1–19.

Информация об авторах

Фадеева Ольга Петровна (Россия, Новосибирск) – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: fadееva@ieie.nsc.ru); доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2).

Нефёдкин Владимир Иванович (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: nefedkin@ieie.nsc.ru); доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2).

DOI: 10.15372/REG20200406

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 4 (108), p. 123–150

O.P. Fadeeva, V.I. Nefedkin

AGRARIAN LAND USE IN RUSSIA AND SIBERIAN REGIONS UNDER DIGITAL TRANSFORMATION

The article discusses agricultural land-use problems in Russia and Siberia and the opportunities to grow its value thanks to digital transformation. An analysis of land statistics, collected from censuses and annual reports of the Russian Ministry of Agriculture, shows that the present data are incomplete and inconsistent. Low quality of information on agricultural land availability and use is one of the main factors hindering a full-fledged land market and an increase in land-use efficiency.

Semi-formalized interviews with heads and specialists of district administrations in Altai Krai show that most land registration and inventory decision-making have been delegated to local authorities. Unified geographic information systems and databases with up-to-date information on the quantity and quality of available land resources, distribution of land rights and the nature of land use could bring changes to the monitoring of land use in the agricultural sector. However, using digital technologies alone does not guarantee any improvement in data quality. It may be obstructed by various institutional, legal, economic, organizational, technological, and social factors that substantially determine local practices developed under inconsistent land reform.

We conclude that minimizing the difficulties and costs of the next land-use innovations, which are already evident at the moment, involves transforming the entire system of relations between regulators, landowners and land users: from rules of state support for producers to legal mechanisms for the accumulation of land resources (primarily unclaimed) from efficient land users. Otherwise, rather costly measures initiated from above will not give the expected effect and instead of streamlining the system of land relations may bring even greater “digital chaos”.

Keywords: land reform; farmland; agrarian land use; inventory; information systems; Altai Krai

For citation: Fadeeva, O.P. & V.I. Nefedkin. (2020). Agrarnoe zemlepolzovanie v Rossii i v regionakh Sibiri v usloviyakh tsifrovoy transformatsii [Agrarian land use in Russia and Siberian regions under digital transformation]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (108), 123–150. DOI: 10.15372/REG20200406.

The publication is prepared within the framework of the project No. 20-011-00088 “Architecture of land matters and land use specifics in Siberian regions: economic and sociological approach” supported by funding from the Russian Foundation for Basic Research

References

1. Alekseev, A.I., S.G. Safronov, M.S. Savoskul & G.Yu. Kuznetsova. (2019). Osnovnye tendentsii evolyutsii selskogo rasseleniya Rossii v XX – nachale XXI vv. [The main trends in the evolution of rural settlement in Russia in the XX – early XXI centuries]. EKO [ECO], 4, 26–49.

2. *Aleschenko, V.V. & O.A. Aleschenko.* (2020). “Umnaya spetsializatsiya” regionov Sibiri v sfere selskokhozyaystvennogo proizvodstva [“Smart specialization” of Siberian regions in agricultural production]. *EKO [ECO]*, 7, 111–129.

3. *Barsukova, S. & V. Zvyagintsev.* (2016). *Zemelnaya reforma v Rossii v 1990–2000-e gody: namereniya i posledstviya* [Land reform in Russia in 1990–2000-ies: intend and consequence]. *Reformy v Rossii v 2000-e gody: ot zakonodatelstva k praktikam (kollekt. monografiya)* [Reforms in Russia in the 2000s: From Legislation to Practices]. Moscow, HSE Publ., 87–107.

4. *Buzdalov, I.N.* (2015). *Agrarnaya politika: nauchnye osnovy i “osobyi rossiyskiy put” ee osushchestvleniya* [Agrarian politics: scientific grounds and the “authentic Russian path” of its implementation]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Contemporary World], 2 (87), 129–143.

5. *Doklad o sostoyanii i ispolzovanii zemel selskokhozyaystvennogo naznacheniya Rossiyskoy Federatsii v 2018 godu* [Report on the Agricultural Land Health and Use in the Russian Federation in 2018]. (2020). Moscow, Rosinformagrotekh Publ., 340.

6. *Zvyagintsev, V.I.* (2014). *I opyat zemelnyy vopros* [Again, the land question]. *EKO [ECO]*, 2, 143–152.

7. *Molyarenko, O.A.* (2019). *Formirovanie gosudarstvennoy statistiki: vzglyad “snizu”* [Generating state statistics: a view from “below”]. *EKO [ECO]*, 10, 8–34.

8. *Nefedova, T.G.* (2017). *Dvadtsat pyat let postsovetскому selskomu khozyaystvu Rossii: geograficheskie tendentsii i protivorechiya* [Twenty-five years of post-Soviet Russian agriculture: geographic trends and contradictions]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Herald of the Russian Academy of Sciences. Series: Geography], 5, 8–19.

9. *Savenko, G.V. & A.A. Yalbulganov.* (2017). *Zemelnye uchastki: obrazovanie, mezhevanie i zemelnye iski (vtoraya polovina XVIII – nachalo XXI v.)* [Land Parcels: Formation, Surveying, and Land Lawsuits (from the mid-18th to the early 21st century)]. Moscow, HSE Publ., 269.

10. *Uzun, V.Ya.* (2017). “Belye pyatna” i neispolzuemye selkhozugodya: chto pokazala selskokhozyaystvennaya perepis 2016 g. [“Blind spots” and unused agricultural land: results of the 2016 all-Russian census of agriculture]. *Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii* [Monitoring of Russia’s Economic Outlook], 21 (59), 14–21.

11. *Uzun, V.Ya. & N.I. Shagayda.* (2015). *Agrarnaya reforma v postsovetской Rossii: mekhanizmy i rezultaty* [The Agrarian Reform in Post-Soviet Russia: Mechanisms and Results]. Moscow, Delo Publ., 352.

12. *Fadeeva, O.P.* (2018). *Oskudeet li sibirskaya niva? Agrarnaya politika v zerkale vserossiyskikh selskokhozyaystvennykh perepisey* [Will the Siberian fields become poorer? Agrarian policy in the mirror of all-Russian agricultural censuses]. *EKO [ECO]*, 12, 143–162.

13. *Fadeeva, O.P. & V.I. Nefedkin.* (2017). *Lokalnye rynki zemli: ot virtualnykh k realnym* [Local land markets: from virtual to real]. *EKO [ECO]*, 6, 83–101.

14. *Forbrug, A.* (2018). Ne tolko o zemle i o ee zakhvatakh: dispersnoe lishenie prav v selskoy Rossii [Not about land, not quite a grab: dispersed dispossession in rural Russia]. *Krestyanovedenie* [Russian Peasant Studies], Vol. 3, No. 3, 19–47.
15. *Shagaida, N.I.* (2010). Oborot selskokhozyaystvennykh zemel v Rossii: transformatsiya institutov i praktika [Farmlands Turnover in Russia: Transformation of Institutions and Practices]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 332.
16. *Shagaida, N.I. & V.V. Alakoz.* (2017). Zemlya dlya lyudey [Land for the People]. Moscow, Center for Strategic Research Publ., 30.
17. *Edelman, M., C. Oya & S.M. Borras.* (2013). Global land grabs: Historical processes, theoretical and methodological implications and current trajectories. *Third World Quarterly*, Vol. 34, No. 9, 1517–1531.
18. *Serova, E.V.* (2020). Challenges for the development of the Russian agricultural sector in the mid-term. *Russian Journal of Economics*, 6 (1), 1–5.
19. *Visser, O., N. Mamonova & M. Spoor.* (2012). Oligarchs, megafarms and land reserves: Understanding land grabbing in Russia. *Journal of Peasant Studies*, Vol. 39, No. 3–4, 899–931.
20. *Wengle, S.A.* (2017). Local effects of the new land rush: How capital inflows transformed rural Russia. *Governance*, 91, 1–19.

Information about the authors

Fadeeva, Olga Petrovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: fadeeva@ieie.nsc.ru); Associate Professor at Novosibirsk National Research State University (2, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia).

Nefedkin, Vladimir Ivanovich (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: nefedkin@ieie.nsc.ru); Associate Professor at Novosibirsk National Research State University (2, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia).

Поступила в редколлегию 13.09.2020.

После доработки 13.09.2020.

Принята к публикации 14.09.2020.

© Фадеева О.П., Нефёдкин В.И., 2020

А.А. Быков

ФАКТОРЫ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО РЫНКА СИБИРИ

В статье представлен баланс производства и потребления основной сельскохозяйственной продукции в Сибирском федеральном округе. Дан прогноз потребления основных продовольственных товаров до 2025 г. Предложена методика исследования факторов внешней среды и определения степени их воздействия на состояние и развитие агропродовольственного рынка Сибири. Для преодоления разрыва между методиками экономико-статистического анализа и ситуационного анализа применена балльная методика определения силы воздействия факторов на развитие агропродовольственного рынка с учетом мнений экспертов из крупнейших организаций региона. При проведении исследования использованы методы: монографический, экономико-статистический, экспертных оценок, аналитический.

Результатом исследования стало выявление экономических, социальных, институциональных и технологических факторов, влияющих на состояние и развитие агропродовольственного рынка Сибири. Новизна исследования состоит в оценке степени влияния факторов внешней среды на развитие агропродовольственного рынка Сибири. Сделан вывод, что для развития агропродовольственного рынка Сибири необходимо формирование эффективного организационно-экономического механизма. Предложены мероприятия, направленные на минимизацию негативного влияния внешних факторов и обеспечение эффективного функционирования агропродовольственного рынка Сибири. Результаты исследования могут быть использованы государственными служащими республик, краев, областей, руководителями и специалистами агропромышленного комплекса, научными работниками и преподавателями высших и средних учебных заведений.

Ключевые слова: агропродовольственный рынок; организационно-экономический механизм; продовольственные товары; сельскохозяйственное производство; Сибирь; факторы внешней среды

Для цитирования: Быков А.А. Факторы внешней среды, влияющие на состояние и развитие агропродовольственного рынка Сибири // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 151–174. DOI: 10.15372/REG20200407.

Сибирь является одним из крупнейших в России производителей агропродовольственной продукции. Производство продукции сельского хозяйства в Сибирском федеральном округе в фактически действовавших ценах за 2018 г. составило 556 882,4 млн руб. (четвертое место в РФ), а вместе с Тюменской областью – 634 674,8 млн руб. Вместе с тем актуальной задачей для Сибири остается повышение качества жизни населения, в том числе за счет обеспечения физической и экономической доступности качественных и экологически безопасных продовольственных товаров собственного производства. Решение этих вопросов лежит в рамках регулирования агропродовольственного рынка, на развитие которого оказывают влияние факторы внешней среды. Под внешней средой мы понимаем все факторы окружающей среды (меняющуюся конъюнктуру, потребительские предпочтения, изменения аграрной политики и др.), которые воздействуют на состояние и развитие агропродовольственного рынка и требуют соответствующего реагирования с его стороны. Внешние факторы, воздействуя на агропродовольственный рынок, способны вызвать изменения в его внутренней структуре [6, с. 56].

Отсутствие в Сибири эффективного организационно-экономического механизма регулирования агропродовольственного рынка, изменение структуры платежеспособного спроса населения на основные продовольственные товары, отрицательное воздействие внешних факторов на рынок порождают многогранные проблемы, требующие комплексного решения на всех уровнях. Сложилась парадоксальная ситуация, когда конкурентоспособная продукция (зерно, молоко, мясо) Алтайского края, Новосибирской и Омской областей не всегда

находит сбыт даже на внутреннем рынке. Положение усугубляют снижение уровня реальных доходов населения и рост розничных цен на товары продовольственной группы. За 2010–2018 гг. рост цен на свинину составил 42,1%, на говядину – 70,2, на баранину – 52,2, на хлеб – от 73,5 до 80%, что вызвало сокращение потребления населением этих продуктов.

Степень развития агропродовольственного рынка определяется степенью развитости межгосударственных и межрегиональных продовольственных связей, той долей сельскохозяйственной продукции и продовольствия, которую регион производит для удовлетворения потребностей других регионов, и долей, которая поступает в данный регион из межгосударственного (импорт) и межрегионального продуктообмена.

В целом, агропродовольственный рынок Сибири можно охарактеризовать как самообеспечиваемый по зерну, картофелю и яйцу (табл. 1). Вместе с тем уровень обеспеченности у регионов разный. Расчеты показали, что полностью обеспечены собственным производством: по зерну – Алтайский и Красноярский края, Омская и Новосибирская области; по картофелю – Алтайский и Красноярский края, Омская область; по молоку – Республика Алтай, Республика Хакасия, Алтайский край, Омская область; по мясу – Республика Алтай, Алтайский край, Омская и Томская области. В остальных регионах потребности обеспечиваются за счет межрегионального и международного продуктообмена. Во всех без исключения регионах наблюдается дефицит овощей и фруктов.

Нерешенность различных организационно-экономических вопросов развития агропродовольственного рынка Сибири, его высокая зависимость от факторов внешней среды обоснованно привлекают внимание многих ученых и практиков. Исследования, проведенные С.М. Головатюком, Е.В. Рудым, М.В. Стасюлис и др., показали, что агропродовольственный рынок Сибири не является саморегулируемой системой и находится под влиянием различных групп факторов внешней и внутренней среды [4, с. 11].

Так как факторы внешней среды оказывают разнохарактерное воздействие на рынок, то методика исследования включает:

Таблица 1

Баланс производства и потребления основной сельскохозяйственной продукции в Сибирском федеральном округе за 2018 г. (все категории хозяйств), тыс. т

Продукция	Производство	Потребление						Ввоз (+) / вывоз (–)	На 1 человека, кг		
		Всего	В том числе						Производство	Потребление	
			питание	семена	корм скоту	прочие и технические цели	страховой фонд			всего	питание
Зерно	15 120,0	12 506,8	2 345,	1 794,8	7 194,0	275,0	898,0	–2 613,2	782	647	121
Картофель	3 142,2	3 115,1	1 970,0	572,0	573,0	–	–	–27,1	182	181	114
Овощи	925,9	1 714,0	1 667,5	–	–	46,5	–	+788,2	53	98	95
Молоко	4 929,0	5 360,0	5 129,0	–	–	492,9	–	+431,0	214	233	223
Мясо в уб. м.	1 024,8	1 156,0	1 135,0	–	–	20,0	–	+131,0	53	60	68
Яйцо, млн шт.	6 247,9	5 717,0	5 092,0	–	–	625,0	–	–531,0	324	296	264

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

1) определение факторов внешней среды (экономических, институциональных, социальных и технологических), влияющих на развитие агропродовольственного рынка Сибири;

2) определение положительных и отрицательных воздействий факторов на развитие агропродовольственного рынка Сибири;

3) определение силы воздействия факторов на развитие агропродовольственного рынка по балльной методике (для преодоления разрыва между методиками экономико-статистического анализа и ситуационного анализа);

4) определение характера влияния внешней среды на структурные элементы агропродовольственного рынка Сибири;

5) оценку степени вероятности влияния факторов внешней среды на состояние и развитие агропродовольственного рынка Сибири с учетом мнений экспертов.

Сущность данной методики состоит в выявлении наиболее значимых факторов внешней среды и выполнении комплексного, системного анализа экономических, социальных, институциональных и технологических условий внешней рыночной среды.

Исследование основано на статистических данных Федеральной службы государственной статистики, данных из открытых источников, данных анкетных опросов и результатах исследований специализированных подразделений Сибирского федерального научного центра агробιοтехнологий РАН.

1. Экономические факторы. Первой группой факторов, оказывающих значительное влияние на развитие агропродовольственного рынка Сибири, являются экономические факторы. Их изучение заключается в уточнении того, как распределяются ресурсы для обеспечения развития агропродовольственного рынка.

1.1. *Спрос на продовольственные товары.* К 2021 г. прогнозируется смещение мирового потребительского спроса на сельскохозяйственные культуры в сторону риса, растительного масла, сахара [3, с. 6]. В Сибири произошли снижение спроса на дорогостоящие продукты и переход на «экономную» модель потребления (потребление дешевых и менее качественных по составу продовольственных товаров).

Прогноз потребления основных продуктов в СФО представлен в табл. 2. Прогнозирование было осуществлено методом линейной авторегрессионной модели, базирующейся на анализе взаимосвязи

Таблица 2

Потребление основных продуктов питания на душу населения в Сибирском федеральном округе, кг

Регион	Хлебные продукты		Картофель		Овощи		Мясо и мясопродукты**		Молоко и молочные продукты	
	2018	2025, прогноз	2018	2025, прогноз	2018	2025, прогноз	2018	2025, прогноз	2018	2025, прогноз
СФО	122	121,5	96	95,3	91	91,4	65	69,1	236	236,9
Республика Алтай	116	116,2	126	134,9	95	102,1*	99	106,1*	267	261,7
Республика Тыва	136	135,0	75	76,1	41	44,5	56	54,8	180	190,0
Республика Хакасия	124	126,9	97	88,4	110	81,1	62	59,3	247	243,3
Алтайский край	154	157,0	99	98,3	80	97,6	58	57,2	255	252,6
Красноярский край	110	117,0*	97	85,1	98	105,1*	74	72,3	231	232,7
Иркутская обл.	105	82,1	97	96,8	70	70,2	65	64,3	195	194,2
Кемеровская обл.	113	108,9	101	108,1*	77	84,1*	63	63,5	200	193,0*
Новосибирская обл.	126	124,3	94	87,3	119	115,9	65	62,5	281	278,0
Омская обл.	124	124,1	84	84,2	110	107,8	66	65,7	255	258,5
Томская обл.	123	122,5	93	92,3	72	70,2	62	62,0	254	253,8

Примечания: * по данным ФСГС определено методом средней геометрической;
 ** без субпродуктов II категории и жира-сырца.

двух переменных (метод парной корреляции) – влияния вариации факторного показателя (x) на результирующий показатель (y).

Потребление хлебных продуктов на душу населения в СФО за 2014–2018 гг. сократилось на 3,2% – до 122 кг. Наибольшее сокращение зафиксировано в Омской области (9,5%), наибольший рост – в Новосибирской (1,6%). Несмотря на то что спрос на хлебобулочные изделия малоэластичен по цене, произошедшее увеличение цены привело к повышению спроса на крупы и снижению потребления традиционных видов хлеба. В некоторых регионах на спрос влияет качество хлебобулочных изделий.

Душевое потребление мяса и мясoproductов сохранилось на уровне 65 кг с ростом в Республике Алтай (на 17,9%), Республике Тыве (1,6%), Красноярском крае (7,2%) и Новосибирской области (3,2%). В связи с более низкой ценой население стало больше потреблять менее ценное мясо птицы. За 2010–2018 гг. выросли цены на свинину (на 77,0 руб.), все виды говядины (на 172,7–293,4 руб.), баранину (на 110,3 руб.).

На 5,2% сократилось потребление молока и молочных продуктов из-за двукратного роста цен за 2010–2018 гг. и снижения покупательной способности. Наибольшее падение спроса зафиксировано в Алтайском крае (на 15,0%), а рост – в Республике Алтай (1,1%), Новосибирской (0,4%) и Томской (0,8%) областях.

Потребление картофеля на душу населения в СФО сократилось на 5,0% (в Республике Тыве – на 5,1%, в Алтайском крае – на 5,7, в Красноярском крае – на 21,8, в Иркутской области – на 8,5, в Омской области – на 4,4%).

Душевое потребление овощей увеличилось на 5,5% – до 91 кг практически во всех регионах округа. Незначительное снижение потребления произошло в Алтайском крае (на 1,2%), Иркутской (4,1%) и Томской (5,3%) областях.

За последние годы потребление мясных и молочных продуктов на одного члена семьи практически не росло, а структура питания населения сместилась в сторону нерациональной углеводистой модели (калорийность почти на 60% обеспечивается за счет хлебных продук-

тов и картофеля), что приводит к сокращению сельскохозяйственного производства [5, с. 176].

1.2. *Занятость и платежеспособность.* С 2014 г. в СФО сохраняется тенденция снижения платежеспособности населения и увеличения уровня безработицы, который на 01.01.2019 г. составил 6,4% (в РФ – 4,8%). Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в округе стабильно низкая – 37 807 руб. (в РФ – 43 724 руб.), а среднедушевые денежные доходы населения составляют 25 642 руб. (по этому показателю округ занимает седьмое место, в среднем по РФ показатель равен 33 178 руб.). В сельской местности 44,4% жителей имеют среднедушевой денежный доход до 14 тыс. руб. в месяц и расходуют 33,9% семейного бюджета на продукты питания.

1.3. *Инфляция.* В период 2010–2019 гг. уровень инфляции снизился с 8,8 до 3,0%, минимум составил 2,52% в 2017 г. Как и предполагалось, повышение НДС до 20% привело к незначительному росту инфляции.

1.4. *Темпы роста экономики.* Согласно прогнозу Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, до 2035 г. темп роста экономики будет в среднем увеличиваться на 3,7% каждый год. Пик экономического роста придется на 2021–2025 гг. (рост ВВП – 4,9% ежегодно)¹.

1.5. *Ставка рефинансирования и процентные ставки по кредитам. Инвестиции.* Ключевая ставка ЦБ России 27.04.2020 г. снижена до 5,5%. За 2014–2018 гг. произошло снижение процентных ставок по кредитам сельскохозяйственным производителям с 17 до 5% (при определенных условиях).

Из-за низкой инвестиционной активности не удавалось выйти на необходимые темпы технико-технологического обновления АПК [7, с. 5]. Но в последние годы ситуация меняется в лучшую сторону. Инвестиции в основной капитал, направленные на развитие сельского хозяйства, в СФО увеличились в 2018 г. по сравнению с 2015 г. на 43,16% и составили 31 563,9 млн руб. с наибольшей суммой в Новоси-

¹ URL: [https:// scientificrussia.ru/articles/prognoz-inp-ran-pik-rosta-ekonomiki-rossii-pridetsya-na-2021-202](https://scientificrussia.ru/articles/prognoz-inp-ran-pik-rosta-ekonomiki-rossii-pridetsya-na-2021-202) .

бирской области (9 412,4 млн руб.), а наименьшей – в Республике Тыве (19,8 млн руб.).

1.6. *Цены на энергоносители и продовольственные товары.* Повышение цен на энергоносители за 2010–2019 гг. в 2 раза повлекло за собой подорожание продовольственных товаров: цены на хлеб выросли на 73,5% и более, на говядину – на 70,2%, свинину – на 42,1%, баранину – на 52,2%, мясо птицы – на 30%, молоко и молочные продукты – на 100% и более, масло сливочное – в 2,71 раза.

1.7. *Курс российского рубля к доллару США.* На 16.05.2020 г. доллар стоил 73,2 руб. Разница в курсе между минимальным и максимальным значениями составила 60,47 руб., что негативно сказалось на деятельности агропредприятий.

Следует отметить и другие тенденции, влияющие на развитие агропродовольственного рынка Сибири:

- несовершенство организационно-экономического механизма не позволяет вывести агропромышленное производство Сибири с третьего-четвертого технологических укладов на более высокий, что сказывается на конкурентоспособности продовольственных товаров;
- площади под сельскохозяйственными угодьями сократились за 2005–2018 гг. на 19,3% – до 45 857,7 тыс. га;
- уменьшилось число компаний-производителей, как мелких, так и крупных. Группа компаний «Danone в России» закрыла молочные предприятия в Новосибирске и Томске, «Мон’дэлис Русь» (входит в американскую группу Mondelez International) в 2016 г. не запустила завод в Новосибирске из-за кризиса в экономике, а в декабре 2019 г. завод был выставлен на продажу;
- происходят слияние предприятий и их поглощение иностранными компаниями. Так, ОАО «Вимм-Билль-Данн Продукты Питания» приобретено американской компанией «PepsiCo»;
- насыщение рынка товарами иностранных производителей негативно влияет на местных производителей. За 2019 г. в СФО импортировано продовольственных товаров на 734,9 млн долл.

США, в том числе ввозились товары, производство которых налажено в Сибири²;

- эмбарго дало дополнительный импульс развитию внутреннего предложения продовольствия на рынках регионов Сибири: возросло производство мяса птицы, свинины и молочной продукции.

2. Социальные факторы. Второй группой факторов, существенно влияющих на развитие агропродовольственного рынка Сибири, являются социальные факторы. Их углубленное изучение позволяет выявить потребительские предпочтения.

2.1. Профессиональные кадры в сельской местности. Намелись противоречивые тенденции: с одной стороны, наблюдается дефицит квалифицированных специалистов, имеющих опыт работы на современной технике; с другой стороны, в сельской местности переизбыток трудовых ресурсов. По мнению практиков, структура подготовки кадров не всегда соответствует потребностям рынка труда, особенно по перспективным направлениям развития экономики регионов [2, с. 165].

2.2. Доверие к отечественным производителям. По результатам наших исследований, уровень доверия к отечественным, в том числе местным, производителям увеличился с 61% в 2016 г. до 72% в 2019 г.

2.3. Отношение к качеству продовольственных товаров и сервиса. Результаты нашего маркетингового исследования потребительских предпочтений населения в Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях за 2019 г. показывают, что качественные продовольственные товары становятся недоступными для большинства населения из-за их высокой стоимости и низкой платежеспособности жителей этих регионов. Повышенный интерес к качественным продуктам формирует «умный потребитель». Правовое регулирование отношений в области обеспечения надлежащего качества пищевых продуктов и их безопасности для здоровья человека осуществляется на основе Федерального закона от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов».

² Данные сайта Федеральной таможенной службы (URL: <https://customs.ru/>).

2.4. *Миграция сельского населения.* По данным исследований ученых СФНЦА РАН, отток сельского населения связан главным образом с экономическими причинами. Так, доля сельских жителей в населении СФО сократилась за 2014–2018 гг. с 27,3 до 25,7%. Приток молодежи в села низкий, происходит старение сельского населения. Коэффициент демографической нагрузки в целом по СФО растет. Если в 2005 г. он составлял 564, то в 2014 г. – 718, а в 2017 г. – 796 (по данным ФСГС).

3. Институциональные факторы. Третьей группой факторов, оказывающих большое влияние на развитие сибирского агропродовольственного рынка, являются институциональные факторы. Необходимость их изучения связана с тем, что государство выполняет регулирующую функцию на агропродовольственном рынке, а предприятия получают основные ресурсы для осуществления бизнес-процессов. Наиболее значимыми среди институциональных факторов являются следующие.

3.1. *Налоговые преференции и налоговые каникулы.* В частности, в соответствии со ст. 164 Налогового кодекса РФ в отношении ряда продовольственных товаров применяется пониженная ставка НДС (10%). Согласно ст. 346.8 НК РФ ставка по единому сельскохозяйственному налогу для определенной группы налогоплательщиков установлена в размере 6%. Законами субъектов Федерации могут быть установлены дифференцированные налоговые ставки в пределах от 5 до 15% в зависимости от категорий налогоплательщиков. Закон от 29.12.2014 № 477-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса РФ», действующий с 01.01.2015 г. по 2021 г., предусматривает налоговые каникулы (на два года).

3.2. *Субсидирование процентных ставок.* Сохраняется тенденция субсидирования из федерального бюджета части процентных ставок по инвестиционным кредитам на развитие животноводства и растениеводства в СФО.

3.3. *Степень государственного вмешательства на агропродовольственном рынке.* Хотя рынок обладает определенной способностью к саморегулированию, большинство его сегментов (особенно продуктовых) требуют регулирования со стороны государства. Госу-

дарственное регулирование предполагает разделение полномочий федеральных и региональных органов власти и осуществляется Министерством сельского хозяйства РФ, Министерством экономики РФ и другими федеральными структурами. Федеральные органы власти играют роль в ценовой, кредитной и налоговой политике, в регулировании экспортно-импортных операций и т.д. Существующие проблемы при ограниченном финансировании часто приводят к невыполнению принимаемых решений.

3.4. *Регулирование международной торговли.* В связи со вступлением России в ВТО (2012 г.) и наложением продовольственных санкций в 2014 г. были произведены изменения в вопросах регулирования и ограничений в области международной торговли с целью сокращения доли импортных продовольственных товаров на российском агропродовольственном рынке (см. Указ Президента РФ от 06.08.2014 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации»). Правительство РФ готово продолжать политику в части создания условий, упрощающих доступ отечественной сельскохозяйственной продукции на рынок. В Постановлении Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 (ред. от 01.03.2018) «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» определены 10 направлений (подпрограмм) государственной программы, одно из которых – «Экспорт продукции агропромышленного комплекса». Цель данного направления – увеличение к концу 2024 г. объема экспорта продукции АПК до 45 млрд долл. США.

3.5. *Законодательная база и сертификация продовольственных товаров.* Действующий порядок сертификации продукции в РФ усложнен. Порядок сертификации установлен Федеральным законом от 27.12.2002 № 184-ФЗ. Сертификация в России организуется и проводится в соответствии с общегосударственными законами «О защите прав потребителей», «О сертификации продукции и услуг», «О стандартизации», а также с законами, относящимися к определенным отраслям («О ветеринарии», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»), и иными правовыми актами Российской Фе-

дерации, направленными на решение отдельных социально-экономических задач (более 30 актов), указами Президента РФ и актами Правительства РФ (около 50 актов).

3.6. *Регулирование конкуренции.* Оно осуществляется согласно Федеральному закону от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». В силу особенностей агропродовольственного рынка (высокие отраслевые риски, непрерывность спроса, ограниченные возможности в отношении контроля масштабов предложения, региональные различия) на агропродовольственном рынке Сибири необходимо увеличить степень государственного регулирования с целью повышения конкурентоспособности производимого в регионе продовольствия.

На федеральном и региональном уровнях законодательная база, регламентирующая сельскохозяйственную деятельность, с 2010 г. претерпела изменения, и предполагается, что в перспективе она будет скорректирована. Принят ряд правительственных документов, регулирующих осуществление сельскохозяйственными производителями внешнеэкономической деятельности. В частности, это Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вступил в силу с 04.09.2018 г.

4. Технологические факторы. Цель изучения технологических факторов – выявление тенденций в процессе технологического развития, непосредственно влияющих на развитие агропродовольственного рынка. Очень часто технологические факторы (технологические уклады) выступают главной причиной, по которой агропродовольственный рынок меняется, в том числе на нем появляется новая продукция.

4.1. *Обновление техники и технологий.* В целом на территории РФ наблюдаются широкое распространение инноваций и внедрение средств автоматизации ведения сельскохозяйственной деятельности. Однако в СФО коэффициент обновления техники достаточно низок. Ввод в действие основных фондов сельскохозяйственной отрасли в 2016 г. составил 65 739 млн руб. При этом показатели обновления

парка техники по регионам СФО существенно различаются (Новосибирская область – 13 528 млн руб., Республика Тыва – 514 млн руб.)

4.2. *Внедрение инновационных технологий. Инвестиции.* Постановлением Правительства РФ от 25.08.2017 № 996 утверждена Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы. Программа предусматривает создание и внедрение отечественных конкурентоспособных технологий по направлениям: растениеводство и племенное животноводство; корма, кормовые добавки для животных и лекарственные средства для ветеринарного применения; диагностика патогенов сельскохозяйственных растений; производство пестицидов и агрохимикатов биологического происхождения для применения в сельском хозяйстве; производство, переработка и хранение сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия; контроль качества сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и экспертиза генетического материала.

Внутренние затраты на научные исследования и разработки в области сельского хозяйства в 2018 г. составили 1 352,0 млн руб.

4.3. *Производственные мощности перерабатывающей промышленности. Парк сельскохозяйственной техники.* Число предприятий и организаций, производящих пищевые продукты, включая напитки, и табак, за 2015–2018 гг. сократилось в РФ на 2,3% – до 211 единиц. Производственные мощности перерабатывающей промышленности имеют высокую степень морального и физического износа (41,9%). Основные мощности по выпуску муки сосредоточены в зонах специализации производства зерна (Алтайский и Красноярский края, Новосибирская и Омская области). Местные производители обеспечивают население мукой на 46,6% (Омская область – на 74,2%), мясом и мясопродуктами – от 56 до 65 кг на душу, молоком и молочными продуктами – от 255 до 236 кг (с наибольшим потреблением в Новосибирской области и Республике Алтай – 281 и 267 кг соответственно), картофелем – от 131 до 96 кг (потребление обеспечивается за счет собственных ресурсов, в первую очередь за счет продукции Алтайского, Красноярского краев и Омской области), овощами – от 86 до 91 кг.

Вместе с тем удельный вес полностью изношенных основных фондов составил 9,4% (в Алтайском крае – 12,5%, в Забайкальском – 0,5%). Имеет место устойчивая тенденция к сокращению парка основных видов сельскохозяйственной техники. Растет нагрузка пашни на один трактор. Наблюдается дефицит новой техники. Несмотря на несоответствие требованиям научно-технического прогресса и высокую степень износа – 41,9% (в Алтайском крае – 48,1%), имеющаяся технологическая база может служить основой для дальнейшего развития агропродовольственного рынка СФО.

Но даже при высокой степени износа основных фондов в регионах Сибири накоплен значительный производственный потенциал. Стоимость основных фондов в СФО составила на начало 2018 г. 16 548 844 млн руб., из них в сельском хозяйстве – 645 938 млн руб. На начало 2019 г. в округе сосредоточено: комбайнов – 11 617 ед. (зерноуборочных – 9 074, или 2,2 ед. на 1 000 га, кукурузоуборочных – 15, кормоуборочных – 2 261, льноуборочных – 60, картофелеуборочных – 207), свеклоуборочных машин – 59 ед., тракторов – 27 982 ед., плугов – 7 508 ед., борон – 79 729 ед., культиваторов – 7 850 ед., машин для посева – 16 611 ед., косилок – 4 920 ед.

Загруженность производственных мощностей низкая (за исключением предприятий молочной промышленности, где она составляет 50–80%): мощностей по производству сыра – 25–35%, масла животного – 15–25%.

4.4. *Доступ к инновационным технологиям.* Для большинства производителей сырья он ограничен. Причины – нехватка финансовых ресурсов, длинный производственный цикл, риски и большие потери урожая, невозможность автоматизации биологических процессов.

4.5. *Уровень развития цифровой экономики и использования сети Интернет, мобильных гаджетов в отрасли.* Использование информационных технологий на агропродовольственном рынке СФО ограничивается в основном применением компьютеров и ПО для управления финансами и отслеживания коммерческих сделок. Между тем современные исследователи считают, что при переходе на цифровые технологии производители смогут занимать высокодоходные ниши

в наукоемких услугах для сельского хозяйства и пищевой промышленности [1, с. 18].

Ряд крупных производителей только начали использовать цифровые технологии для мониторинга выращивания сельскохозяйственных культур, домашнего скота и выполнения других элементов сельскохозяйственного процесса. Уже ведутся разработки перспективных технологий для применения в сельском хозяйстве (ООО «Беспилотные технологии» в Новосибирске, ООО «Автономные аэрокосмические системы – ГеоСервис» в Красноярске).

Для оценки степени вероятности влияния факторов внешней среды на состояние и развитие агропродовольственного рынка Сибири были привлечены эксперты из 35 организаций: ООО «Олимп», ЗАО «Быстровское», ЗАО «Лебедевская», АО «Птицефабрика «Евсинская», АО «Коченевская птицефабрика», ЗАО «Степное», ЗАО «Племзавод Ирмень», ОАО «Стеклоанное», ООО «Первый мелькомбинат», ООО «Новосибирский мелькомбинат № 1», ООО НИЦ «Экофлора» и др.

Результаты авторской и экспертной оценок факторов по группам (вес фактора, его воздействие, балл, взвешенная средняя и ранг) представлены в табл. 3. В графе «Воздействие в сложившейся ситуации» «развитие» следует понимать как фактор положительного воздействия, а «снижение» – как фактор отрицательного. Весовой коэффициент – это параметр, который отражает значимость (вес) данного фактора по сравнению с другими факторами, оказывающими влияние на агропродовольственный рынок.

Согласно результатам экспертной оценки (см. табл. 3) среди экономических факторов положительное влияние на развитие агропродовольственного рынка оказывают низкий уровень инфляции, достаточно высокие темпы роста экономики и снижение процентных ставок по кредитам, а отрицательное – снижение уровня занятости и платежеспособности потребителя, существующий механизм регулирования агропродовольственного рынка, снижение спроса населения на дорогостоящие продовольственные товары.

Среди институциональных факторов положительное влияние на агропродовольственный рынок оказывают изменение законодательной базы, предоставление налоговых преференций и субсидирование

Таблица 3
Степень вероятности влияния факторов внешней среды на развитие агропродовольственного рынка Сибири

Группа	Факторы	Вес фактора	Воздействие в сложившейся ситуации	Средний балл	Взвешенная средняя	Ранг фактора
1. Экономические факторы	1.1 Спрос на продовольственные товары	0,08	Снижение финансового и производственного потенциала	4,8	0,38	1
	1.2. Занятость и платежеспособность	0,06	Снижение финансового и трудового потенциала	4,7	0,28	3
	1.3. Инфляция	0,03	Развитие финансового потенциала	4,4	0,13	16
	1.4. Темпы роста экономики	0,03	Развитие финансового потенциала	4,7	0,14	15
	1.5. Ставка рефинансирования и процентные ставки по кредитам. Инвестиции	0,04	Развитие финансового потенциала	2,5	0,10	21
	1.6. Цены на энергоносители и продовольственные товары	0,04	Снижение финансового потенциала	4,9	0,20	10
	1.7. Курс российского рубля к доллару США	0,03	Снижение финансового и производственного потенциала	4,0	0,12	18

Продолжение табл. 3

Группа	Факторы	Вес фактора	Воздействие в сложившейся ситуации	Средний балл	Взвешенная средняя	Ранг фактора
2. Социальные факторы	2.1. Профессиональные кадры в сельской местности	0,07	Снижение трудового потенциала	4,2	0,29	2
	2.2. Доверие к отечественным производителям	0,03	Развитие производственного потенциала	4,4	0,13	17
	2.3. Отношение к качеству продовольственных товаров и сервиса	0,03	Снижение трудового потенциала	3,9	0,12	19
	2.4. Миграция сельского населения	0,05	Снижение трудового потенциала	4,4	0,22	6
3. Институциональные факторы	3.1. Налоговые преференции и налоговые каникулы	0,07	Развитие производственного потенциала	3,2	0,22	5
	3.2. Субсидирование процентных ставок	0,06	Развитие производственного потенциала	4,2	0,25	4
	3.3. Степень государственного вмешательства на агропродовольственном рынке	0,04	Развитие производственного и трудового потенциала	3,7	0,15	14
	3.4. Регулирование международной торговли	0,03	Развитие производственного потенциала	3,7	0,11	20
	3.5. Законодательная база и сертификация продовольственных товаров	0,06	Снижение производственного потенциала	3,4	0,20	8

Факторы внешней среды, влияющие на состояние и развитие
агропродовольственного рынка Сибири

Окончание табл. 3

Группа	Факторы	Вес фактора	Воздействие в сложившейся ситуации	Средний балл	Взвешенная средняя	Ранг фактора
4. Технологические факторы	4.1. Обновление техники и технологий	0,05	Снижение производственного потенциала	3,9	0,20	11
	4.2. Внедрение инновационных технологий. Инвестиции	0,06	Развитие производственного и трудового потенциала	3,7	0,22	7
	4.3. Производственные мощности перерабатывающей промышленности. Парк сельскохозяйственной техники	0,05	Снижение производственного и технологического потенциала	4,0	0,20	9
	4.4. Доступ к инновационным технологиям	0,05	Снижение технологического потенциала	3,6	0,18	12
	4.5. Уровень развития цифровой экономики и использования сети Интернет, мобильных гаджетов в отрасли	0,04	Развитие технологического и трудового потенциала	3,8	0,15	13
	Итого	1,00				

Примечания: 1) при оценке эксперты исходили из субъективного опыта; 2) шкала оценок – от 1 до 5, где 5 – максимальное проявление влияния фактора на агропродовольственный рынок, 1 – минимальное.

процентных ставок. Также на развитие производственного потенциала сельского хозяйства влияют изменения в регулировании международной торговли, требования к качеству продовольственных товаров и сервиса, регулирование конкуренции.

Как серьезную проблему следует отметить дефицит профессиональных кадров, умеющих работать на новой технике и с новыми технологиями. Сегодня решить данную проблему самостоятельно, без государственного участия агропредприятиям проблематично. У потребителя складывается заинтересованность в высоком качестве продовольственных товаров и сервиса, что будет прямо влиять на действия субъектов агропродовольственного рынка.

Проведенные исследования показали, что факторы внешней среды оказывают как положительное, так и отрицательное воздействие на агропродовольственный рынок Сибири. Чтобы рынок получил новый импульс развития, необходимо сформировать эффективный организационно-экономический механизм его регулирования. При этом следует учитывать, что комплексное воздействие государства на агропродовольственный рынок Сибири не должно затрагивать механизмы его саморегулирования на микроуровне.

Негативно влияющие факторы внешней среды и хронические проблемы агропродовольственного рынка Сибири на фоне усиливающегося снижения покупательной способности населения региона могут привести к сокращению производства основных продовольственных товаров. Для минимизации негативного влияния внешних факторов и обеспечения эффективного функционирования агропродовольственного рынка Сибири необходимо

- разработать стратегию развития агропродовольственного рынка Сибири, которая обеспечит оптимальное соотношение мощностей по первичной переработке сельскохозяйственного сырья и мощностей по углубленной переработке продукции, позволит расширить ассортимент, оптимизирует транзакционные издержки, повысит конкурентоспособность продукции местных производителей;
- создать условия для формирования специализированных зон товарного производства и региональных территориально-от-

раслевых кластеров по производству экологически чистой и качественной продукции;

- усилить государственный контроль за системой ценообразования в торговых сетях, что создаст условия для снижения розничных цен;
- организовать логистические центры для рационального управления использованием транспортных средств и перемещением экспортных партий;
- создать Сибирский информационно-маркетинговый центр, который будет заниматься вопросами экспорта, оказания маркетинговых услуг, поиска партнеров, установления торговых отношений с другими странами.

Для приграничного сотрудничества регионов СФО с близлежащими странами необходимо реализовать комплекс мер по развитию внешнеэкономической деятельности, включая: выявление и устранение локальных барьеров, сдерживающих развитие внешнеэкономической деятельности регионов; расширение компетенций региональных органов власти по экспортной деятельности и ознакомление потенциальных экспортеров с особенностями ключевых внешних рынков; организацию комплекса выставочно-ярмарочных мероприятий и содействие обмену бизнес-делегациями.

Реализация предложенных направлений будет способствовать развитию агропродовольственного рынка Сибири, обеспечению населения региона качественными продовольственными товарами и укрепить позиции региона на мировом рынке.

Список источников

1. Алтухов А.И., Дудин М.Н., Анищенко А.Н. Глобальная цифровизация как организационно-экономическая основа инновационного развития агропромышленного комплекса РФ // Проблемы рыночной экономики. – 2019. – № 2. – С. 17–27.
2. Арсентьева Н.М., Харченко И.И. Противоречия формирования человеческого потенциала в регионе в контексте модернизации системы профессионального образования // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 1 (89). – С. 159–181.
3. Прогноз научно-технологического развития отрасли растениеводства, включая семеноводство и органическое земледелие России, в период до 2030 года /

Папцов А.Г., Алтухов А.И., Кашеваров Н.И., Першукевич П.М., Денисов А.С., Рудой Е.В. и др. – Новосибирск: Изд-во НГАУ «Золотой колос», 2019. – 100 с.

4. *Стасюлис М.В.* Развитие агропродовольственного рынка юга Сибири на основе межрегиональных продовольственных связей: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Новосибирск, 2015. – 21 с.

5. *Стратегия* социально-экономического развития АПК Сибирского федерального округа в условиях глобализации и интеграции / Першукевич П.М., Кашеваров Н.И., Донченко А.С. и др. – Новосибирск: СибНИИЭСХ СФНЦА РАН, 2018. – 314 с.

6. *Территориально-отраслевое* разделение труда и развитие агропродовольственного рынка Сибири / Першукевич П.М., Тю Л.В., Задков А.П. и др. – Новосибирск: СФНЦА РАН, 2019. – 136 с.

7. *Ушаев И.Г.* Стратегические направления устойчивого социально-экономического развития АПК России // Прикладные экономические исследования. – 2018. – № 2 (24). – С. 4–8.

Информация об авторе

Быков Александр Александрович (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель лаборатории прогнозирования и развития региональных экономик АПК Сибирского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Сибирского федерального научного центра агробиотехнологий (СибНИИЭСХ СФНЦА) РАН (630501, Новосибирская обл., р.п. Краснообск, СибНИИЭСХ СФНЦА РАН, e-mail: bykov47@yandex.ru).

DOI: 10.15372/REG20200407

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 4 (108), p. 151–174

A.A. Bykov

ENVIRONMENTAL FACTORS AFFECTING THE STATE AND DEVELOPMENT OF THE SIBERIAN AGRI-FOOD MARKET

The article presents how primary agricultural products' production and consumption are at equilibrium in the Siberian Federal District. We give basic food commodities consumption forecast until 2025. The article offers a metho-

dology for researching external environment factors and determining their impact on the state and development of the Siberian agri-food market. To bridge the gap between economic-statistical and situational analyses, we have defined the force of factors' impact on the agri-food market development with a scoring method and engaged experts from the largest organizations in the region. Monographic, economic, statistical, expert and analytical methods have been used in our research.

The study has resulted in finding economic, social, institutional and technological factors which affect the state and development of the agri-food market in Siberia. The novelty of our study is assessing the degree of impact that environmental factors have on the development of the Siberian agri-food market. We have concluded that the development of the Siberian agri-food market requires an effective organizational and economic mechanism. The article proposes measures to minimize the negative impact of environmental factors and ensure the Siberian agri-food market's efficiency. Our findings can be used by government officials in republics, krais, and oblasts, agro-industrial managers and specialists, researchers, higher and secondary education teachers.

Keywords: agri-food market; organizational and economic mechanism; food commodities; agricultural production; Siberia; environmental factors

For citation: Bykov, A.A. (2020). Faktory vneshney sredy, vliyayushchie na sostoyanie i razvitie agroprodovolstvennogo rynka Sibiri [Environmental factors affecting the state and development of the Siberian agri-food market]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (108), 151–174. DOI: 10.15372/REG20200407.

References

1. Altukhov, A.I., M.N. Dudin & A.N. Anishchenko. (2019). Globalnaya tsifrovizatsiya kak organizatsionno-ekonomicheskaya osnova innovatsionnogo razvitiya agro-promyshlennogo kompleksa RF [Global digitalization as an organizational and economic basis for the innovative development of the agroindustrial complex of the Russian Federation]. Problemy rynochnoy ekonomiki [Market Economy Problems], 2, 17–27.
2. Arseniyeva, N.M. & I.I. Kharchenko. (2016). Protivorechiya formirovaniya che-lovecheskogo potentsiala v regione v kontekste modernizatsii sistemy professionalnogo obrazovaniya [The contradictions of human development in a region within the modernization of the Russian professional education system]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (89), 159–181.

3. *Papstov, A.G., A.I. Altukhov, N.I. Kashevarov, P.M. Pershukevich, A.S. Denisov, E.V. Rudoy et al.* (2019). Prognoz nauchno-tehnologicheskogo razvitiya otrasli rasstenevodstva, vkluchaya semenovodstvo i organicheskoe zemledelie Rossii, v period do 2030 goda [Forecast of the Scientific and Technological Development of the Plant Growing Industry, Including Seed Production and Organic Farming in Russia, up to 2030]. Novosibirsk, "Golden Ear" Publishing Center of Novosibirsk State Agrarian University, 100.

4. *Stasyulis, M.V.* (2015). Razvitie agroprodovolstvennogo rynka yuga Sibiri na osnove mezhtseionalnykh prodovolstvennykh svyazey: Avtoref. diss. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05 [The development of the agri-food market in the south of Siberia based on inter-regional food links: Author's abstract for the Candidate of Economics Thesis: 08.00.05]. Novosibirsk, 21.

5. *Pershukevich, P.M., N.I. Kashevarov, A.S. Donchenko et al.* (2018). Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya APK Sibirskogo federalnogo okruga v usloviyakh globalizatsii i integratsii [Socio-Economic Development Strategy of the Agricultural Sector in the Siberian Federal District Amid Globalization and Integration]. Monograph. Novosibirsk, Siberian Federal Scientific Centre of Agro-BioTechnologies RAS Publ., 314.

6. *Pershukevich, P.M., L.V. Tyu, A.P. Zadkov et al.* (2019). Territorialno-otraslevoe razdelenie truda i razvitie agroprodovolstvennogo rynka Sibiri [Territorial-Sectoral Division of Labor and Development of the Siberian Agri-Food Market]. Monograph. Novosibirsk: Siberian Federal Scientific Centre of Agro-BioTechnologies RAS Publ., 136.

7. *Ushachev, I.G.* (2018). Strategicheskie napravleniya ustoychivogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya APK Rossii [Strategic directions of sustainable socio-economic development of the Russian agricultural sector]. Prikladnye ekonomicheskie issledovaniya [The Applied Economic Researches], 2 (24), 4–8.

Information about the author

Bykov, Alexander Alexandrovich (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Head of Laboratory for Forecasting and Development of Regional Agricultural Economies at Siberian Research Institute of Agricultural Economics, Siberian Federal Scientific Centre of Agro-BioTechnologies, Russian Academy of Sciences (SFSCA RAS, Krasnoobsk, 630501, Novosibirsk Oblast, Russia, e-mail: bykov47@yandex.ru).

Поступила в редколлегию 21.01.2020.

После доработки 01.06.2020.

Принята к публикации 02.06.2020.

© Быков А.А., 2020

Г.Ф. Габдрахманова, Э.А. Сагдиева

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ АГРАРНОЙ ОТРАСЛИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В статье рассматриваются особенности развития сельскохозяйственных организаций, крестьянско-фермерских хозяйств и личных подсобных хозяйств в Пензенской области и Республике Татарстан в контексте собственных стратегий развития этих регионов и реализуемых в них аграрных политик. Выдвинута гипотеза о том, что несмотря на единые правила общероссийской аграрной политики, фиксируемая динамика сельского хозяйства названных регионов обеспечивается в том числе и за счет изменений хозяйствующими субъектами приоритетов хозяйствования. Для анализа указанных стратегий используются данные о производственных специализациях и ресурсах хозяйствующих субъектов из Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг., а для анализа аграрных политик регионов – их оценки экспертами, полученные в ходе интервью.

Результаты исследования могут быть полезны органам государственной власти и управления при принятии решений по регулированию аграрной отрасли. Среди этих результатов вывод о разных аграрных политиках, проводимых в рассматриваемых регионах. Для Татарстана характерны мягкая интенсификация сельскохозяйственной отрасли и политика поддержки как можно большего числа хозяйствующих субъектов. Пензенская область, напротив, ориентирована на сокращение числа хозяйствующих субъектов и экономическое укрепление отдельных участников отрасли. Полезными являются полученное знание о тенденциях усиления производственных специализаций регионов, а также заключение о наличии у их аграрных отраслей общих проблем, входящих в зону компетентности федерального центра.

Ключевые слова: Пензенская область; Республика Татарстан; хозяйствующие субъекты; аграрная политика; перепись; сельскохозяйственная организация; крестьянское (фермерское) хозяйство; личное подсобное хозяйство

Для цитирования: Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А. Особенности развития хозяйствующих субъектов аграрной отрасли Пензенской области и Республики Татарстан // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 175–201. DOI: 10.15372/REG20200408.

Аграрная отрасль Российской Федерации, несмотря на единую государственную политику ее регулирования¹, характеризуется региональным разнообразием. Пензенская область и Республика Татарстан входят в Приволжский федеральный округ. Татарстан – лидер в округе, в 2015 г. произвел 18,6% объема его сельскохозяйственной продукции. Пензенская область, хотя и продемонстрировала положительную динамику, занимает нижние строчки рейтинга². На позиции этих регионов влияет множество объективных факторов. Например, объем общих земельных площадей в хозяйствах всех категорий в Татарстане в 2 раза больше (в 2006 г. – 4 441 614 га, в 2016 г. – 4 197 447 га), чем в Пензенской области (2 680 665 и 2 176 106 га соответственно). Существуют ли причины субъективного характера, определяющие статус лидера и аутсайдера у регионов, входящих в состав одной административно-территориальной единицы?

Можно предположить, что несмотря на единую аграрную политику федерального центра, динамика сельского хозяйства Татарстана и Пензенской области обеспечивается в том числе и за счет изменений хозяйствующими субъектами приоритетов хозяйствования. Возможно, на этот процесс влияют и аграрные политики региональных властей по отношению к хозяйствующим субъектам – коммерческим организациям: сельскохозяйственным организациям (СХО), крестьян-

¹ Об этом, в частности, свидетельствует Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О развитии сельского хозяйства».

² URL: <https://aftershock.news/?q=node/455394&full>.

ским фермерским хозяйствам (КФХ) и личным подсобным хозяйствам (ЛПХ), вступающим в конкурентную борьбу за ограниченные ресурсы (земельные, трудовые, материально-технические, финансовые) и реализующим собственные интересы [11]. Цель настоящего исследования – выявить особенности развития СХО, КФХ и ЛПХ в Пензенской области и Республике Татарстан в контексте собственных стратегий развития этих регионов и реализуемых в них аграрных политик.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДИКА АНАЛИЗА

В свете поставленной проблемы интерес представляют работы, в которых анализируется современное сельское хозяйство России. В числе его специфических черт выделяется многоукладность экономики и форм хозяйствования. Под сельскохозяйственной многоукладностью одни авторы понимают аграрную экономику на базе равноправия всех форм собственности и способов хозяйствования на земле [9; 10], другие рассматривают многоукладность в качестве конкурентной борьбы [7]. Важным является выделение хозяйственных укладов, под которыми понимаются «устойчивые совокупности хозяйственных практик, которые определяются доминирующими целями... и организационными формами... экономической деятельности субъектов, действующими правилами распределения базовых ресурсов... и сложившимися формами взаимодействия с сельскими сообществами» [20, с. 34].

Каждый хозяйственный уклад характеризуется определенным типом хозяйствования, формой собственности и организационно-правовыми формами. В современном аграрном секторе России выделяют три типа укладов: крупные и средние сельскохозяйственные организации, крестьянские фермерские хозяйства и личные подсобные хозяйства граждан. Роль крупных и средних СХО разных форм собственности (общества с ограниченной ответственностью, сельскохозяйственные производственные кооперативы, агрохолдинги) в сельско-

хозяйственном производстве регионов рассмотрена с позиций земельно-арендных отношений, объемов производства, способов ведения хозяйства [21], взаимоотношений с мелким сельским бизнесом и эффективности [3; 19]. При изучении КФХ осуществляется их социально-экономический анализ, выстраиваются типологии [1; 4; 12]. Отдельное внимание уделяется семейным фермам [2; 16]. В работах о ЛПХ отмечается, что такие хозяйствующие субъекты стали одной из самых распространенных форм экономической активности сельского населения и полноправными участниками программ развития и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции [6; 8; 13; 17].

Несмотря на проработанность структуры субъектов аграрной отрасли России и многочисленность исследований об их развитии, анализ положения хозяйствующих субъектов в отдельных регионах представлен лишь в нескольких трудах [5; 14; 15; 18]. Причем авторы сосредоточиваются на КФХ, указывая на их роль в производстве сельскохозяйственной продукции, в создании рабочих мест на селе, в дифференциации регионов по специализации и по доле производимой продукции. Другие хозяйствующие субъекты в привязке к отдельным территориям и в аспекте межрегиональных сравнений остаются малоизученными.

Для анализа выделенных трех типов хозяйствующих субъектов используются данные об их производственных специализациях и ресурсах из Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг.³, а для анализа аграрных политик – их оценки экспертами,

³ См.: *Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 и 2016 годов*. Т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Республике Татарстан: Стат. сб. / Татарстанстат. – Казань, 2018. – С. 12–21; *Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года*. Т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Кн. 2: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по субъектам Российской Федерации. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. – С. 422–429; Т. 2: Число объектов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Трудовые ресурсы и их характеристика. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. – С. 250–393; Т. 6: Технические средства, производственные помещения и инфраструктура. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. – С. 216–217; *Итоги Всерос-*

полученные в интервью⁴. Принимая во внимание разные стартовые возможности рассматриваемых регионов, мы подсчитали относительные показатели. Интервью проведены в Пензенской области в 2017 г. (N = 20, из них одно интервью с руководителем ООО, шесть – с главами КФХ и ИП, девять – с главами и заместителями сельских поселений, три – с директорами школ и одно – с руководителем благотворительного фонда), в Республике Татарстан в 2016 г. (N = 24, из них четыре – с руководителями ООО, пять – с главами КФХ и ИП, девять – с главами поселений, четыре – с представителями администраций муниципальных образований, одно – с директором школы и одно – с директором Дома культуры).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2000-х годах в Республике Татарстан число хозяйствующих субъектов увеличилось на 8%, в Пензенской области – уменьшилось на 4,5%. Основными игроками являются ЛПХ, но их доля в республике выросла на 8,5%, в области снизилась на 3,9%. Сокращение числа СХО было большим в Татарстане (на 58,5%, в Пензенской области – на 42%). КФХ в республике стало больше на 25,6%, а в области их количество уменьшилось в 2 раза. Для Татарстана характерна сравнительно большая многоукладность аграрной отрасли, проявляющаяся в росте числа хозяйствующих субъектов и в увеличении доли ЛПХ и КФХ.

Положительная динамика в сельском хозяйстве Татарстана обеспечивается политикой поддержки хозяйствующих субъектов. По государственной программе Республики Татарстан «Поддержка начи-

сийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Кн. 2: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам Российской Федерации. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – С. 464–471; Т. 2: Число объектов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Трудовые ресурсы и их характеристика. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – С. 198–355; Т. 6: Технические средства, производственные помещения и инфраструктура. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – С. 172–173.

⁴ Интервью проведены авторами статьи, О.П. Фадеевой и В.И. Нефёдкиным.

нающих фермеров» в период 2012–2018 гг. содействие оказано 587 главам КФХ и индивидуальным предпринимателям на 975 млн руб., а по программе «Развитие семейных животноводческих ферм» – 404 грантополучателям на 1 145 млн руб.⁵ В Пензенской области в 2014–2018 гг. «количество участников мероприятий грантовой поддержки начинающих фермеров и развития семейных ферм достигло 199 фермеров. ...Направлено 547,3 млн рублей»⁶. В 2018 г. в республике по указанным программам помощь получили 170 фермеров (561,9 млн руб. из бюджета Российской Федерации и Республики Татарстан)⁷, в области – 35 глав КФХ (135,7 млн руб. из областного бюджета)⁸. Отсутствие федеральной поддержки в Пензенской области может свидетельствовать о нерасторопности региональной власти при получении финансовых преференций или об отсутствии у нее навыков лоббирования интересов области.

Низкие показатели поддержки хозяйствующих субъектов в Пензенской области объясняются также слабой местной информационной политикой. В этих условиях эксперты выражали уверенность в финансовой неэффективности государственной помощи, в сложности ее получения и использования. *«Программа даст один, два, три миллиона, а я потом должен 10–15 лет это отдавать. ...На собственные средства потихоньку работаю. ...Программы – это голова болеть будет. Пока за программой ходить будешь, на пенсию выйдешь»* (глава КФХ).

В Татарстане, напротив, информанты часто сообщали об участии в государственных программах и об агитационных кампаниях сельскохозяйственных ведомств и администраций муниципальных образований. *«Глава у нас агитирует. Нигде такого нет, чтобы в одной деревне четыре семейные фермы. Вот у меня семейная ферма страусиная, еще кроме меня три фермы по крупному рогатому скоту есть.*

⁵ См.: *Агропромышленный паспорт Республики Татарстан.* – URL: https://agro.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2224767.pdf.

⁶ URL: <http://www.fagps.ru/news/fermery-penzenskoy-oblasti-poluchili-5473-mln>.

⁷ Там же.

⁸ URL: http://www.penzainform.ru/news/economics/2019/01/11/penzenskie_fermeri_poluchili_granti_na_136_ml.

...Еще два будет в этом году, всего шесть будет. ...Это от районного руководителя зависит. Если поддержки не будет... От властей зависит очень много» (глава КФХ). Руководители сельских поселений могут выступать гарантами при получении фермерами финансирования, помогают им оформить документы. *«Мы даже сами ищем таких людей, молодых парней, девушек, которые согласны, инициативных. Стараемся им помочь. У нас по этим грантам только и в районе, и в республике на первых местах»* (глава поселения).

В Пензенской области звучали иные оценки руководства районных администраций. *«Не доходят (программы. – Авт.), мимо прихватывают. ...Город выделяет в район, там остается, а до деревни не доходит. Или в области оставляют»* (глава КФХ). О коррупционных схемах поведал и другой информант: *«Богатые приехали (арендаторы земли крупного агрохолдинга. – Авт.), им кредит оформляют, три года работают, их освобождают от налога. Три года проходит – они другому передают, которое обратно освобождается от налогов. Миллионеры могут взять кредит – им прощают. Мы сейчас пойдем в банк и попросим: ...дайте 500 тыс. руб., куплю трактор МТЗ двухгодовалый, – и не дадут. ...Им надо, чтобы мы купили новую технику»* (глава КФХ). Некоторые отметили имитационный характер грантовой поддержки. *«Мы ждем от государства, чтоб больше внимания обратили на сельских жителей, условия создали для сельского хозяйства. Субсидии там разные, кредиты. Всё на словах... Несколько человек несколько лет бизнес-план готовили – и не получили»* (глава поселения).

Скептические мнения звучали и в Татарстане. Информанты отметили высокие финансовые потери от программ. *«Появились программы поддержки, например “50 на 50”. ...И мы в 2008-м взяли уже новый комбайн. Он тогда стоил 1,4 млн руб., 700 тыс. руб. дало государство, а 1,1 млн руб. мы заплатили. Получилась стоимость больше, так как еще нужно было заплатить за доставку из Ростова-на-Дону. Потом... нам начислили НДС»* (глава КФХ). Такие оценки в Татарстане звучали заметно реже, чем в Пензенской области, что позволяет сделать заключение о более эффективной аграрной

политике в республике. Ее видимым результатом является отмеченный рост числа хозяйствующих субъектов.

Среди приоритетных ресурсов хозяйствующих субъектов – наличие у них земли. Общей тенденцией для рассматриваемых регионов является сокращение ее размеров у СХО: в Татарстане – с 85% в 2006 г. до 81% в 2016 г., в Пензенской области – с 87 до 76% соответственно. Это произошло за счет увеличения доли в землепользовании КФХ и ЛПХ: в республике – соответственно на 21 и 29%, в Пензенской области – на 54 и 43%. Несмотря на меньшее число КФХ и ЛПХ в Пензенской области, эти два хозяйствующих субъекта за межпереписной период накопили больше земли, а значит, стали более весомыми и экономически состоятельными участниками аграрной отрасли. Татарстан же отдает приоритет стратегии поддержки большего числа хозяйствующих субъектов, обладающих сравнительно меньшим количеством земли. Укажем и на сокращение земельных площадей в этих регионах, темпы которого в Татарстане более медленные (сокращение на 6%), чем в Пензенской области (на 19%), что свидетельствует о более активном использовании земель в республике. Однако здесь, как и в области, фермеры и руководители СХО жаловались на дефицит земли: *«Пастбищ не хватает. Распахано 98% (из 6 тыс. га земли. – Авт.)... В основном 15–20% – госземля, остальное – пайщиков»* (Республика Татарстан, руководитель СХО); *«Желание есть, если дадут. ...Хотя бы 140 гектаров. ...Охота есть, настроение, а земли нет»* (Пензенская область, глава КФХ).

В Пензенской области жалобы звучали чаще и касались разбросанности участков и качества земли. *«Когда распределяли землю, то фермерам давали поля на расстоянии от одного поля до другого в 20 километров. Это можно было компактно сделать, а не сделали. Плюс по совхозу был средний балл бонитета почв. ...Нам, фермерам, дали плохую землю. У меня было 26 баллов: где – пески, где – неудобья»* (глава КФХ). Хорошая земля сдается в аренду пришлым крупным хозяйствам, которые ведут свою деятельность губительными методами, влияющими на здоровье сельчан. *«В хозяйстве дают удобрения по 300–400 кг на гектар. ...Они получают урожай 60 ц/га. А мы? Ну пускай 40 ц/га. Но зато их пшеницу, если насыплешь курам,*

то они ее не клюют, там химия. Нашу даешь – они кушают. ...Это не только пестициды, плюс ГМО американское. Почему раньше у нас в селе в год три-четыре человека только умирало, в основном пожилые? А сейчас, в 2017 г., 36 человек из села умерло, из них шесть – пожилые, остальные – молодежь. Жалко. Откуда?» (глава КФХ); «На одной химии, дышать нечем. ...Деревню перетравил. Никакого здоровья нет. ...Зачем нам французы? Они день и ночь льют химию. Вот и у людей онкология. Раньше такого люди не знали» (глава КФХ). Здесь, как и в Татарстане, проблему нехватки земли пытаются решить, арендуя или покупая паевые земли у односельчан. Такой путь затрудняется бюрократическими процедурами. «...Это везде – трудно (решать. – Авт.) земельный вопрос сейчас. ...Сложнее становится оформление. Сейчас надо через тендер все идти, заявления, через аукцион сейчас пойдет» (глава КФХ).

Татарстан пытается восполнить дефицит земель путем их аренды в приграничных регионах. «В Чувашии 2000 гектар (арендуем. – Авт.). ...Они пяти (пятью. – Авт.) руками дают, лишь бы работали» (руководитель СХО). Такая стратегия успешна, когда регион предлагает выгодные для хозяйствующего субъекта условия. «Они (соседняя Ульяновская область. – Авт.) дают на год аренду. На год мне на что. Хотя бы на пять давали бы» (руководитель СХО). То есть эта стратегия может быть реализована в случае заинтересованности арендодателя в длительном сотрудничестве. Другая практика в Татарстане – передача успешному СХО разваливающегося хозяйства. Об одном таком опыте поведал руководитель СХО: «Запущенное, но за год планируем восстановить. ...Технологии у них были старые. Когда мы пришли, у них 3,5 тонны было надоев молока, сейчас по 8 тонн дают уже. ...Для такого поголовья у нас площадей не хватает, поэтому поехали туда».

Среди тенденций, касающихся численности занятых в аграрной отрасли, отметим близкое падение объемов трудовых ресурсов. Число работающих в СХО сократилось в обоих регионах в 2 раза, в татарстанских КФХ – на 63,5%, в пензенских – на 59,7%. Высвобождение рабочих происходит из-за внедрения в производство современных технологий и автоматизации труда. «Сейчас техника более мощная.

Животноводческую ферму полностью механизировали. ...Сейчас уже 55–60 (коров обслуживает доярка. – Авт.). ...Потому что молокопровод, кормораздатчики» (Республика Татарстан, руководитель СХО); «Работает 156 человек (на 3,5 тыс. коров. – Авт.). Сейчас все автоматизировано, два доильных зала. ...В доильном зале 1,5 тыс. дойных коров обслуживают всего 10 доярок» (Республика Татарстан, глава поселения).

Свидетельством повышения степени автоматизации сельского хозяйства является показатель оснащенности техникой. Пензенская область уступает Татарстану по количеству тракторов (в республике – рост на 5%, в области – сокращение на 14%), грузовых и грузопассажирских автомобилей (в республике – увеличение на 23%, в области – убыль на 11%), доильных установок (в республике их стало больше почти в 4 раза, в области – на 46%), мотоблоков и мотокультиваторов (в республике – увеличение в 11 раз, в области – почти в пять). В обоих регионах произошло сокращение числа зерно-, кукурузо-, кормо-, свеклоуборочных комбайнов, особенно сильно в Пензенской области, где, однако, более чем в 2 раза увеличилось количество картофелеуборочных комбайнов. В Татарстане наблюдаются более высокие темпы механизации сельского хозяйства. За межпереписной период повысилась степень механизации КФХ и ЛПХ (табл. 1). Это имело место и в Татарстане, и в Пензенской области.

Однако КФХ и ЛПХ зачастую владеют лишь отечественной или белорусской техникой и покупают ее чаще на средства от реализации собственной продукции. *«На Ассоциацию фермеров пришли два трактора “Белорус” (МТЗ-82). Я был знаком с депутатом, через него обратились в ассоциацию, и я в первый год взял новый трактор. Пока этой техникой обходились. ...Мы в 2008-м взяли уже новый комбайн. ...“Нива” СК-5. Потом пять лет... взяли еще комбайн 1201. Потом от реализации зерна купили два старых “Камаза”» (Республика Татарстан, глава КФХ).* Фермерам не всегда выдают кредиты на приобретение использовавшейся ранее техники, поскольку она не может быть залоговой по условиям программ, а приобретение новой они не могут себе позволить.

Крупные хозяйствующие субъекты чаще попадают в государственные программы софинансирования. В качестве иллюстрации приведем историю одной СХО, которая получила помощь для строительства и оснащения техникой помещений для переработки собственной продукции. *«Это помощь государства. Первый зал по программе “60 на 40” (процессов. – Авт.). Второй зал – по программе “Подарок от Президента” для приобретения итальянского оборудования»* (Республика Татарстан, руководитель СХО). Этот хозяйствующий субъект имеет возможность выбора производителя техники и приобретения современных энергоресурсосберегающих и многофункциональных сельхозмашин. *«Сейчас появились посевные комплексы. Раньше же тракторист, три сеялки, три сеяльщика, плюс еще другие агрегаты. А сейчас один комплекс все дело один делает. И сеяльщиков не надо, прицепил комплекс и пошел вперед»* (Республика Татарстан, руководитель СХО). Фермеры же владеют морально и физически устаревшей техникой. *«Мы старшие стаем (становимся. – Авт.) – и техника тоже. ...У меня два комбайна, которым уже 30 лет. Из двух один собираю. ...Вот в прошлом году измельчитель соломы повесили, а у него металл до такой степени износился, что он сезон отработал – и у него зад отвалился. ...Комбайнам по 30 лет, а раньше комбайны давали хозяйствам на 8 лет. И тому комбайну... нынче будет 9 лет. По старым временам – его нужно списывать. “Камазу” 28 лет, его надо бы обновить»* (Республика Татарстан, глава КФХ).

ЛПХ обоих рассматриваемых регионов нередко прибегают к аренде тракторов для вспашки, боронования, подвоза сена и соломы, обработки земельных площадей. Для небольших земельных наделов используются арендованные мотокультиваторы односельчан. Часть работ производится при поддержке администраций сельских поселений. *«В нашем районе так построено дело, что глава сельских поселений старается обеспечить местное население кормами. ...Мы косим сено для населения, тюкуем и довозим до их ЛПХ. ...Организована работа, чтобы населению сено подвезти, но это не бесплатно»* (Республика Татарстан, глава поселения).

На приоритеты хозяйствования субъектов аграрной отрасли указывают их производственные направления. КФХ занимаются одним

Распределение сельскохозяйственной техники по хозяйствующим

Вид сельхозтехники	СХО			
	Пензенская обл.		Татарстан	
	2006	2016	2006	2016
Тракторы	43,5	24,6	61,6	35,0
Комбайны				
зерноуборочные	73,4	51,9	79,8	67,6
кукурузоуборочные	89,5	–	100,0	–
картофелеуборочные	68,7	58,8	81,3	62,8
кормоуборочные	95,1	77,3	92,3	77,5
Свеклоуборочные машины	69,2	76,1	95,7	–
Установки доильные	76,2	15,8	84,2	14,0
Автомобили грузовые и грузопассажирские	–	14,6	46,1	16,0
Автомобили легковые	–	–	–	–
Мотоблоки, мотокультиваторы	0,007	–	0,4	–
Плуги тракторные	36,6	40,6	65,0	54,3
Косилки тракторные	22,2	41,3	55,1	45,2
Сеялки	74,5	56,4	82,6	67,5
Плуги конные	–	–	–	–
Косилки конные	–	–	–	–
Газонокосилки	–	–	–	–
Мотоциклы	–	–	–	–
Сепараторы для молока	–	–	–	–
Мукомольное оборудование и крупорушки	–	–	–	–

направлением. «Пшеницу выращиваем, многолетнюю траву и на корм, и на зерно» (Пензенская область, глава КФХ). СХО могут одновременно развивать растениеводство, выращивая несколько культур (пшеницу, рожь, ячмень, подсолнечник, рапс и др.), и животновод-

Таблица 1

субъектам Пензенской области и Республики Татарстан, %

КФХ				ЛПХ			
Пензенская обл.		Татарстан		Пензенская обл.		Татарстан	
2006	2016	2006	2016	2006	2016	2006	2016
11,9	15,7	11,8	13,4	44,6	59,7	26,5	51,7
26,6	48,1	20,2	32,4	—	—	—	—
10,5	—	—	—	—	—	—	—
31,2	41,2	18,7	37,2	—	—	—	—
4,9	22,7	7,7	22,5	—	—	—	—
30,8	23,9	4,3	—	—	—	—	—
7,3	9,7	8,1	2,8	16,4	74,5	7,7	83,2
—	6,8	6,8	6,2	100,0	78,5	47,1	77,7
—	—	—	—	100,0	100,0	100,0	100,0
0,5	—	0,4	—	99,4	100,0	99,1	100,0
19,0	59,4	19,3	45,7	44,4	—	15,7	—
11,6	58,7	16,5	54,7	66,2	—	28,4	—
25,2	43,6	17,4	32,5	—	—	—	—
—	—	—	—	100,0	—	100,0	—
—	—	—	—	100,0	—	100,0	—
—	—	—	—	—	100,0	—	100,0
—	—	—	—	100,0	100,0	100,0	100,0
—	—	—	—	100,0	100,0	100,0	100,0
—	—	—	—	100,0	100,0	100,0	100,0

ство, связанное с одним видом животных или птицы. *«И растениеводство, и занимаемся производством зерна, производством свеклы, и мясо, молоко. Разностороннее у нас. ...У нас семенное хозяйство есть»* (Республика Татарстан, руководитель СХО).

Переходя к оценке вклада хозяйствующих субъектов в производство сельскохозяйственной продукции, отметим региональные тенденции. Республика Татарстан и Пензенская область специализируются на производстве зерновых и зернобобовых культур, под них отводится половина посевных площадей. В Татарстане в межпереписной период не изменились размеры посевных площадей, используемых под технические и кормовые культуры, в 2 раза увеличилось производство масличных культур. Пензенская область стала выращивать больше технических культур (площади под них увеличились с 9 до 28%) и масличных (увеличение с 5 до 24%), уменьшив выращивание кормовых (с 27 до 15%).

Производство крупного рогатого скота упало в Пензенской области на 46%, в Татарстане – на 11%. Производство молочного КРС снизилось в области на 50%, в республике – на 16%. Произошел прирост поголовья мясного КРС: в области – в 359 раз, в республике – в 14 раз. Объемы выращивания свинины уменьшились в Татарстане на 34%, в Пензенской области – на 23%. Снизились объемы содержания овец и коз: в республике – на 11%, в области – на 22%. Количество пчелосемей в Татарстане увеличилось на 45%, а в Пензенской области сократилось на 6%. Низкие потери КРС в Татарстане информанты объяснили жесткой политикой руководства районов республики. *«Спасибо главе нашей администрации. Он боролся. ...Когда по всей России и по всему Татарстану бартерная система пошла (корову сдаешь, мясо сдаешь – шпегат получаешь, куртку получаешь), у нашего главы района все списки коров, телят, бычков на столе лежали. Когда надо было резать или сдавать, у него разрешение спрашивали. ...Самое главное было – сохранить численность скота»* (глава поселения).

В обоих регионах выросло производство сельскохозяйственной птицы: в Пензенской области в 2006–2016 гг. – в 2 раза, в Татарстане – на 66%. Поголовье курицы в республике составляло в 2006 г. 94% всей производимой сельскохозяйственной птицы, в 2016 г. – 93%, в области – 94 и 81% соответственно. Стали больше производить гусей (в республике – в 1,3 раза, в области – в 1,7 раза), в республике – уток (в 2,3 раза), в области – индеек (в 219 раз).

В растениеводстве отметим усиление роли КФХ и снижение роли СХО. В Татарстане производство зерновых и зернобобовых в СХО упало на 4,7%, в Пензенской области – на 16,5%, тогда как в КФХ в республике оно выросло на 33,4%, в области – на 64%. Производство технических культур в Татарстане увеличилось в СХО на 39,3%, в КФХ на 72,4%. Объемы производства кормовых культур в татарстанских СХО сократились на 5,4%, в КФХ увеличились на 29%. В Пензенской области произошло их сокращение в СХО на 41,2%, в КФХ – прирост в 1,5 раза. Объемы производства масличных культур в республике увеличились и в СХО (на 74,8%), и в КФХ (на 69,5%). В области стали производить в 3 раза меньше масличных культур в СХО, в 5 раз больше в КФХ. Татарстанские ЛПХ произвели картофеля в 2006 г. 75% от всего произведенного в регионе, в 2016 – 80%, пензенские – соответственно 81 и 86%.

Основной вклад в производство мясного КРС в обоих регионах вносят СХО (табл. 2). В Пензенской области в производстве мясного КРС усиливается роль КФХ. В Татарстане наблюдается отсутствие динамики в производстве молочного КРС, главными его производителями оставались СХО республики. Пензенские ЛПХ произвели половину молочного КРС, татарстанские – лишь треть. Вклад СХО

Таблица 2

Распределение поголовья крупного рогатого скота по хозяйствующим субъектам Пензенской области и Республики Татарстан, %

Вид КРС	СХО				КФХ				ЛПХ			
	Пензен- ская обл.		Татарстан		Пензен- ская обл.		Татарстан		Пензен- ская обл.		Татарстан	
	2006	2016	2006	2016	2006	2016	2006	2016	2006	2016	2006	2016
КРС, всего	43,1	41,1	65,9	63,4	2,1	14,8	5,2	7,8	54,8	44,2	28,9	28,8
В том числе:												
молочный	43,1	40,3	65,8	63,3	0,2	12,5	5,1	7,6	54,8	47,2	29,0	29,1
мясной	–	50,1	89,8	63,9	100,0	43,6	10,2	11,3	–	6,3	–	24,8

в производство молочного КРС в Пензенской области составил более 40%. На третьем месте КФХ, вклад которых увеличивается, и особенно заметно в Пензенской области. В целом, в Татарстане в течение 2006–2016 гг. роль хозяйствующих субъектов в производстве КРС не изменилась, а в Пензенской области повысилась роль КФХ и ЛПХ.

В производстве свинины в рассматриваемых регионах наблюдаются небольшое участие КФХ, снижение роли ЛПХ и преобладающее значение СХО. Последний субъект – также главный производитель птицы. В ее выращивании в обоих регионах уменьшается роль ЛПХ. Отметим, что в Пензенской области производство индеек

Таблица 3

Распределение поголовья некоторых видов сельскохозяйственных животных и птиц по хозяйствующим субъектам Пензенской области и Республики Татарстан, %

Вид сельскохозяйственных животных и птиц	СХО				КФХ				ЛПХ			
	Пензенская обл.		Татарстан		Пензенская обл.		Татарстан		Пензенская обл.		Татарстан	
	2006	2016	2006	2016	2006	2016	2006	2016	2006	2016	2006	2016
Свиньи	24,8	59,8	79,1	85,3	7,5	2,8	5,1	2,4	67,6	37,4	15,8	12,3
Овцы и козы	9,2	5,9	4,5	4,1	15,1	12,3	1,8	11,6	75,7	81,8	93,8	84,3
Лошади	14,8	17,5	59,9	46,5	1,3	19,6	4,9	20,2	83,8	63,0	35,1	33,3
Пчелы медоносные (семьи), шт.	5,7	1,9	25,9	4,5	0,8	3,2	5,9	5,3	93,0	94,6	68,0	90,1
Птица сельскохозяйственная, всего	56,5	84,7	66,6	70,9	1,3	1,2	2,4	7,1	42,2	14,0	31,0	22,0
В том числе:												
куры	60,0	85,3	70,6	75,1	1,3	1,1	2,4	6,3	38,7	13,6	26,9	18,6
утки	–	0,5	0,9	–	0,8	3,0	0,3	–	99,2	96,5	98,7	76,8
гуси	–	2,7	8,6	16,6	1,1	23,1	0,5	18,1	98,9	74,2	90,9	65,2
индейки	–	99,2	0,9	63,8	1,6	0,03	55,8	19,0	98,4	0,8	43,3	17,3

перешло от ЛПХ к СХО, а в Татарстане в него вовлечены все хозяйствующие субъекты. В выращивании кур, уток и гусей в республике усиливается роль СХО, а в выращивании уток – ЛПХ. Невелико в этом сегменте значение КФХ, хотя они увеличивают объемы производства.

Проблемой для производителей мяса и молока является стоимость услуг ветеринарных врачей. Такие услуги, по мнению респондентов, должны предоставляться государством. *«За месяц 12–15 тысяч мы должны платить (за ветеринарное обслуживание. – Авт.). ...Молоко, например, повезем в Казань – пятьсот рублей справочка. Второй день поедешь – пятьсот рублей, третий день поедешь – пятьсот рублей. А в другой регион выезжаешь, еще другая расценка. ...Мы согласны, контроль он нужен всегда, везде. Но только не за счет нас самих. Зачем мне платить?»* (Республика Татарстан, глава КФХ).

Фиксируемый рост сельскохозяйственного производства сопровождается проблемой сбыта. *«Вырастили мы урожай... и не знаешь, куда девать. Зерно – пшеница лежит-лежит, никому не надо»* (Пензенская область, глава КФХ). Хозяйствующие субъекты вынуждены отдавать продукцию посредникам. *«Пшеницы в этом году вообще реализации нет. Перекупщики ижевские у меня брали по 6,8 руб. за 1 кг пшеницы. На сегодняшний день потолок 7,5 руб. за 1 кг, но это же перекупщик. Там, где он сдает, цена тонны должна быть на 1000 руб. выше и даже больше. Иначе он покупать у меня зерно не будет, его затраты же все в перевозке»* (Республика Татарстан, глава КФХ). А перекупщики обманным путем «повышают» качество зерна. *«Мы выращиваем третий класс. ...Они берут третий класс и сдают как пятый класс. Вот мошенники! Где-то, значит, принимают так. Потом хлеб реализуют как высшего качества»* (Республика Татарстан, руководитель СХО).

На первый взгляд, в выигрышном положении находятся СХО, поскольку они имеют возможности для межрегиональной кооперации. *«Зерно дилерам продаем, семечки продаем в Казанский КМС. А те в Казанский элеватор вывозят или в Чувашию вывозят, в Мариюку возят. Забирают они от нас сами»* (Республика Татарстан,

руководитель СХО); *«Мы почему туда (в Республику Башкортостан. – Авт.) сдаем? Цена на 1 рубль выше, чем в Татарстане. Сейчас базовая цена по Татарстану 18 руб., у них 19,5»* (Республика Татарстан, руководитель СХО). Однако большие объемы производств у СХО требуют крупных покупателей, которых найти в регионе зачастую крайне сложно из-за предлагаемых ими низких закупочных цен или из-за их принадлежности к крупному агрохолдингу. *«Единственная проблема – как реализовать. Тем более сейчас завод (по переработке сахарной свеклы. – Авт.) относится к... инвестору... Как наше хозяйство самостоятельное, нам трудно. ...Начинаем уборку в сентябре месяце, еле-еле до Нового года заканчиваем. Просто свекла лежит в поле, теряет вес, теряет в качестве. ...Мощности завода не хватает»* (Республика Татарстан, руководитель СХО). Создание единой информационной системы о производителях и обеспечение доступа всех хозяйствующих субъектов к разным типам производств могло бы изменить данную ситуацию.

КФХ и особенно ЛПХ имеют преимущества. То, что их производства небольшие, позволяет им быть гибкими и мобильными. *«...У нас... действует узкая специализация, каждый находит свое место. Кто-то на тракторе оказывает услугу, кто-то на извозе, кто-то сваркой занимается. У нас электрики по всем областям ездят, токари у нас экстракласса. Есть, значит, спрос. Кто-то открывается, пока этот рынок не перенасыщен»* (Пензенская область, глава поселения). Их продукция сбывается через местные предприятия. *«Молоковоз приезжает каждый день и в районный центр (собирает молоко у населения. – Авт.)»* (Республика Татарстан, сотрудник администрации сельского поселения). Другая часть реализуется среди постоянных покупателей, в точках сбыта в районных центрах. *«И живым весом сдают. ...У нас реклама по телефону, по "сарафанному радио" всегда идет. ...Можно в магазине повесить объявление. И кому нужно, придут за мясом. Все же здесь друг друга знают»* (Республика Татарстан, директор Дома культуры). Еще часть перерабатывается. *«Многие сейчас и коптят, и продают (мясо птицы. – Авт.), и молоко продают. В Кузнецк ездят и продают. И сме-*

тану продают. Даже в нашу администрацию приходят... по несколько штук банок сметаны. ...Мигом это все уходит. ...И творожные массы. Они дома делают, приносят, выставляют» (Пензенская область, сотрудник администрации сельского поселения). Производители остаются в прибыли. *«Люди от продажи молока хорошие деньги получают здесь. ...У кого в хозяйстве по пять-семь коров, они в месяц получают за молоко доходы более 70 тыс. рублей»* (Республика Татарстан, глава поселения).

Однако в целом фермеры испытывают трудности со сбытом своей продукции. Решение этой проблемы они видят в создании системы регулирования рынка сельскохозяйственной продукции – в планировании ее производства, переработки и сбыта. *«...Нет системы у нас. ...До сих пор логистики нет у нас. ...Вырастил крестьянин продукцию, а сбыть ее по нормальным ценам не может. ...Вот не знают, сколько выращивать, чего. Как будет куплено? Кем будет куплено? ...Бедный крестьянин! Правда, свобода любая: хочешь – вдоль паши, хочешь – поперек, хочешь – виноград сажай, хочешь – горчицу. Дело твое. Продавать – тоже дело твое»* (Пензенская область, глава КФХ).

Предлагаемые государством способы регулирования рынка не получают широкой поддержки у его участников. Фермеры достаточно скептически оценивают организуемые для них сельскохозяйственные ярмарки (в Пензенской области это «фермерские уголки» – пункты продажи продукции в торговых центрах Пензы, в Татарстане это Агропромышленный парк «Казань», осенние ярмарки на рынках столицы республики). Им необходимо самостоятельно организовать доставку товара, получить справку от ветеринара, найти продавца, который будет в течение дня реализовывать продукцию, а *«у фермера нет времени стоять продавать свою продукцию»* (Республика Татарстан, глава ИП).

Ситуацию осложняет отсутствие у сельхозпроизводителей опыта ведения рыночной экономики. В одном поселении может функционировать несколько хозяйств, производящих одинаковую продукцию. *«У нас же как? Если кто-то магазин построит, то все строят.*

Кто-то сыр начнет делать, то все тоже делают. ...А кто-то коптит мясо – тоже так же другие делают. Вот друг другу и мешают. Зачем? Не надо повторять» (Пензенская область, глава КФХ). Очевидно, обогащение их знаниями в области менеджмента могло бы простимулировать развитие не только сельского хозяйства, но и сельских территорий.

* * *

Итак, для Татарстана характерна стратегия поддержки всех хозяйствующих субъектов аграрной отрасли: на фоне увеличения в республике их числа и разнообразия, сохранения у них посевных площадей, а также укрепления их технической оснащенности наблюдается более сглаженный вклад СХО, КФХ и ЛПХ в развитие растениеводства и производства мяса (включая птицу). Благодаря этому в регионе произошло не столь сильное падение сельского хозяйства, как в Пензенской области, где в отношении участников производства аграрной продукции, напротив, используется стратегия, близкая к режиму конкуренции. В результате в области сократилось число хозяйствующих субъектов, а сохранившиеся стали более экономически состоятельными (накопили больше земли, включая посевную), заняли более весомые (в сравнении с хозяйствами Татарстана) позиции на рынке производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции (КФХ – в растениеводстве, ЛПХ – в выращивании картофеля и овощей) и даже монополизировали отдельные отрасли сельского хозяйства (СХО – производство кур и индейки). По уровню механизации хозяйства Пензенской области уступают татарстанским. В области отмечаются сильное снижение объемов производства КРС (включая молочный), сокращение площадей зерновых, зернобобовых, кормовых культур и картофеля.

Более активное включение Татарстана в федеральные программы поддержки сельхозпроизводителей, информационная и агитационная политика, проводимая на уровне республики и муниципальных районов среди хозяйствующих субъектов, адресная работа с каждым из

них позволяют сделать заключение о более интенсивной аграрной политике данного региона. В пользу этого говорят и зафиксированная практика помощи отстающим хозяйствам, стремление успешных производителей к расширению деятельности за пределами региона из-за дефицита земли в республике.

Сравнение двух субъектов РФ выявило их производственные специализации. Пензенская область стала больше специализироваться на технических, овощных и бахчевых культурах, на выращивании кур и индеек. В Татарстане сильно сократилось производство свинины, но увеличилось поголовье овец, коз, уток. Оба региона стремятся к расширению ассортимента производимой птицы. Это подчеркивает специфику сельскохозяйственных стратегий данных территорий.

Тенденциями, характерными и для Татарстана, и для Пензенской области, являются уменьшение числа работников, занятых в сельском хозяйстве, сокращение общих земельных площадей и площадей, отводимых под сельхозугодья, модернизация сельхозтехники, уменьшение поголовья молочных коров, значительный рост поголовья мясного КРС, развитие интереса к масличным культурам, нехватка земли для производителей. Также отмечаются неравные стартовые возможности и неравенство финансовых ресурсов хозяйствующих субъектов в обоих регионах. Татарстан и Пензенская область похожи и в том, что КФХ, ЛПХ и СХО так и не стали в этих регионах весомыми участниками сельскохозяйственной отрасли, хотя налицо повышение их технической оснащенности и увеличение их значения в региональном аграрном производстве. Кроме того, и в республике, и в области не решается часть проблем их хозяйствующих субъектов, которые находятся в зоне компетенции федерального центра.

* * *

Авторы выражают благодарность к.с.н. О.П. Фадеевой и к.э.н. В.И. Нефёдкину за комментарии по теме статьи, сделанные во время совместных экспедиций.

Список источников

1. Барлыбаев А.А. Социально-экономическая природа и типы фермерских хозяйств в России // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 3. – С. 74–82.
2. Барлыбаев А.А., Барлыбаева Ф.Б., Барлыбаев У.А. Многофункциональность семейных хозяйств на селе и устойчивое развитие сельской экономики // Аграрная наука. – 2011. – № 2. – С. 8–10.
3. Барсукова С.Ю. Дилемма «фермеры – агрохолдинги» в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. – 2016. – № 5. – С. 63–74. – URL: <http://ecsosman.hse.ru/data/2018/11/18/1251871220/63-74%D0%20%D0%91%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).
4. Башмачников В. Возрождение фермерства в России (взгляд очевидца и авангардного участника). – Казань: Престиж-пресс, 2010. – 622 с.
5. Бигашев А.Р., Стрекалова Г.Р. Особенности развития и кредитования малых и средних фермерских хозяйств в Республике Татарстан // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – Т. 16, № 21. – С. 323–327. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-i-kreditovaniya-malyh-i-srednih-fermerskih> (дата обращения: 20.02.2020).
6. Бойко А.Н. Личные подсобные хозяйства как один из источников доходов сельских жителей Хабаровского края // Сельское хозяйство в современной экономике: новая роль, факторы роста, риски. – М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова; Энциклопедия российских деревень, 2009. – С. 183–184.
7. Бондаренко Ю.П. Перспективы многоукладности аграрного сектора России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2016. – № 1. – URL: <http://www.iagpran.ru/datas/users/4fed8e1533dd186af200b9f8e3105508.pdf> (дата обращения: 01.02.2020).
8. Дорофеев А.Ф., Кутаев Ю.А. Развитие семейного бизнеса в аграрном секторе экономики как фактор устойчивого развития сельских территорий Центрального Черноземья // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 1 (136). – С. 24–28.
9. Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 342 с.
10. Калугина З.И. Сельское предпринимательство в современной России: микрия старых и становление новых форм // ЭКО. – 2016. – № 6 (504). – С. 78–98.
11. Калугина З.И., Фадеева О.П. Инновационные процессы в аграрной сфере // Всероссийский экономический журнал. – 2008. – № 10. – С. 66–79. – URL: http://www.econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/2008_10/Kalugina.htm (дата обращения: 08.02.2020).
12. Кудряшов В.И. Формы и типы крестьянских (фермерских) хозяйств // Достижения науки и техники АПК. – 2002. – № 6. – С. 55–58.

13. *Малюк Л.И., Павлов А.Ю.* Роль малых форм хозяйствования в развитии сельских территорий (на материалах Пензенской области) // Нива Поволжья. – 2017. – № 1 (42). – С. 111–115.
14. *Намруева Л.В.* Современное село Калмыкии: социологический срез. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. – 178 с.
15. *Расулов М.А.* Крестьянские (фермерские) хозяйства в Республике Дагестан // История, археология и этнография Кавказа. – 2016. – Т. 12 (3). – С. 153–168. – URL: <https://doi.org/10.32653/CH123153-168> (дата обращения: 20.02.2020).
16. *Савченко Т.В., Улезько А.В., Киященко Л.В.* Семейные фермы в системе устойчивого развития сельских территорий. – Воронеж: ФГБОУ ВПО Воронежский ГАУ, 2013. – 174 с.
17. *Самсонов В.В.* Подсобные хозяйства сельского населения: вариации и модели развития // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия. – 2013. – Т. 11, вып. 3. – С. 103–111.
18. *Сизова Н.П.* Развитие крестьянских (фермерских) хозяйств в регионе: направления государственной поддержки и механизм регулирования: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – Улан-Удэ, 2010. – 21 с.
19. *Узун В.Я., Шагайда Н.И., Сарайкин В.А.* Агрохолдинги России и их роль в производстве зерна / ФАО Региональное бюро по Европе и Центральной Азии; Исследования по политике перехода сельского хозяйства № 2012-2. Июль, 2012. – URL: <http://www.fao.org/3/CA1817RU/ca1817ru.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).
20. *Фадеева О.П.* Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию / Под ред. З.И. Калугиной. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 264 с.
21. *Юрченко К.А.* Совершенствование арендных отношений земель сельскохозяйственного назначения // Проблемы экономики и менеджмента. – 2013. – № 4 (20). – С. 58–62.

Информация об авторах

Габдрахманова Гульнара Фаатовна (Россия, Казань) – доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, Казань, ул. Батурина, 7А, e-mail: medi54375@mail.ru).

Сагдиева Эльвина Азадовна (Россия, Казань) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, Казань, ул. Батурина, 7А, e-mail: elvina_n@inbox.ru).

DOI: 10.15372/REG20200408

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 4 (108), p. 175–201

G.F. Gabdrakhmanova, E.A. Sagdieva

**FEATURES OF ECONOMIC ENTITIES DEVELOPMENT
IN THE AGRICULTURAL INDUSTRY OF PENZA OBLAST
AND REPUBLIC OF TATARSTAN**

The article deals with the development features pertaining to agricultural organizations, peasant farms, and subsidiary household plots in the Republic of Tatarstan and Penza Oblast. The research is based on the context of the regions' development strategies and agricultural policies. We put forward a hypothesis that, despite the agricultural policy uniformity nationwide, the dynamics of agriculture in these regions are ensured, among other things, by economic entities changing economic priorities. To analyze these strategies, we use data on production specializations and resources of economic entities from the 2006 and 2016 All-Russian Agricultural Censuses. The examination of regional agricultural policies relies on their estimates given by experts over interviews.

Here findings may serve state authorities in establishing agricultural industry regulations. One conclusion is that regions conduct distinct agricultural policies. Tatarstan's agricultural sector experiences soft intensification, while the government intends to support as many economic entities as possible. By contrast, Penza Oblast aims to lower the number of economic entities and strengthen individual industry participants economy-wise. We find useful learning the trends in enhancing the production specializations of the regions, as well as discovering that they have common problems in the agricultural sectors which are the federal center's responsibility.

Keywords: Penza Oblast; Republic of Tatarstan; economic entities; agricultural policy; census; agricultural organization; peasant farm; subsidiary household plot

For citation: *Gabdrakhmanova, G.F. & E.A. Sagdieva. (2020). Osobennosti razvitiya khozyaystvuyushchikh subyektov agrarnoy otrasli Penzenskoy*

oblasti i Respubliki Tatarstan [Features of economic entities development in the agricultural industry of Penza Oblast and Republic of Tatarstan]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (108), 175–201. DOI: 10.15372/REG20200408.

The authors express their gratitude to Candidate of Sociology O.P. Fadeeva and Candidate of Economics V.I. Nefedkin for commenting on the article's subject during joint expeditions.

References

1. *Barlybaev, A.A.* (2003). Sotsialno-ekonomicheskaya priroda i tipy fermerskikh khozyaystv v Rossii [Socioeconomic nature and types of farm units in Russia]. Problemy prognozirovaniya [Studies of Russian Economic Development], 3, 74–82.
2. *Barlybaev, A.A., F.B. Barlybaeva & U.A. Barlybaev.* (2011). Mnogofunktsionalnost semeynykh khozyaystv na sele i ustoychivoe razvitie selskoy ekonomiki [Multifunction of family economies in the countryside and stable development of farming economics]. Agrarnaya nauka [Agrarian Science], 2, 8–10.
3. *Barsukova, S.Yu.* (2016). Dilemma “fermery-agrokholdingi” v kontekste importozameshcheniya [The dilemma of the “farmers vs agricultural holdings” in the context of import substitution]. Obshchestvennye nauki i sovremennost [Social Sciences Today], 5, 63–74. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2018/11/18/1251871220/63-74%D0%91%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf> (date of access: 20.02.2020).
4. *Bashmachnikov, V.* (2010). Vozrozhdenie fermerstva v Rossii (vzglyad ochevidtsa i avangardnogo uchastnika) [Revival of farming in Russia (the view of an eyewitness and avant-garde participant)]. Kazan, Prestizh-Press Publ., 622.
5. *Bigashev, A.R. & G.R. Strekalova.* (2013). Osobennosti razvitiya i kreditovaniya malykh i srednikh fermerskikh khozyaystv v Respublike Tatarstan [The specifics of development and loan services of small and middle farms in the Republic of Tatarstan]. Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta [Bulletin of Kazan National Research Technological University], Vol. 16, No. 21, 323–327. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-i-kreditovaniya-malyh-i-srednih-farmerskikh> (date of access: 20.02.2020).
6. *Boyko, A.N.* (2009). Lichnye podsobnyye khozyaystva kak odin iz istochnikov dokhodov selskikh zhiteley Khabarovskogo kraya [Private farms as a revenue source for rural residents in Khabarovsk Krai]. Selskoe khozyaystvo v sovremennoy ekonomike: novaya rol, faktory rosta, riski [Agriculture in the Contemporary Economy: New Role, Growth Factors, Risks]. Moscow, A.A. Nikonov VIAP, Encyclopedia of Russian Villages Publ., 183–184.

7. *Bondarenko, Yu.P.* (2016). Perspektivy mnogoukladnosti agrarnogo sektora Rossii [Prospects for multiformity of the Russian agrarian sector]. Regionalnye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya [Regional Agrosystems: Economics and Sociology], 1. Available at: <http://www.iagpran.ru/datas/users/4fed8e1533dd186af200b9f8e3105508.pdf> (date of access: 01.02.2020).
8. *Dorofeev, A.F. & J.A. Kitayev.* (2010). Razvitie semeynogo biznesa v agrarnom sektore ekonomiki kak faktor ustoychivogo razvitiya selskikh territoriy Tsentralnogo Chernozem'ya [Development of family business in agrarian sector of economy as a factor of sustainable development of rural territories of the central black-soil region]. Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economics: Theory and Practice], 1 (136), 24–28.
9. *Kalugina, Z.I.* (2015). Rynoch'naya transformatsiya agrarnogo sektora Rossii. Sotsiologicheskii diskurs [Market Transformation of Agrarian Sector of Russia. Sociological Discourse]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 342.
10. *Kalugina, Z.I.* (2016). Selskoe predprinimatel'stvo v sovremennoy Rossii: mimi-kriya starykh i stanovlenie novykh form [Agriculture business in modern Russia: the mimicry of the old forms and the emergence of the new forms]. EKO [ECO], 6 (504), 78–98.
11. *Kalugina, Z.I. & O.P. Fadeeva.* (2008). Innovatsionnye protsessy v agrarnoy sfere [Innovation processes in agriculture]. Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal [ECO], 10, 66–79. Available at: http://www.econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/2008_10/Kalugina.htm (date of access: 8.02.2020).
12. *Kudryashov, V.I.* (2002). Formy i tipy krestyanskikh (fermerskikh) khozyaystv [Forms and types of farms]. Dostizheniya nauki i tekhniki APK [Achievements of Science and Technology of AIC], 6, 55–58.
13. *Maluk, L.I. & A.Yu. Pavlov.* (2017). Rol mal'nykh form khozyaystvovaniya v razvitiy selskikh territoriy (na materialakh Penzenskoy oblasti) [The role of small farms in rural development (on the materials of Penza region)]. Niva Povolzh'ya [Volga Region Farmland], 1 (42), 111–115.
14. *Namrueva, L.V.* (2017). Sovremennoe selo Kalmykii: sotsiologicheskii srez [Modern Village of Kalmykia: A Sociological Slice]. Elista, Kalmyk Scientific Center RAS Publ., 65–77.
15. *Rasulov, M.A.* (2016). Krestyanskije (fermerskie) khozyaystva v Respublike Dagestan [Farm households in the republic of Dagestan]. Istoriya, arkhologiya i etnografiya Kavkaza [History, Archeology and Ethnography of the Caucasus], Vol. 12, No. 3, 153–168. Available at: <https://doi.org/10.32653/CH123153-168> (date of access: 20.02.2020).
16. *Savchenko, T.V., A.V. Ulezko & L.V. Kiyashchenko.* (2013). Semeynye fermy v sisteme ustoychivogo razvitiya selskikh territoriy [Family Farms in the System of Sustainable Rural Development]. Voronezh, Voronezh State Agricultural University Publ., 174.

17. *Samsonov, V.V.* (2013). Podsobnye khozyaystva selskogo naseleniya: variatsii i modeli razvitiya [Part-time farms of agricultural population: variations and development models]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy], Vol. 11, Iss. 3, 103–111.

18. *Sizova, N.P.* (2010). Razvitie krestyanskikh (fermerskikh) khozyaystv v regione: napravleniya gosudarstvennoy podderzhki i mekhanizm regulirovaniya: Avtoref. diss. ... kand. ekon. nauk [The Development of Peasant Farms in the Region: Areas of State Support and Regulation Mechanism: Author's abstract for the Candidate of Economics Thesis]. Ulan-Ude, 21.

19. *Uzun, V.Ya., N.I. Shagaida & V.A. Saraykin.* (2012). Agrokholdingi Rossii i ikh rol v proizvodstve zerna [Agroholdings of Russia and their role in grain production]. FAO Regionalnoe byuro po Evrope i Tsentralnoy Azii. Issledovaniya po politike perekhoda selskogo khozyaystva [FAO Regional Office for Europe and Central Asia. Policy Studies on Rural Transition], 2012-2, July. Available at: <http://www.fao.org/3/CA1817RU/ca1817ru.pdf> (date of access: 20.02.2020).

20. *Fadeeva, O.P. & Z.I. Kalugina* (Ed.). (2015). Selskie soobshchestva i khozyaystvennye układy: ot vyzhivaniya k razvitiyu [Rural Communities and Economic Structures: From Survival to Development]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 264.

21. *Yurchenko, K.A.* (2013). Sovershenstvovanie arendnykh otnosheniy zemel sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya [Improving the lease of agricultural land]. Problemy ekonomiki i menedzhmenta [Problems of Economics and Management], 4 (20), 58–62.

Information about the authors

Gabdrakhmanova, Gulnara Faatovna (Kazan, Russia) – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Head of the Department for Ethnological Research at Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin st., Kazan, 420111, Russia, e-mail: medi54375@mail.ru).

Sagdieva, Elvina Azadovna (Kazan, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher at the Department for Ethnological Research at Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin st., Kazan, 420111, Russia, e-mail: elvina_n@inbox.ru).

Поступила в редколлегию 07.04.2020.

После доработки 11.05.2020.

Принята к публикации 12.05.2020.

УДК 332.1+339.9

Регион: экономика и социология, 2020, № 4 (108), с. 202–234

И.П. Глазырина, Л.М. Фалейчик, А.А. Фалейчик

ИНВЕСТИЦИИ И ТРАНСГРАНИЧНАЯ КООПЕРАЦИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

Данную статью можно рассматривать как продолжение идущей в научном сообществе дискуссии о том, какова роль институциональной трансформации на Дальнем Востоке после 2013 г. в развитии восточных территорий России, в контексте трансграничных экономических связей. Анализируется динамика прямых иностранных инвестиций (ПИИ), в том числе в разрезе основных отраслей. Рассматривается связь этой динамики с темпами экономического роста.

Расчеты показали, что корреляция между объемом ПИИ и скоростью экономического роста в регионах на Востоке России не наблюдается. Трансграничная кооперация в форме ПИИ в изучаемый период не внесла существенного вклада в диверсификацию экономики восточных регионов. В большинстве регионов основная часть этих инвестиций направлялась в минерально-сырьевой сектор. Доля ПИИ, направляемых в обрабатывающую промышленность, сельское хозяйство, строительство, торговлю, деятельность гостиниц и ресторанов, индустрию развлечений, с 2015 г. составляла, как правило, не более 1% от общероссийских в соответствующих отраслях.

Нет оснований полагать, что к настоящему времени ПИИ, стимулы для которых призваны были создать на Дальнем Востоке новые институты, внесли существенный вклад в развитие современной высокотехнологичной экономики в восточных регионах. «Дальневосточная» институциональная трансформация не изменила «экстрактивного» характера экономических (и политических) институтов. Экономические преференции для востока страны в некоторой степени способствуют привлечению инвестиций, однако преимущественно только в условиях поддержки из федерального бюджета и государственных гарантий. Авторы полагают, что на первый план выходит задача постепенной трансформации

институтов в сторону повышения их «инклюзивности». Задача институционального проектирования в восточных регионах требует, помимо политической воли, значительного участия научного сообщества.

Ключевые слова: институциональная трансформация; трансграничная кооперация; прямые иностранные инвестиции (ПИИ); диверсификация экономики

Для цитирования: Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. Инвестиции и трансграничная кооперация на Востоке России // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 202–234. DOI: 10.15372/REG20200409.

ВВЕДЕНИЕ

Прошло совсем немного времени с 2013 г., после того как, по выражению П.А. Минакира, «на Дальний Восток обрушилась лавина институциональных новаций» [12, с. 9]. Однако наблюдаемые последствия уже вызвали неоднозначную оценку. В научной литературе представлены разные, иногда полярные мнения по поводу перспектив этой институциональной трансформации. В отличие от оптимистических утверждений, преимущественно исходивших от официальных органов разных уровней, а также от компаний, в научных статьях оценка достигнутых результатов в лучшем случае осторожная. Незвизирая на это, некоторые исследователи смотрят на будущее таких инициатив с оптимизмом. Другие выражают серьезную тревогу или даже скептицизм относительно возможности дойти до декларируемых целей с теми инструментами, которые предлагаются в программах и стратегиях [6; 11; 14; и др.]. С одной стороны, высказывается мнение, что территории опережающего развития (ТОР/ТОСЭР) могут стать «опорным каркасом процесса новой индустриализации» [8, с. 76] и крупные высокотехнологичные предприятия, создаваемые с помощью государства, станут драйвером развития. С другой стороны, предъявляются довольно убедительные аргументы в пользу утверждений о неоднозначной роли ТОРов и других «дальневосточных» инструментов в перспективах развития экономики востока страны [6; и др.].

В статье П.А. Минакира и О.М. Прокапало [13] высказывается мнение, что в данной ситуации более значимым, чем инвестиционная поддержка, является фактор качества институтов. В этой работе новый режим управления характеризуется как совокупность «экстрактивных»¹ институтов.

Убедительные аргументы в пользу «экстрактивности» новых институтов представлены в работе Н.Е. Антоновой и Н.В. Ломакиной [23]. Там не только показано, что главный поток инвестиций направляется в ресурсные проекты, но и приведено довольно тонкое наблюдение в некотором смысле обратного процесса: новые институциональные инструменты развиваются и постепенно модифицируются в интересах крупных сырьевых компаний. Ясно, что это вряд ли способствует диверсификации экономики. Однако на этот счет тоже нет единой оценки: поскольку на востоке сырьевая специализация сложилась исторически, может быть, нет необходимости в диверсификации?

Так или иначе, дискуссия по поводу «дальневосточной институциональной трансформации» продолжается. Настоящая работа представляет собой попытку внести вклад в эту дискуссию: какова роль данной трансформации в контексте трансграничных экономических связей и каковы ее последствия для основных отраслей?

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПОТОКИ

Одна из основных целей институциональных новаций состояла в создании благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций – была надежда, что в большей степени, чем раньше, будут реализованы преимущества географического положения для

¹ К *экстрактивным* относятся институты, ориентированные на извлечение экономической или политической ренты и перераспределение ее в интересах элит – небольших групп, обладающих экономической и/или политической властью. Они противопоставляются *инклюзивным* институтам, которые обеспечивают благоприятные условия для производительной деятельности и роста ее эффективности в интересах большинства граждан [15; 22].

экономических связей с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона в соответствии с объявленным «поворотом на Восток». Но эти ожидания оправдались лишь в незначительной степени. Объемы поступивших инвестиций действительно выросли, но большая часть их направляется в сырьевые проекты, реализация которых не оказывает существенного влияния на структуру экономики и на рост благосостояния жителей макрорегиона² (см. также [2]).

Тем не менее поток инвестиций не может не влиять на экономический рост, и в данном разделе мы попытаемся охарактеризовать это влияние и его проявление в субъектах РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ³ (см. также [4]) и Байкальский регион. Мы анализировали соотношение между суммарными объемами подушевых инвестиций в основной капитал (ОК), поступивших в рассматриваемые регионы за 2005–2018 гг., и подушевым ВРП за 2018 г. в ценах 2005 г. Рисунок 1 ожидаемо демонстрирует наличие положительной корреляции между этими показателями, однако это не может быть доказательством причинно-следственной связи между первым и вторым. Не исключено, что регионы с большим ВРП уже в начале рассматриваемого периода оказывались более привлекательными для инвесторов в силу различных обстоятельств (ресурсная база, инфраструктура, количество и качество трудовых ресурсов и др.) [9].

Кроме того, из этого нельзя сделать однозначный вывод о влиянии инвестиционных потоков на прирост ВРП, т.е. на скорость экономического роста. Эти сомнения в некоторой степени подтверждает рис. 2, который показывает соотношение между накопленными за 2005–2018 гг. объемами подушевых инвестиций и приростом по-

² См.: Глазырина И.П., Фалейчик Л.М. К вопросу о сохранении человеческого капитала на Востоке России: жизнь учителя и врача после «майских указов» // ЭКО. – 2019. – № 5. – С. 48–65. DOI: 10.30680/eco0131-7652-2019-5-48-65; Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. Пространственная дифференциация чистых доходов и проблемы сохранения населения в приграничных регионах на востоке России // Известия РАН. Сер. географическая. – 2020. – Т. 84, № 3. – С. 341–358. DOI: 10.31857/S2587556620030152.

³ С 2018 г. в состав ДФО включены Забайкальский край и Республика Бурятия.

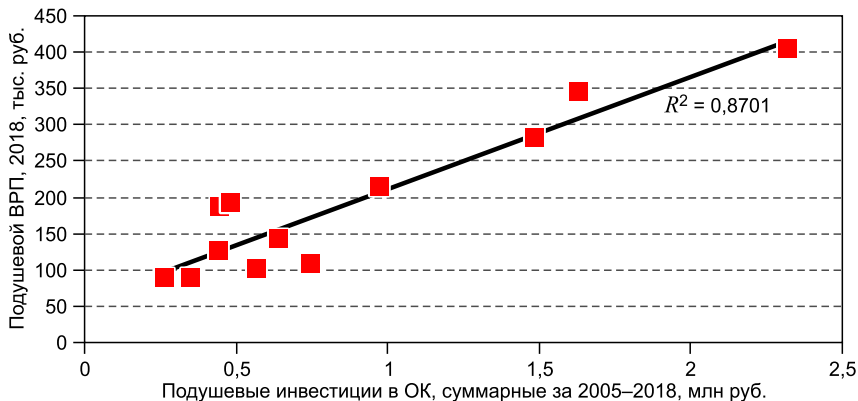

Рис. 1. Регрессионная связь суммарных объемов подушевых инвестиций в основной капитал, поступивших за 2005–2018 гг., и подушевого ВРП за 2018 г. в ценах 2005 г.

душевого ВРП за этот период: в данном случае корреляция между названными показателями значительно слабее.

Рисунок 3 позволяет оценить, как изменились инвестиционные потоки на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе с 2011 по 2018 г.,

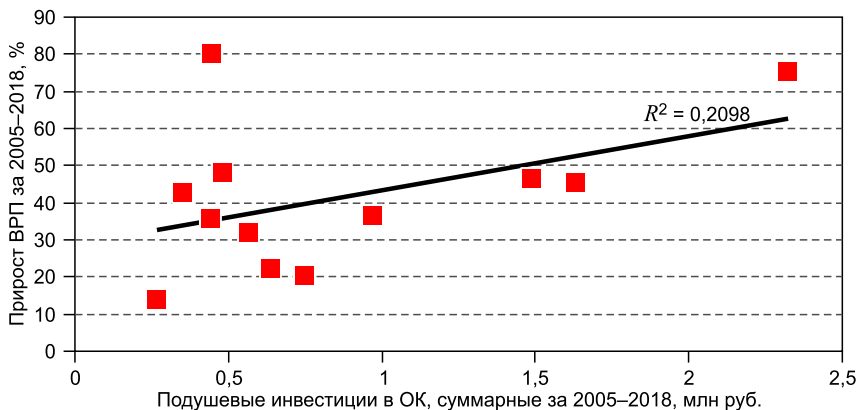

Рис. 2. Регрессионная связь суммарных объемов подушевых инвестиций в основной капитал, поступивших за 2005–2018 гг., в ценах 2005 г. и прироста ВРП за тот же период, % к 2005 г.

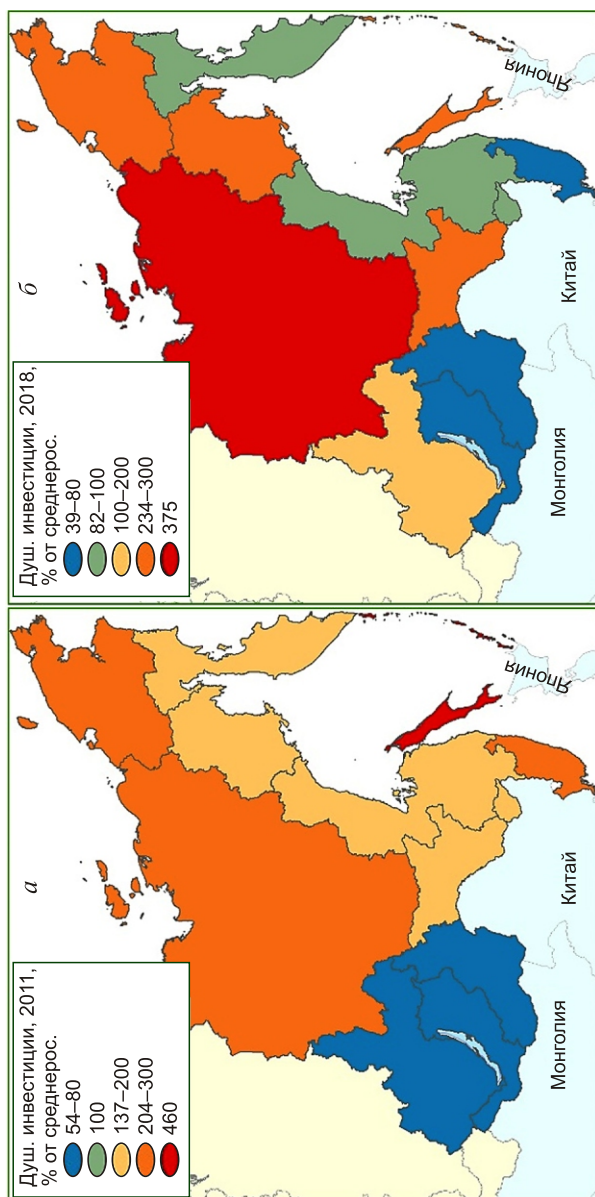

Рис. 3. Подушевые объемы инвестиций в основной капитал в 2011 г. (а) и 2018 г. (б), % к среднероссийскому значению

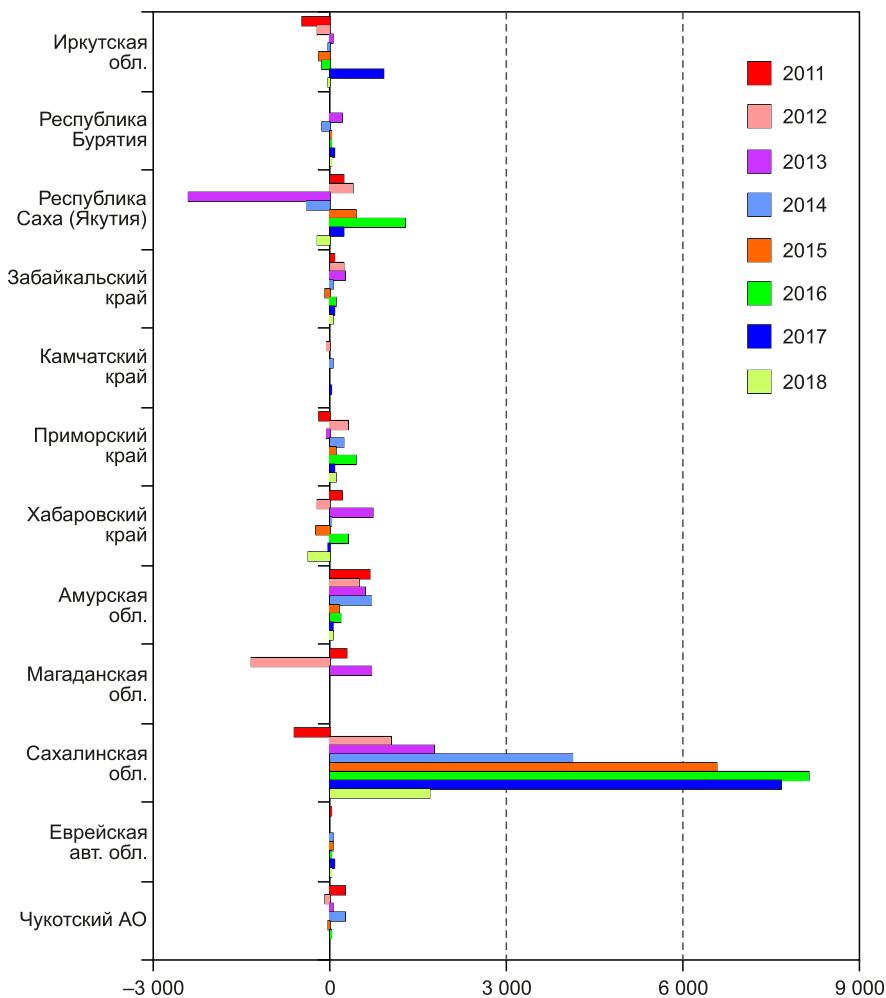

Рис. 4. Поступление прямых иностранных инвестиций в субъекты РФ Дальнего Востока и Байкальского региона в 2011–2018 гг., сальдо, млн долл. США

Данные представлены в соответствии с принципом активов/пассивов: «+» означает превышение активов над обязательствами, «-» означает превышение обязательств над активами

Источник: рассчитано авторами на основе информации ЦБ РФ

и сравнить их со среднероссийским уровнем. Очевидно, что однозначный вывод о более интенсивных инвестиционных процессах в восточных регионах страны, чем в среднем в России, мы сделать не можем. Хотя объем суммарных инвестиций на душу населения, поступивших с 2011 по 2018 г., в ДФО в 1,7 раза превышает среднероссийский [2].

Напомним, что одной из основных целей институциональных новаций декларировалось создание благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций, с тем чтобы более эффективно реализовать преимущества географического положения восточных регионов и развивать более тесную экономическую интеграцию со странами АТР. На рисунке 4 представлена динамика поступлений (сальдо) прямых иностранных инвестиций (ПИИ) за период 2011–2018 гг. Прежде всего стоит отметить, что подавляющая часть этих инвестиционных потоков досталась нефтегазовому сектору Сахалинской области (преимущественно в форме участия в основном капитале) [18]. Вряд ли можно утверждать, что динамика ПИИ за этот период во всех регионах была однозначно положительной. «Новые» дальневосточные регионы – Бурятия и Забайкалье, которые практически не были охвачены институциональными новациями, не отличаются в отношении ПИИ ни в лучшую, ни в худшую сторону.

Нас интересовал вопрос о возможной роли ПИИ в рассматриваемых регионах в период нестабильности после 2014 г., когда экономика России испытывала воздействие сразу нескольких экономических шоков, которые могли влиять разнонаправленно на различные отрасли⁴. Для того чтобы учесть временной лаг, был рассмотрен период инвестирования с 2011 г. Среднедушевой объем поступивших ПИИ на Дальнем Востоке в этот период практически был равен среднероссийскому [2]. Как показывает рис. 5, соотношение между объемом поступивших за 2011–2018 гг. ПИИ и экономическим ростом (приростом ВРП) выглядит почти парадоксально. Положительный, но небольшой (3,4%) прирост ВРП произошел в Сахалинской области, где суммарный объем ПИИ практически на порядок выше, чем в дру-

⁴ Например, снижение курса рубля увеличивало доходы экспортеров сырья и одновременно повышало издержки импортозависимых производств.

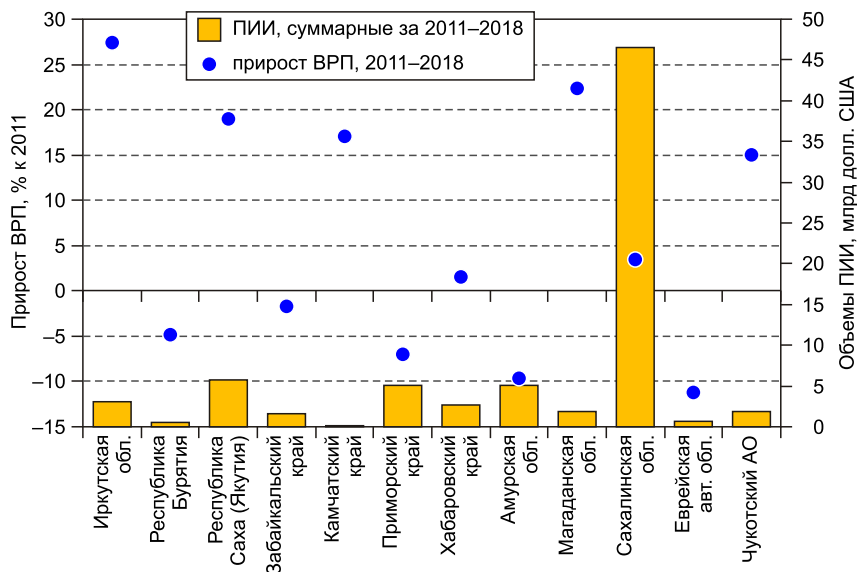

Рис. 5. Суммарные объемы прямых иностранных инвестиций, поступивших в субъекты РФ Дальнего Востока и Байкальского региона за 2011–2018 гг., млрд долл. США, и прирост ВРП за тот же период, % к 2011 г.

Источник: рассчитано авторами на основе информации ЦБ РФ и Росстата

гих регионах. Иркутская и Магаданская области, где объемы поступивших ПИИ можно оценить как средние, имеют самый высокий прирост ВРП (27,3 и 22,3% соответственно). В то же время в Амурской области при сопоставимом с показателями этих регионов объеме поступивших ПИИ наблюдалось существенное снижение ВРП (–9,7%).

Невысокий прирост ВРП на Сахалине можно объяснить снижением мировых цен на нефть в рассматриваемый период. Одновременно это свидетельствует о том, что значительный многолетний поток ПИИ в данный регион не стал основой для развития на этой территории диверсифицированной экономики, устойчивой к внешним шокам. Поэтому вряд ли можно говорить о существенном мультипликативном эффекте от развития мощного нефтегазового сектора. В одной из недавних работ [2] показано, что аналогичное заключение

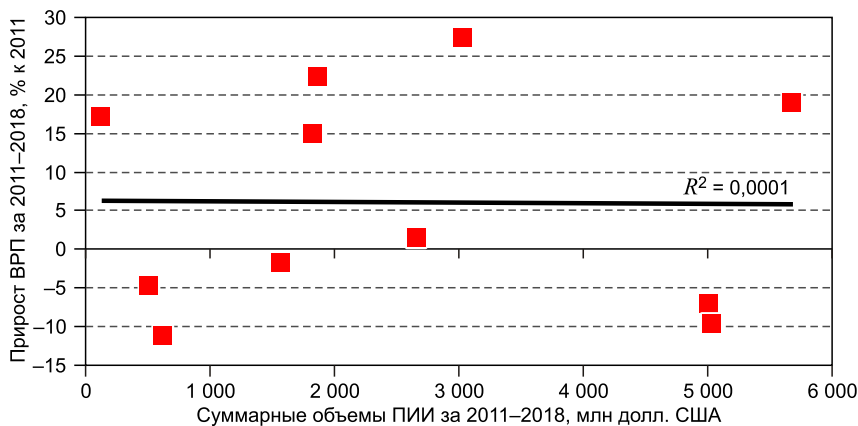

Рис. 6. Регрессионная связь суммарных объемов прямых иностранных инвестиций, поступивших в субъекты РФ Дальнего Востока и Байкальского региона (за исключением Сахалинской области) за 2011–2018 гг., и прироста ВРП за тот же период

Данные без учета изъятия прямых инвестиций

Источник: рассчитано авторами на основе информации ЦБ РФ и Росстата

мы можем сделать в отношении качества жизни по показателю доли жилого фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства. Приток инвестиций стимулирует увеличение поступлений в региональный бюджет и создает дополнительные возможности для бюджетных инвестиций. Как отмечается в работе [17], в Сахалинской области объем бюджетных инвестиций в период 2010–2016 гг. составлял 25–35% ВРП. По сравнению с другими регионами показатель довольно высокий, однако это лишь доли процента от общих инвестиционных потоков. Можно говорить об активизации в последние годы инвестиционных инициатив в гостиничном бизнесе, развитии спорта, туризма и отдыха в рамках новой ТОР «Горный воздух», где на 01.01.2020 представлено уже 24 резидента и поступило более 9 млрд руб. инвестиций⁵. Однако результаты этой деятельности можно будет увидеть только через несколько лет.

⁵ URL: <http://investinsakhalin.ru/ru/ploshchadki/toser/>.

Если же мы исключим из рассмотрения Сахалинскую область (поскольку рост в остальных регионах в гораздо меньшей степени зависит от экспорта и цен на нефть) и попытаемся выявить соотношение между инвестиционными потоками и экономическим ростом, то увидим, что корреляция этих процессов практически отсутствует (рис. 6).

ГЕОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВ ИНВЕСТИЦИЙ

Еще одно обстоятельство, которое важно отметить, – то, что страны Азиатско-Тихоокеанского региона формально уже не являются главными источниками потоков ПИИ. Д.А. Изотов в работе [7] приходит к выводу, что в 2015–2017 гг. «основным источником поступивших ПИИ на Дальний Восток (расчеты проведены для девяти «старых» регионов ДФО. – *Авт.*) стали являться офшорные территории, что может быть вызвано опасением корпоративного сектора пострадать от санкционных ограничений и необходимостью минимизировать прочие риски и издержки» [7, с. 151]. Автор не исключает, что по этой причине снизилась доля инвестиций из Японии, Кореи и некоторых европейских стран. Есть основание предполагать, что значительную долю составляют «фиктивные» ПИИ, т.е. ранее выведенные из России средства зарубежных компаний, конечными бенефициарами которых являются российские граждане. Таблица 1 показывает, что для Дальнего Востока и Байкальского региона офшорные инвестиции являются доминирующими, и к 2020 г. Китай, который принято считать инвестиционным донором Дальнего Востока, стал занимать довольно скромное место (0,7%).

При более детальном рассмотрении в разрезе регионов мы видим, что в большинстве из них доля ПИИ, поступивших из КНР, заметнее, но все же она незначительна (табл. 2). Исключением стал Забайкальский край, где в последние годы этот показатель вырос и в 2018 г. достиг 73,2%. Бóльшая часть этих средств была инвестирована в строительство Амазарского целлюлозного завода, который, по мнению многих экспертов, является одним из самых экономически

Таблица 1

Распределение прямых иностранных инвестиций, поступивших в субъекты РФ Дальнего Востока и Байкальского региона: остатки по субъектам РФ и странам-партнерам, всего, млн долл. США (по состоянию на дату)

Страна прямого инвестора (прямого инвестирования)	01.01. 2015	01.01. 2016	01.01. 2017	01.01. 2018	01.01. 2019	01.01. 2020
Кипр	2 531,40	2 220,02	2 713,69	3 288,50	3 531,05	4 800,86
КНР	271,47	695,23	147,29	494,48	494,49	567,22
Республика Корея	160,68	167,15	243,14	137,81	207,65	212,71
Соединенное Королевство	297,14	184,87	262,02	11,72	12,10	0,30
США	25,10	13,34	55,69	49,65	48,88	39,97
Нидерланды	0,01	0,01	485,54	631,18	624,76	663,60
Япония	51,33	57,37	96,10	116,42	119,17	186,43
Офшоры	35 518,58	34 629,63	54 751,69	56 442,94	68 107,98	62 880,26
В том числе:						
Британские Виргинские острова	241,91	205,87	202,44	109,12	–2,62	8,75
Бермуды	14 443,05	13 177,44	21 231,5	30 743,91	29 232,51	36 939,32
Багамы	20 827,61	21 226,87	33 298,41	25 570,57	38 858,76	25 862,45
Джерси	4,07	4,10	3,98	3,98	3,98	69,74
Панама	1,80	15,21	15,22	15,22	15,21	–
Не распределено по странам	3 693,02	3 089,39	4 508,44	4 390,88	4 917,03	5 909,82
Всего по субъектам ДФО и Байкальского региона	42 600,16	40 371,64	63 402,87	65 797,39	79 605,41	77 135,66

Примечание: категория «не распределено по странам» включает конфиденциальные данные.

Источник: рассчитано авторами на основе информации ЦБ РФ.

Таблица 2

**Географическое распределение прямых иностранных инвестиций
в субъекты РФ Дальнего Востока и Байкальского региона, всего,
% (по состоянию на начало года)**

Субъект РФ / страна прямого инвестора (прямого инвестирования)	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Амурская обл.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Кипр	61,9	70,2	63,3	80,3	86,1	64,4
КНР	2,7	5,5	6,1	5,2	7,6	6,8
Соединенное Королевство	28,4	19,5	25,3	0,0	0,0	0,0
Международные организации и институты	6,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Республики бывшего СССР	0,0	0,0	1,1	0,9	1,3	1,1
Не распределено по странам	0,5	4,8	4,1	13,5	5,0	27,6
Забайкальский край	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Кипр	22,4	8,0	9,3	12,6	54,4	63,5
КНР	50,7	0,4	0,8	73,2	39,4	32,5
Соединенное Королевство	5,0	2,8	2,9	2,4	1,1	0,0
США	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0
Британские Виргинские острова	0,0	0,0	0,0	0,0	0,5	0,4
Республики бывшего СССР	0,0	0,1	0,3	0,3	0,1	0,1
Не распределено по странам	21,7	88,5	86,5	11,4	4,4	3,5
Республика Бурятия	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Кипр	76,3	0,0	0,0	0,0	0,0	89,5
КНР	0,0	0,0	12,3	12,8	6,5	6,1
Республика Корея	3,8	2,9	1,8	1,2	1,0	0,8
Монголия	0,0	0,0	1,5	1,0	0,7	0,6
Республики бывшего СССР	0,1	0,0	2,6	1,7	1,3	1,2
Не распределено по странам	19,6	96,9	80,5	82,6	89,8	1,2
Еврейская авт. обл.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Израиль	0,1	0,0	0,3	0,5	0,4	0,3
Кипр	0,0	0,0	0,0	0,0	32,7	0,0

Продолжение табл. 2

Субъект РФ / страна прямого инвестора (прямого инвестирования)	2015	2016	2017	2018	2019	2020
КНР	22,2	23,0	9,2	14,0	8,3	4,3
Республики бывшего СССР	0,0	0,0	0,2	0,4	0,3	0,2
Не распределено по странам	77,7	76,9	90,2	85,0	58,3	95,1
Камчатский край	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Британские Виргинские острова	0,3	0,4	0,1	0,1	0,1	0,0
Гонконг	0,2	0,3	0,1	0,0	0,1	0,2
КНР	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1
Румыния	0,4	0,5	0,1	0,1	0,1	0,0
США	3,1	4,1	0,8	0,7	0,8	0,1
Украина	0,1	0,1	0,3	0,3	0,3	0,3
Япония	26,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Республики бывшего СССР	0,2	0,6	0,7	0,6	0,6	0,5
Не распределено по странам	68,7	93,2	98,1	98,3	98,1	99,3
Магаданская обл.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
США	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	-26,7
Бермуды	0,0	0,0	0,0	0,0	60,0	0,0
Республики бывшего СССР	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1
Не распределено по странам	100,0	100,0	99,9	99,9	39,5	123,1
Приморский край	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Австралия	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0
Британские Виргинские острова	5,3	4,3	3,0	-1,3	-0,4	0,1
Вьетнам	0,3	0,2	0,3	0,4	0,2	0,1
Гонконг	1,6	1,2	6,8	9,8	5,2	4,3
Джерси	0,4	0,3	0,2	0,2	0,2	0,0
Кипр	31,8	41,3	31,3	49,0	51,7	52,1
КНР	-0,1	-3,8	0,8	0,1	-1,5	-1,2

Продолжение табл. 2

Субъект РФ / страна прямого инвестора (прямого инвестирования)	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Республика Корея	8,9	7,9	8,3	4,5	5,9	5,3
Международные организации и институты	0,9	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Сингапур	0,2	0,2	0,0	0,2	2,1	2,7
Швейцария	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0
Нидерланды	0,0	0,0	0,9	0,0	0,0	0,0
Новая Зеландия	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0
США	0,0	0,0	0,8	0,8	0,5	0,4
Япония	3,1	4,6	4,3	7,0	4,7	5,2
Республики бывшего СССР	0,0	0,1	0,8	0,7	0,6	0,5
Не распределено по странам	47,2	43,4	42,3	27,8	30,6	30,5
Республика Саха (Якутия)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Кипр	12,4	2,1	0,2	0,1	0,0	3,1
Китай	0,0	0,0	−0,3	0,1	0,1	0,1
Нидерланды	0,0	0,0	3,9	3,9	4,0	4,8
Республики бывшего СССР	0,0	0,0	0,7	0,6	0,5	0,5
Не распределено по странам	87,6	97,9	95,4	95,3	95,4	91,6
Сахалинская обл.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Багамы	57,7	60,4	59,8	44,4	56,1	40,4
Бермуды	40,0	37,5	38,2	53,4	42,2	57,7
Кипр	0,8	0,7	0,2	0,2	0,1	0,2
КНР	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Республика Корея	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
Нидерланды	0,0	0,0	0,7	0,9	0,8	0,9
США	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0
Япония	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Республики бывшего СССР	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Не распределено по странам	1,3	1,3	1,0	0,9	0,7	0,7

Продолжение табл. 2

Субъект РФ / страна прямого инвестора (прямого инвестирования)	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Хабаровский край	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Бельгия	0,4	0,6	0,3	0,3	0,4	0,0
Британские Виргинские острова	0,3	0,3	0,2	0,2	0,3	0,0
Германия	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0
Гонконг	0,3	0,4	0,2	0,2	0,3	0,0
Кипр	98,2	101,2	103,1	96,3	92,5	125,2
Китай	3,7	5,0	2,4	1,6	2,2	2,7
Республика Корея	4,9	8,5	3,5	3,6	5,0	2,2
Латвия	0,1	0,1	0,1	0,2	1,1	0,0
Панама	0,2	0,3	0,2	0,1	0,2	0,0
Сингапур	-2,7	-4,4	-2,3	-2,6	-3,6	-4,7
США	0,2	0,1	0,6	0,7	1,5	0,0
Япония	0,1	0,2	0,1	0,1	0,3	2,4
Республики бывшего СССР	0,1	0,2	0,1	0,3	1,1	0,0
Не распределено по странам	-6,0	-12,6	-8,4	-0,9	-0,5	-27,7
Чукотский АО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Британские Виргинские острова	47,8	51,3	44,7	44,1	0,0	0,0
Джерси	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	18,7
Не распределено по странам	52,2	48,7	55,3	55,9	100,0	81,3
Иркутская обл.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Белиз	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Германия	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0
Гонконг	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0
Испания	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0
Кипр	45,9	51,7	45,1	38,0	23,7	19,9
Китай	0,0	0,1	0,1	0,0	0,4	0,0

Окончание табл. 2

Субъект РФ / страна прямого инвестора (прямого инвестирования)	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Республика Корея	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1
Панама	0,0	2,8	2,5	2,0	1,4	0,0
Швейцария	0,5	0,6	2,7	2,6	1,8	0,0
Швеция	0,0	0,0	0,4	0,4	0,3	0,2
Республики бывшего СССР	0,6	0,9	0,8	0,6	0,4	0,0
Не распределено по странам	52,8	43,8	48,2	56,2	71,6	79,7

Примечания: 1) категория «не распределено по странам» включает конфиденциальные данные; 2) отрицательные величины долей означают отток капитала.

Источник: рассчитано авторами на основе информации ЦБ РФ.

сомнительных и экологически опасных проектов⁶, включенных в орбиту мегапроекта «Один пояс – один путь» [3]. В 2019 г. он был изъят из российского Перечня приоритетных инвестиционных проектов, где присутствовал много лет, несмотря на постоянную критику со стороны научного сообщества и экологических организаций⁷. Его экономическая несостоятельность в конечном итоге привела к скандалу при попытке продажи на бирже Гонконга⁸. Таким образом, значительные инвестиции из КНР в Забайкальском крае вряд ли можно рассматривать как успешные в контексте трансграничной кооперации.

Относительно высокая доля прямых инвестиций из КНР зафиксирована в Еврейской автономной области, где в 2015–2016 гг. она превышала 22%. Основная часть этих средств направлялась в добычу полезных ископаемых и операции с недвижимым имуществом. Вызывает удивление, что в отчетности Центрального банка РФ не отме-

⁶ URL: http://www.transrivers.org/pdf/20200429CSO%20Statement_on_High_Quality_Projects.pdf.

⁷ URL: www.wwf.ru/resources/news/article/11353.

⁸ См.: *The buyers of the Amazar Pulp Mill acknowledged that they misinformed the Hong Kong Stock Exchange.* – URL: <http://www.transrivers.org/2019/2892/>.

чены инвестиции в сельское хозяйство региона (см. далее табл. 3). Хотя известно, что там находятся предприятия, выращивающие сою для последующего экспорта в Китай, и в этом регионе китайские инвесторы арендуют около 30% от общего количества посевных площадей. Китайские предприниматели арендуют примерно 500 га земли на Дальнем Востоке, кроме Еврейской автономной области еще в Хабаровском крае и Амурской области [1; 18; 19], где доля ПИИ из Китая составляла от 1,6 до 7,6% в разные годы.

КУДА ПРИХОДЯТ ИНВЕСТИЦИИ?

Отраслевые показатели прямых иностранных инвестиций по субъектам РФ в Дальневосточном федеральном округе и Байкальском регионе представлены в табл. 3. Почти везде доминирующей в инвестиционном плане сферой является добыча полезных ископаемых. Данные табл. 3 позволяют также оценить место, которое занимают ПИИ в различных отраслях экономики этих регионов по отношению к ПИИ в России. Заметный объем иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность мы видим в Приморском крае и Иркутской области. В обоих случаях высокая доля ПИИ в обрабатывающую промышленность приходится на Кипр и на категорию не распределенных по странам (см. табл. 2), что дает основания для предположения, что часть из них – это «фиктивные» инвестиции. В остальных регионах иностранные вложения в развитие обрабатывающих производств незначительны или отсутствуют.

Несмотря на приграничное положение южных регионов на востоке страны, ПИИ в деятельность гостиниц и ресторанов, которые могли бы способствовать развитию международного туризма, отмечаются только в Приморском и Хабаровском краях, причем в очень незначительных масштабах. В 2016–2018 гг. вывод средств в этом секторе превысил приток инвестиций, хотя в предыдущие три года их объем превышал 10% от общероссийского. Объемы ПИИ в области культуры, досуга и развлечений несколько выше, но они также сокращаются.

Таблица 3

**Прямые инвестиции в экономику Российской Федерации:
остатки по видам экономической деятельности по субъектам РФ
Дальнего Востока и Байкальского региона, всего, млн долл. США
(по состоянию на начало года)**

ВЭД предприятия прямого инвестирования (прямого инвестора) / субъект РФ	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Сельское, лесное хозяйство, охота и рыболовство, всего по РФ	1 442,6	1 347,0	1 236,6	1 135,9	1 220,3	1 499,1
Амурская обл.	—	—	3,3	2,6	3,5	3,8
Забайкальский край	—	—	18,0	19,5	18,8	18,2
Иркутская обл.	—	—	1,1	1,2	1,1	1,1
Приморский край	110,1	79,8	118,8	99,1	71,2	22,3
Хабаровский край	–37,7	0,6	61,4	57,5	22,3	41,8
<i>Всего по группе</i>	<i>72,4</i>	<i>80,4</i>	<i>202,5</i>	<i>179,9</i>	<i>116,9</i>	<i>87,3</i>
Не распределено по регионам РФ	689,7	623,1	550,7	537,9	550,2	684,3
Добыча полезных ископаемых, всего по РФ	67 353,1	72 706,6	103 765,2	114 970,5	125 505,3	132 230,3
Амурская обл.	59,3	63,4	410,7	—	—	303,6
Еврейская авт. обл.	—	—	85,1	–62,8	36,4	71,7
Забайкальский край	170,3	110,2	82,4	100,2	678,0	1 135,8
Иркутская обл.	232,0	42,6	246,2	73,3	652,9	907,1
Магаданская обл.	—	16,7	3,0	3,2	2,6	2,9
Приморский край	—	—	12,2	10,4	54,6	89,3
Республика Бурятия	—	—	—	—	—	267,5
Республика Саха (Якутия)	1 351,6	89,8	765,1	1 031,0	2 155,8	1 399,1
Сахалинская обл.	35 389,5	34 501,8	54 615,0	56 399,8	68 154,2	62 851,9
Хабаровский край	154,0	167,5	418,1	435,5	—	38,3

Продолжение табл. 3

ВЭД предприятия прямого инвестирования (прямого инвестора) / субъект РФ	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Чукотский АО	—	—	37,5	25,3	2,7	220,2
<i>Всего по группе</i>	<i>37 356,5</i>	<i>34 992,0</i>	<i>56 675,1</i>	<i>58 015,9</i>	<i>71 737,0</i>	<i>67 287,4</i>
Не распределено по регионам РФ	3 780,3	5 253,0	29 586,6	18 304,3	44 481,8	8 677,2
Обрабатывающие производства, всего по РФ	77 450,5	71 792,3	97 312,3	110 089,2	100 067,8	115 327,2
Амурская обл.	—	—	—	30,1	—	—
Забайкальский край	—	—	—	—	—	—
Иркутская обл.	119,0	134,4	134,0	186,4	164,6	286,0
Приморский край	144,9	107,9	187,3	189,7	187,7	226,1
Республика Саха (Якутия)	—	68,2	35,2	16,1	15,9	19,7
Сахалинская обл.	—	—	19,2	18,4	17,9	18,0
Хабаровский край	—	—	21,2	—	—	—
<i>Всего по группе</i>	<i>263,9</i>	<i>310,6</i>	<i>396,8</i>	<i>440,6</i>	<i>386,1</i>	<i>549,7</i>
Не распределено по регионам	30 037,5	29 608,6	41 749,5	49 914,5	46 278,1	51 327,9
Строительство, всего по РФ	10 722,7	9 144,6	2 515,1	4 707,1	4 377,6	3 781,6
Амурская обл.	1,3	11,3	11,1	11,8	11,3	11,4
Забайкальский край	—	—	—	—	—	4,7
Приморский край	39,7	55,8	77,1	11,5	34,9	44,6
Республика Бурятия	8,7	9,7	9,9	9,9	9,9	9,9
Сахалинская обл.	4,3	3,6	7,0	6,9	6,4	6,2
Хабаровский край	14,5	14,5	5,0	6,2	14,7	14,7
<i>Всего по группе</i>	<i>68,5</i>	<i>95,0</i>	<i>110,1</i>	<i>46,4</i>	<i>77,2</i>	<i>91,5</i>
Не распределено по регионам	342,5	150,7	212,0	312,2	382,7	360,8

Продолжение табл. 3

ВЭД предприятия прямого инвестирования (прямого инвестора) / субъект РФ	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Торговля оптовая и розничная; ремонт ав- тотранспортных средств и мотоциклов, всего по РФ	62 715,9	64 801,1	77 238,0	83 627,4	81 530,2	88 899,9
Амурская обл.	—	—	—	0,3	0,2	2,9
Иркутская обл.	3,3	1,5	0,5	0,6	0,5	0,5
Приморский край	–17,7	–53,5	–35,5	–739,1	–36,2	69,6
Республика Бурятия	—	—	0,4	0,4	—	—
Сахалинская обл.	5,6	16,6	37,7	27,5	20,6	31,4
Хабаровский край	32,0	–5,6	7,7	9,2	26,3	41,2
<i>Всего по группе</i>	<i>23,1</i>	<i>–41,1</i>	<i>10,8</i>	<i>–701,2</i>	<i>11,5</i>	<i>145,7</i>
Не распределено по регионам	13 924,5	16 637,8	21 992,3	28 414,1	30 463,5	25 152,5
Транспортировка и хранение, всего по РФ	5 521,6	5 298,0	14 068,8	17 850,1	16 821,0	17 341,2
Приморский край	7,9	343,9	393,0	590,5	683,8	1 324,4
Сахалинская обл.	54,8	45,3	—	69,9	61,2	2,7
Хабаровский край	48,0	44,7	59,5	79,2	82,9	131,2
<i>Всего по группе</i>	<i>110,6</i>	<i>433,9</i>	<i>452,5</i>	<i>739,5</i>	<i>827,9</i>	<i>1 458,3</i>
Не распределено по регионам	726,7	497,4	813,6	830,9	7 084,1	8 725,8
Деятельность гости- ниц и предприятий об- щественного питания, всего по РФ	608,0	578,8	643,4	800,4	679,7	1 174,2
Приморский край	—	—	—	2,4	2,4	2,5
Хабаровский край	—	—	—	—	—	0,8
<i>Всего по группе</i>	<i>—</i>	<i>—</i>	<i>—</i>	<i>2,4</i>	<i>2,4</i>	<i>3,3</i>

Продолжение табл. 3

ВЭД предприятия прямого инвестирования (прямого инвестора) / субъект РФ	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Не распределено по регионам	67,8	66,2	77,0	-67,8	-81,9	-116,8
Деятельность фи- нансовая и страховая, всего по РФ	62 313,0	51 312,0	68 099,0	76 974,9	60 132,3	97 993,1
Амурская обл.	463,9	—	—	—	—	—
Камчатский край	13,7	—	—	—	—	—
Приморский край	16,4	36,2	125,0	151,4	164,5	—
<i>Всего по группе</i>	<i>494,0</i>	<i>36,2</i>	<i>125,0</i>	<i>151,4</i>	<i>164,5</i>	—
Не распределено по регионам	691,0	2 503,4	2 740,1	3 516,4	3 242,0	29 850,4
Деятельность по опе- рациям с недвижимым имуществом, всего по РФ	13 223,4	11 446,9	30 864,1	34 073,3	29 432,9	33 818,2
Амурская обл.	28,8	42,4	61,9	66,5	56,1	63,0
Еврейская авт. обл.	0,4	0,9	7,6	12,2	10,2	11,4
Забайкальский край	2,7	2,2	4,2	4,4	3,7	4,1
Иркутская обл.	4,6	4,1	—	—	0,9	0,7
Камчатский край	3,8	3,1	1,7	1,8	1,5	1,6
Магаданская обл.	0,6	0,5	—	—	—	-1,8
Приморский край	35,8	29,4	65,8	71,8	60,3	70,8
Республика Бурятия	1,6	1,2	24,0	25,3	21,0	23,0
Республика Саха (Якутия)	1,8	1,3	15,3	16,2	13,4	15,1
Сахалинская обл.	3,4	2,6	74,2	78,1	65,2	73,1
Хабаровский край	22,0	17,6	—	—	—	20,0
<i>Всего по группе</i>	<i>105,3</i>	<i>105,1</i>	<i>254,6</i>	<i>276,3</i>	<i>232,2</i>	<i>281,0</i>
Не распределено по регионам	484,2	622,2	674,6	961,0	918,7	449,7

Продолжение табл. 3

ВЭД предприятия прямого инвестирования (прямого инвестора) / субъект РФ	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Деятельность профес- сиональная, научная и тех- ническая, всего по РФ	1 404,2	1 190,3	1 749,3	48 593,3	41 619,6	55 994,2
Амурская обл.	—	—	—	194,3	137,0	180,3
Забайкальский край	—	—	—	23,8	21,4	1,1
Иркутская обл.	—	—	—	14,1	16,3	18,6
Магаданская обл.	—	—	—	5,4	6,7	5,5
Приморский край	—	—	—	—	—	2,2
Республика Саха (Якутия)	—	—	—	—	—	74,5
Сахалинская обл.	—	—	—	893,6	893,2	893,5
Хабаровский край	—	—	—	48,6	17,7	77,0
<i>Всего по группе</i>	—	—	—	<i>1 180,0</i>	<i>1 092,1</i>	<i>1 252,6</i>
Не распределено по регионам	25,7	1 090,0	1 749,3	1 540,6	950,6	1 074,5
Деятельность в об- ласти культуры, спорта, организации досуга и раз- влечений, всего по РФ	610,8	372,6	521,4	383,5	366,9	419,8
Приморский край	—	—	—	—	—	128,3
<i>Всего по группе</i>	—	—	—	—	—	<i>128,3</i>
Не распределено по регионам	146,1	182,5	186,0	201,1	171,7	82,0
Предоставление про- чих видов услуг, всего по РФ	26 605,1	25 319,6	43 846,3	86,1	232,3	248,4
Амурская обл.	161,4	126,6	145,9	—	—	—
Забайкальский край	15,8	2,5	18,1	—	—	—
Иркутская обл.	6,1	6,9	11,0	—	—	—

Окончание табл. 3

ВЭД предприятия прямого инвестирования (прямого инвестора) / субъект РФ	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Магаданская обл.	0,0	—	5,3	—	—	—
Приморский край	0,6	1,7	—	—	—	—
Сахалинская обл.	523,8	513,0	791,3	—	—	—
Хабаровский край	—	—	5,3	—	—	—
Чукотский АО	—	—	4,3	—	—	—
<i>Всего по группе</i>	<i>707,7</i>	<i>650,7</i>	<i>981,1</i>	—	—	—
Не распределено по регионам	2 178,8	1 267,7	5 715,8	29,6	57,6	29,0

Примечания: 1) категория «не распределено по регионам» включает конфиденциальные данные; 2) отрицательные величины означают отток капитала.

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе информации ЦБ РФ.

Инвестиции в строительство и операции с недвижимым имуществом могут в определенной степени свидетельствовать о международной кооперации в процессах, способствующих диверсификации экономики. Они отмечены практически во всех рассматриваемых регионах, однако и здесь мы видим незначительные объемы вложений. В 2018 г. ПИИ в операции с недвижимым имуществом составили чуть более 2% от общероссийских.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы и высказать ряд гипотез.

1. Более 62% ПИИ, поступивших в период с 2011 по 2018 г. в субъекты РФ Дальнего Востока и Байкальского региона, были направлены в Сахалинскую область, главным образом в нефтегазовый сектор. Приток ПИИ в расчете на душу населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе был не выше среднероссийского во всех субъектах

РФ, за исключением Сахалина. В большинстве других регионов большая часть ПИИ направлялась также в минерально-сырьевой сектор.

2. Расчеты показали, что корреляции между объемом ПИИ и скоростью экономического роста в регионах на Востоке России не наблюдается.

3. Особенности географии ПИИ, отмеченные для периода 2015–2017 гг. в работе [7], сохранились и в 2020 г. Основными «донорами» ПИИ остались офшорные компании, на которые в Сахалинской области пришлось более 98% накопленных инвестиций. Несмотря на репутацию КНР как стратегического партнера для России, инвестиционные потоки из Китая трудно определить как значительные и существенно влияющие на развитие восточных регионов нашей страны.

4. Трансграничная кооперация в форме ПИИ в рассматриваемый период не внесла существенного вклада в диверсификацию экономики восточных регионов. Доля ПИИ, направленных в обрабатывающую промышленность, сельское хозяйство, строительство, торговлю, деятельность гостиниц и ресторанов, индустрию развлечений, с 2015 г. составляла, как правило, не более 1% от общероссийских в соответствующих отраслях. Поэтому вряд ли мы можем полагать, что к настоящему времени ПИИ, стимулы для которых должны были быть созданы новыми дальневосточными институтами, внесли существенный вклад в развитие современной высокотехнологичной экономики в восточных регионах, как предполагалось в программных документах. Даже в приграничных восточных регионах, которые призваны выступать «естественными локомотивами региональных интеграционных процессов» [10, с. 10], ПИИ в указанные сектора не играют заметной роли.

5. Можно констатировать, что Дальний Восток России, имея протяженную границу с быстрорастущими странами АТР, экспортируя со своей территории сырьевые товары, в целом еще не получил импульса для развития современной экономики, обеспечивающей достаточный уровень благосостояния граждан. Экономика Дальнего Востока на протяжении четверти века сокращалась в среднем на 1% в год [7]. К системным факторам, препятствующим диверсификации сырьевого экспорта макрорегиона, необходимо отнести монополизацию рынка, часто проявляющуюся в вытеснении регионального

бизнеса крупными федеральными собственниками, и эти тенденции сохраняются.

6. Вероятно, было бы преждевременным делать из этого вывод о бесполезности усилий по привлечению ПИИ в восточные регионы. Однако важно подчеркнуть, что даже очень масштабный поток инвестиций сам по себе не приводит автоматически и быстро к формированию устойчивой и процветающей экономики.

7. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г., относит все дальневосточные регионы к «приоритетным геостратегическим территориям» страны. В ней сформулирована задача содействовать «повышению конкурентоспособности региональных экономик с учетом перспективных экономических специализаций». Однако мы разделяем сомнения, высказанные в работе Н.В. Зубаревич [5], в осуществимости заявленных целей стратегии в существующих экономических условиях. В любом случае ясно, что «дальневосточная» институциональная трансформация не изменила «экстрактивного» характера [13] экономических (и политических) институтов. Экономические преференции для востока страны в некоторой степени способствуют привлечению инвестиций, однако преимущественно только в условиях поддержки из федерального бюджета и государственных гарантий. Мы полагаем, что на первый план выходит задача постепенной трансформации институтов в сторону повышения их «инклюзивности».

8. Вопрос об адекватных задачах развития институтов в ресурсных регионах России достаточно активно обсуждается в научной литературе [11; 20; 24–27; и др.] уже два десятилетия. Одним из центральных аспектов дискуссии является сомнение в необходимости дальнейшего усиления дальневосточных структур, в частности Минвостокразвития (многие считают их слишком дорогими и недостаточно эффективными), и разработки новых форм преференций в рамках ТОР. В качестве альтернативы рассматриваются укрепление базовых институтов на всей территории страны (в том числе проведение судебной реформы), общее снижение уровня налогов на труд и повышение ресурсных платежей при сохранении общей налоговой нейт-

ральности. В любом случае задача институционального проектирования [21] для восточных регионов требует, помимо политической воли, значительного участия научного сообщества [16]. Очень важно, чтобы усилия экспертов не оставались «консультационным фоном», а были реально включены в процедуры совершенствования институциональной среды.

В работе представлены результаты, полученные в рамках проекта XI.174.1.8 Программы фундаментальных научных исследований СО РАН и проекта 19-010-00485 Российского фонда фундаментальных исследований

Список источников

1. Антонова Н.Е. Экономический пояс Шелкового Пути: есть ли возможности для развития биоресурсного сектора Дальнего Востока? // ЭКО. – 2016. – № 7 (505). – С. 37–55.
2. Глазырина И.П., Гурова О.Н. «Жилищный вопрос» для геостратегических территорий на востоке России // ЭКО. – 2020. – № 8. – С. 125–140. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2020-8-125-140.
3. Глазырина И.П., Симонов Е.А. «Экологическая цивилизация» Китая: новые вызовы или новые перспективы для России? // ЭКО. – 2015. – № 7 (493). – С. 52–72.
4. Зотова М.В., Колосов В.А., Гриценко А.А., Себенцов А.Б., Карпенко М.С. Территориальные градиенты социально-экономического развития российского пограничья // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. – 2018. – № 5. – С. 7–21. DOI: 10.1134/S2587556618050163.
5. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145.
6. Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. – 2017. – № 4. – С. 27–44.
7. Изотов Д.А. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России с субглобальными экономическими структурами в условиях рецессии национальной экономики // Пространственная экономика. – 2018. – № 1. – С. 138–153. DOI: 10.14530/se.2018.1.138-153.
8. Исаев А.Г. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. – 2017. – № 4. – С. 61–77.
9. Коломак Е.А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. – 2014. – № 4. – С. 82–99.
10. Колосов В.А. Российское пограничье: сотрудничество и вызовы соседства // Российское пограничье: Социально-политические и инфраструктурные проблемы / Под ред. В.А. Колосова и А.Б. Володина. – М.: ИГ РАН, 2016. – С. 8–25.

11. *Крюков В.А.* Недалённый Восток // ЭКО. – 2017. – № 4. – С. 2–4.
12. *Минакир П.А.* Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 7–17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017.
13. *Минакир П.А., Прокапало О.М.* Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – № 2. – С. 146–155.
14. *Минакир П.А., Прокапало О.М.* Российский Дальний Восток: экономические фобии и политические амбиции // ЭКО. – 2017. – № 4. – С. 5–26.
15. *Натхов Т.В., Полищук Л.И.* Политэкономика институтов: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой D. Acemoglu, J. Robinson “Why Nations Fail”. Ч. 1: Институты и экономическое развитие. Институциональный выбор // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. – № 2. – С. 12–38. DOI: 10.31737/2221-2264-2017-34-2-1.
16. *Пармон В.Н., Крюков В.А., Селиверстов В.Е.* Трансграничные взаимодействия на Востоке России: научное сопровождение и задачи Сибирского отделения РАН // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 2 (106). – С. 226–258. DOI: 10.15372/REG20200210.
17. *Питияк Д.А., Егорова А.Д.* Анализ основных тенденций развития инвестиционных процессов в Сахалинской области // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2018. – № 8. – С. 88–101
18. *Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // Пространственная экономика. – 2019. – № 2. – С. 110–149. DOI: 10.14530/se.2018.2.110-149.
19. *Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2017 г. // Пространственная экономика. – 2018. – № 2. – С. 92–133. DOI: 10.14530/se.2018.2.092-133.
20. *Ресурсные регионы России в «новой реальности»* / Под ред. В.В. Кулешова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 308 с.
21. *Тамбовцев В.Л.* Основы институционального проектирования. – М: Проспект, 2016. – 144 с.
22. *Acemoglu D., Robinson J.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. – N.Y.: Crown Business Publ., 2012. – 529 p.
23. *Antonova N.E., Lomakina N.V.* Institutional innovations for the development of the east of Russia: effects of implementation in the resource region // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 442–452.
24. *Challen R.* Institutions, Transaction Costs and Environmental Policy: Institutional Reform for Water Resource. – Aldershot, UK: Edward Elgar Publ., 2000. – 233 p.
25. *Крюков В.А., Токарев А.Н.* Contemporary features of innovative development of the Russian mineral resource complex // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 12, № 12. – С. 2193–2208. DOI: 10.17516/1997-1370-0518.

26. *Marshall G.R.* Transaction costs, collective action and adaptation in managing socio-economic system // *Ecological Economics*. – 2013. – Vol. 88. – P. 185–194. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2012.12.030.

27. *Ostrom E.* A general framework for analyzing sustainability of social-ecological systems // *Science*. – 2009. – Vol. 325, Iss. 5939. – P. 419–422. DOI: 10.1126/science.1172133.

Информация об авторах

Глазырина Ирина Петровна (Россия, Чита) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая лабораторией эколого-экономических исследований Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672014, Чита, ул. Недорезова, 16а, а/я 1032); профессор, заведующая кафедрой прикладной информатики и математики Забайкальского государственного университета; e-mail: iglazyrina@bk.ru.

Фалейчик Лариса Михайловна (Россия, Чита) – кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории эколого-экономических исследований Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672014, Чита, ул. Недорезова, 16а, а/я 1032); e-mail: lfaleychik@bk.ru.

Фалейчик Андрей Анатольевич (Россия, Чита) – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры прикладной информатики и математики Забайкальского государственного университета (672039, Чита, ул. Александров-Заводская, 30); e-mail: faa55@bk.ru.

DOI: 10.15372/REG20200409

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 4 (108), p. 202–234

I.P. Glazyrina, L.M. Faleychik, A.A. Faleychik

INVESTMENT AND CROSS-BORDER COOPERATION IN THE EAST OF RUSSIA

This article may be viewed as another chapter in an ongoing discussion among researchers about the role of the Far Eastern institutional transformation after 2013 in Eastern Russia's development against the background

of cross-border economic relationships. We consider the dynamics of foreign direct investment (FDI), including that for the major industries.

Our calculations show no correlation between FDI volumes and economic growth rates in the eastern regions of Russia. During the period under review, FDI-based cross-border cooperation had little effect on economic diversification in the eastern regions. In most, the majority of investment was allocated to the mineral resources sector. Since 2015, the FDI share in manufacturing, agriculture, construction, trade, hotels and restaurants, and the entertainment industry has generally been no more than 1% of the national total in the relevant sectors.

There is no reason to believe that by now, FDI, stimulated by the creation of new institutions in the Far East, has contributed significantly to a modern high-tech economy in Eastern Russia. The “Far Eastern” institutional transformation has not changed the “extractive” nature of economic (and political) institutions. Economic preferences for the Russian East help attract investment, to some extent, but mainly if supported by the federal budget and state guarantees. We believe that the gradual transformation of institutions toward their “inclusiveness” is becoming a primary task. Institutional design in the eastern regions requires, besides political will, active involvement of the scientific community.

Keywords: institutional transformation; cross-border cooperation; foreign direct investment; economic diversification

For citation: Glazyrina, I.P., L.M. Faleychik & A.A. Faleychik. (2020). Investitsii i transgranichnaya kooperatsiya na Vostoke Rossii [Investment and cross-border cooperation in the East of Russia]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (108), 202–234. DOI: 10.15372/REG20200409.

The publication presents findings obtained within the project XI.174.1.8 of the Program for Basic Research of the Siberian Branch of the RAS and project No. 19-010-00485 of the Russian Foundation for Basic Research

References

1. Antonova, N.E. (2016). Ekonomicheskiy pojas Shelkovogo Puti: est li vozmozhnosti dlya razvitiya bioresursnogo sektora Dalnego Vostoka? [Economic belt of the Silk Way: Whether there are opportunities for development of bioresource sector of the Far East?]. EKO [ECO], 7 (505), 37–55.

2. *Glazyrina, I.P. & O.N. Gurova.* (2020). “Zhilishchnyy vopros” dlya geostrategicheskikh territoriy na vostoке Rossii [“Housing problem” for geostrategic territories in the east of Russia]. *EKO [ECO]*, 8, 125–140. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-125-140.
3. *Glazyrina, I.P. & E.A. Simonov.* (2015). “Ekologicheskaya tsivilizatsiya” Kitaya: novye vyzovy ili novye perspektivy dlya Rossii? [“Chinese environmental civilization”: the new challenges or the new opportunities for Russia?]. *EKO [ECO]*, 7 (493), 52–72.
4. *Zotova, M.V., V.A. Kolosov, A.A. Gritsenko, A.B. Sebentsov & M.S. Karpenko.* (2018). Territorialnye gradienty sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya rossiyskogo pogranichya [Territorial gradients in the socioeconomic development of the Russian border regions]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Ser. geograficheskaya [Herald of the Russian Academy of Sciences. Series: Geography]*, 5, 7–21. DOI: 10.1134/S2587556618050163.
5. *Zubarevich, N.V.* (2019). Strategiya prostranstvennogo razvitiya: priority i instrumenty [Spatial development strategy: priorities and instruments]. *Voprosy ekonomiki [Problems of Economics]*, 1, 135–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145.
6. *Izotov, D.A.* (2017). Dalniy Vostok: novatsii v gosudarstvennoy politike [The current government decisions for economic development of the Russian Far East: a critical view]. *EKO [ECO]*, 4, 27–44.
7. *Izotov, D.A.* (2018). Investitsionnoe sotrudnichestvo Dalnego Vostoka Rossii s subglobalnymi ekonomicheskimi strukturami v usloviyakh retsessii natsionalnoy ekonomiki [Russian Far East’ investment cooperation with sub-global economic structures under the conditions of the national economy’s recession]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 1, 138–153. DOI: 10.14530/se.2018.1.138-153.
8. *Isaev, A.G.* (2017). Territorii operezhayushchego razvitiya: novyy instrument regionalnoy ekonomicheskoy politiki [The territories of accelerated development: new instrument of regional economic policy]. *EKO [ECO]*, 4, 61–77.
9. *Kolomak, E.A.* (2014). Prostranstvennaya kontsentratsiya ekonomicheskoy aktivnosti v Rossii [Spatial concentration of economic activity in Russia]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 4, 82–99.
10. *Kolosov, V.A.* (2016). Rossiyskoe pogranichye: sotrudnichestvo i vyzovy sosedstva [Russian borderland: challenges of neighbourhood]. In: V.A. Kolosov & A.B. Volodin (Eds.). *Rossiyskoe pogranichye: Sotsialno-politicheskie i infrastrukturnye problemy [Russian Borderland: Sociopolitical and Infrastructure Problems]*. Moscow, Institute of Geography, RAS Publ., 8–25.
11. *Kryukov, V.A.* (2017). Nedalniy Vostok [The Non-Far East]. *EKO [ECO]*, 4, 2–4.
12. *Minakir, P.A.* (2019). Dalnevostochnye institutsionalnye novatsii: imitatsiya novogo etapa [Far Eastern institutional novations: imitation of a new stage]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, Vol. 15, No. 1, 7–17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017.
13. *Minakir, P.A. & O.M. Prokapalo.* (2018). Dalnevostochnyy prioritet: investitsionno-institutsionalnye kombinatsii [Far East-priority: combinations of investment and institutes]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2, 146–155.

14. *Minakir, P.A. & O.M. Prokapalo.* (2017). Rossiyskiy Dalniy Vostok: ekonomicheskie fobii i politicheskie ambitsii [Russian Far East: economic phobias and geopolitical ambitions]. EKO [ECO], 4, 5–26.

15. *Natkhov, T.V. & L.I. Polishchuk.* (2017). Politekonomiya institutov: kak vazhno byt inklyuzivnym. Razmyshleniya nad knigoy D. Acemoglu, J. Robinson “Why Nations Fail”. Ch. 1: Instituty i ekonomicheskoe razvitie. Institutsionalnyy vybor [Political economy of institutions and development: the importance of being inclusive. Reflection on “Why Nations Fail” by D. Acemoglu and J. Robinson. Part I: Institutions and economic development. Institutional choice]. Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association], 2, 12–38. DOI: 10.31737/2221-2264-2017-34-2-1.

16. *Parmon, V.N., V.A. Kryukov & V.E. Seliverstov.* (2020). Transgranichnyye vzaimodeystviya na Vostoke Rossii: nauchnoye soprovozhdenie i zadachi Sibirskogo Otdeleniya RAN [Cross-border interactions in the Russian East: research support and tasks before the Siberian Branch of the RAS]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economic and Sociology], 2 (106), 226–258. DOI: 10.15372/REG20200210.

17. *Pitilyak, D.A. & A.D. Egorova.* (2018). Analiz osnovnykh tendentsiy razvitiya investitsionnykh protsessov v Sakhalinskoy oblasti [Analysis of major trends in investment processes development of in the sakhalin region]. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Economy and Business: Theory and Practice], 8, 88–101.

18. *Prokapalo, O.M., A.B. Bardal, A.G. Isaev, M.G. Mazitova & D.V. Suslov.* (2019). Ekonomicheskaya konyunktura v Dalnevostochnom federalnom okruge v 2018 g. [Economic situation in the Far Eastern Federal District in 2018]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics], 2, 110–149. DOI: 10.14530/se.2018.2.110-149.

19. *Prokapalo, O.M., A.G. Isaev, M.G. Mazitova & D.V. Suslov.* (2018). Ekonomicheskaya konyunktura v Dalnevostochnom federalnom okruge v 2017 g. [Economic situation in the Far Eastern Federal District in 2017]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics], 2, 92–133. DOI: 10.14530/se.2018.2.092-133.

20. *Kuleshov, V.V.* (Ed.). (2017). Resursnye regiony Rossii v “novoy realnosti” [Resource Regions of Russia in the “New Reality”]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 308.

21. *Tambovtsev, V.L.* (2006). Osnovy institutsionalnogo proektirovaniya [Foundations of Institutional Design]. Moscow, Prospekt Publ., 144.

22. *Acemoglu, D. & J. Robinson.* (2012). Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York, Crown Business Publ., 529.

23. *Antonova, N.E. & N.V. Lomakina.* (2020). Institutional innovations for the development of the east of Russia: effects of implementation in the resource region. Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], Vol. 13, No. 4, 442–452.

24. *Challen, R.* (2000). Institutions, Transaction Costs and Environmental Policy: Institutional Reform for Water Resource. Aldershot, UK, Edward Elgar Publ., 233.

25. Kryukov, V.A. & A.N. Tokarev. (2019). Contemporary features of innovative development of the russian mineral resource complex. Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities & Social Sciences], Vol. 12, No. 12, 2193–2208. DOI: 10.17516/1997-1370-0518.

26. Marshall, G.R. (2013). Transaction costs, collective action and adaptation in managing socio-economic system. Ecological Economics, 88, 185–194. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2012.12.030.

27. Ostrom, E. (2009). A general framework for analyzing sustainability of social-ecological systems. Science, Vol. 325, Iss. 5939, 419–422. DOI: 10.1126/science.1172133.

Information about the authors

Glazyrina, Irina Petrovna (Chita, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Head of the Laboratory for Eco-Economic Research, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a, Nedorezov st., Chita, 672014, Russia); Professor, Head of the Applied Computer Science and Mathematics Department, Transbaikal State University (30, Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia); e-mail: iglazyrina@bk.ru.

Faleychik, Larisa Mikhaylovna (Chita, Russia) – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Senior Researcher at the Laboratory for Eco-Economic Research, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a, Nedorezov st., Chita, 672014, Russia); e-mail: lfaleychik@bk.ru.

Faleychik, Andrey Anatolievich (Chita, Russia) – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Associate Professor at the Applied Computer Science and Mathematics Department, Transbaikal State University (30, Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia); e-mail: faa55@bk.ru.

Поступила в редколлегию 02.09.2020.

После доработки 02.09.2020.

Принята к публикации 03.09.2020.

УДК 005.35

Регион: экономика и социология, 2020, № 4 (108), с. 235–259

С.И. Мишулина, Н.И. Матова

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА

В статье рассматриваются особенности формирования и проявления социально-экологической ответственности (СЭО) бизнеса в регионах рекреационно-туристской специализации как инструмента экологизации их экономики. Сложность находящейся в процессе активного формирования концепции СЭО, ее междисциплинарный характер, включающий философские, социологические, психологические, экономические, экологические и другие аспекты, ее практическая значимость определяют остроту научных дискуссий и степень сформированности терминологического и методологического аппарата. Наиболее острые дискуссии касаются факторов и условий формирования социальной ответственности бизнеса, а также общественно признаваемых форм ее проявления, что определяет актуальность исследований в этой сфере.

Анализ роли СЭО в устойчивом развитии территории рекреационно-туристской специализации, а также различных аспектов фактической деятельности хозяйствующих субъектов курортных регионов позволил определить предпосылки формирования социально-экологически ответственного бизнеса, а также выявить специфические черты туристской индустрии, представляющие собой вызов для активного формирования СЭО ее субъектов.

Выявление факторов и условий повышения СЭО, в том числе в индустрии туризма, определение на этой основе направлений и инструментов государственного и общественного воздействия на процессы

формирования СЭО бизнеса позволят задействовать в полной мере это социальное, философское, психологическое и экономическое явление в качестве эффективного инструмента механизма управления устойчивым развитием отечественной индустрии туризма и территорий рекреационной специализации.

Ключевые слова: социально-экологическая ответственность; регион рекреационно-туристской специализации; индустрия туризма; «зеленый» туризм; малый бизнес

Для цитирования: Мишулина С.И., Матова Н.И. Особенности проявления социально-экологической ответственности бизнеса в отечественной индустрии туризма // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 235–259. DOI: 10.15372/REG20200410.

Одним из эффективных инструментов экологизации экономики исследователями, политиками и практиками признается институт социально-экологической ответственности (СЭО) бизнеса, активно развивающийся во многих странах и являющийся базовым для внедрения и широкого использования других инструментов (таких как экологический менеджмент, добровольная экологическая сертификация, технологическая экологическая модернизация и др.), поскольку в основе любого решения об изменении процессов производства и продвижения продукции на рынок лежит понимание бизнесом стратегических последствий принимаемого решения для социального и природного окружения и в конечном счете для устойчивого развития самого бизнеса.

Проблемы формирования СЭО в индустрии туризма и гостеприимства начали исследовать относительно недавно. Первые статьи в журналах, индексируемых WoS, появились в 2004 г. и были крайне немногочисленны. С ростом понимания роли данного инструмента обеспечения устойчивого развития, с переоценкой экологических и социальных эффектов туризма, его роли в становлении «зеленой» экономики и достижении глобальных целей устойчивого развития внимание исследователей к этим проблемам существенно повысилось. По оценкам некоторых авторов, 70% результатов НИР по дан-

ной проблематике было опубликовано в научной периодике, индексируемой WoS, в течение последних пяти лет [21]. Несмотря на рост количества зарубежных исследований, более того, благодаря ему становятся очевидными нерешенность целого ряда концептуальных и методологических проблем анализа СЭО как инструмента устойчивого развития туристического бизнеса и явно недостаточное внимание к этой теме со стороны отечественных ученых, что доказывает актуальность настоящего исследования. Цель данного исследования – выявить особенности формирования и проявления, а также барьеры и ограничения социально-экологической ответственности бизнеса, действующего в регионах рекреационно-туристской специализации, и на основании полученных результатов определить факторы и условия повышения СЭО в туристской индустрии, а также направления и инструменты воздействия на процессы формирования СЭО бизнеса со стороны государства и общества, что позволит приблизить отечественную индустрию туризма и территории рекреационно-туристской специализации к устойчивому развитию.

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»

Понятие социально-экологической ответственности, на наш взгляд, одновременно и раскрывает, и сужает понятие социальной ответственности за счет акцентирования внимания на ответственности бизнеса перед обществом (социумом) за экологические и обусловленные ими социальные последствия своей деятельности. Исходя из проведенного анализа и опираясь на подходы и термины стандарта ИСО 26000, мы предлагаем следующее определение социальной ответственности в отношении окружающей природной среды. *Социально-экологическая ответственность (СЭО) – добровольно взятая на себя обязанность отвечать перед заинтересованными сторонами и обществом в целом за решения и действия, а также за их последствия для природной среды и социума (как на территории присутствия, так и в глобальном масштабе). СЭО проявляется через прозрачное*

и этическое поведение, которое интегрировано в деятельность всей организации, соответствует стратегическим целям ее развития и осуществляется во всех взаимоотношениях. Реализуется СЭО через выбор средств достижения целей бизнеса, основанный на оценке экологических и обусловленных ими социальных последствий и соответствующий установившейся в обществе системе целей и ценностей.

Соглашаясь с позицией Т. Левитта, положившего начало современной критике концепции социальной ответственности и считающего, что «долгосрочная максимизация прибыли останется единственной целью (бизнеса. – Авт.) и в теории, и на практике» [29], а также М. Фридмана, назвавшего свою работу «Социальная ответственность бизнеса состоит в повышении его прибылей» [24], мы полагаем, что социальная ответственность бизнеса является и должна оставаться категорией рыночной экономики, не противоречащей основной функции бизнеса – получению прибыли. Однако задача социальной ответственности как стратегического инструмента экономического развития бизнеса заключается не столько в осуществлении деятельности, способствующей улучшению репутации и, следовательно, увеличению стоимости компании или продвижению бренда на рынке, сколько в повышении конкурентоспособности и снижении экономических, социальных, экологических и политических рисков через улучшение среды ведения бизнеса, а также в определении наиболее востребованного обществом направления экономической деятельности, рыночной ниши. Иными словами, социально-экологическая деятельность не должна подрывать способность бизнеса выполнять свои экономические функции, но, напротив, должна создавать внутренние и внешние условия для их устойчивого выполнения. Или, если обратиться к пирамиде А. Кэролла [18], более высокие уровни структуры ответственности бизнеса (этическая и филантропическая) не должны входить в противоречие с базовой, экономической ответственностью компании как производителя товаров и услуг, наиболее эффективно удовлетворяющего потребности людей и общества в условиях ограниченности ресурсов. Но при этом должны соответствовать этике ответственности М. Вебера, означающей внимание к средствам реа-

лизации поставленных целей и ответственность за последствия своей деятельности. Такой подход отвечает одному из важнейших принципов концепции устойчивого развития ООН – выгодно то, что экологически безопасно, или концепции тройного критерия (Triple bottom line: people, planet, profit).

Расширение круга заинтересованных сторон и изменение их роли в обеспечении устойчивого развития бизнеса привели к трансформации концепции корпоративной социально-экологической ответственности в концепцию корпоративной ответственности стейкхолдеров¹. Теория стейкхолдеров, предложенная Э. Фрименом еще в 1984 г. в рамках исследований стратегического управления фирмой с учетом мнения заинтересованных сторон [22], получила развитие с появлением и дальнейшей разработкой концепции корпоративной социальной ответственности (КСО) [23], предполагая взаимосвязанную и взаимообусловленную ответственность бизнеса и заинтересованных сторон за последствия принимаемых фирмой стратегических решений. Теория стейкхолдеров представляет, по мнению ее авторов, зеркальное отражение корпоративной социальной ответственности, поскольку вместо взгляда самого бизнеса на его обязательства перед обществом (его оценки ожиданий общества) предлагает учитывать взгляд всех заинтересованных сторон на эти обязательства. Такой подход предполагает не только привлечение стейкхолдеров к процессам принятия решений, но и их солидарную с бизнесом ответственность за последствия их реализации. Практическое осуществление данного подхода требует определения всего круга стейкхолдеров [4], выявления их истинных интересов, прав и ожиданий. Также требуются теоретическое и методологическое переосмысление критериев ответственности и выработка инструментов, обеспечивающих эффективную совместную деятельность бизнеса и заинтересованных сторон по ее реализации.

¹ См.: *Three theories of corporate social responsibility* // *Business Ethics*. – 2012. – Vol. 1.0. – Section 13.2. – URL: <https://2012books.lardbucket.org/books/business-ethics/s17-02-three-theories-of-corporate-so.html>.

ПРИМЕРЫ ФОРМАЛЬНОГО И КОНСТРУКТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ТУРИСТСКОЙ ИНДУСТРИИ

Суть социально-экологической ответственности бизнеса как категории рыночной экономики весьма наглядно отражается в особенностях деятельности туристического бизнеса, осуществляемой на курортах. Причина взаимосвязи устойчивости хозяйствующих субъектов туристической индустрии и их социально-экологической ответственности лежит в тесной взаимозависимости природной среды, общества и экономики территорий рекреационной специализации, рассматриваемых как единая эколого-экономическая система².

Влияние качества окружающей среды на возможность и устойчивость развития индустрии туризма доказано большим числом отечественных и зарубежных исследований, предпринимавшихся с начала развития массового туризма. В 1980 г. на основе этих исследований Р. Батлер разработал концепцию жизненного цикла туристской территории TALC (Tourist Area Life Cycle) [17]. В соответствии с этой концепцией, базирующейся на кейнсианской теории циклического развития экономики, теории экономического роста Ростоу и котлеровской концепции жизненного цикла продукта, каждая туристская территория в своем развитии проходит ряд стадий, одна из которых – стадия стагнации, характеризующаяся уменьшением туристских потоков и, как следствие, сокращением экономической деятельности по производству туристского продукта. Ключевым понятием применительно к стадии стагнации является понятие туристической емкости территории, достижение которой неизбежно ведет к упадку. Одной из основных причин стагнации туристских территорий является снижение их привлекательности для туристов в результате разрушения и деградации природных комплексов вследствие активного строительства объектов туристской инфраструктуры на ранних стадиях

² См.: Матова Н.И. Модель региона рекреационно-туристской специализации как эколого-экономической системы // Системы контроля окружающей среды. – 2016. – № 3 (23). – С. 134–140.

развития дестинаций, «овертуризма» и соответствующего обострения экологических проблем. Однако современные исследования и, главное, практическая деятельность некоторых национальных парков доказывают, что туристическая емкость территории определяется не только ассимиляционным потенциалом и устойчивостью вовлекаемых в туристскую деятельность экосистем, но и в значительной мере применяемыми технологиями, выбор которых определяется уровнем социально-экологической ответственности бизнеса.

Батлеровская модель часто критиковалась исследователями, дорабатывалась автором и его сторонниками, получила дальнейшее развитие в работах С. Бойда [16] и других зарубежных и российских ученых [1; 2; 7], широко используется в настоящее время как инструмент стратегического управления развитием территорий туристской специализации [25; 31]. В качестве примера можно привести работу, опубликованную в январе 2020 г. Барселонским научным центром полевых исследований, содержащую TALC-анализ двух прибрежных городов – Ситжес и Калафель. По данным этого исследования, в результате бурного спекулятивного бума 1970–1980-х годов в Калафеле была практически полностью уничтожена природная привлекательность прибрежной полосы, на месте рыбацких домиков появились шестиэтажные апартаменты с видом на море. Из-за утраты очарования рыбацкой деревни и деградации уникальных природных комплексов побережья уменьшились туристские потоки, что привело к сокращению на 17% количества средств размещения, к замещению туристских потоков мигрантами, численность которых возросла до 20% населения³. Исследование позволило разработать предложения по спасению курортов и их дальнейшему устойчивому развитию.

Можно констатировать, что восприятие уникальных природных комплексов как основы туристического бизнеса на курортах уже сформировалось в российской деловой среде подобных территорий. «Ошеломляющие ландшафты, прозрачный воздух, густые леса и их обитатели, хрустальные воды горных ручьев и рек, пушистый снег – без этого не было бы нас самих», – говорится в Программе устойчи-

³ См.: *Applying the Butler Model to Tourism in Sitges and Calafell*. – URL: <https://geographyfieldwork.com/ButlerModelSitgesCalafell.html>.

вого развития Курорта «Роза Хутор»⁴ (горно-климатический курорт Красная Поляна, г. Сочи, Краснодарский край). «Впечатляющая горная природа – ключевой актив и основа для устойчивого развития Курорта “Роза Хутор”».

В «Отчете об устойчивом развитии – 2019» совокупности объектов туристской индустрии, объединенных под именем Курорт «Роза Хутор», опубликованном впервые в 2019 г. и охватывающем период от завершения трансформации курорта, служившего одним из объектов XXII Зимних Олимпийских игр и XI Зимних Паралимпийских игр 2014 г., до зимнего сезона 2018/2019 гг., говорится, в частности, о применении лесомелиорационной технологии укрепления откосов посредством высадки быстроприживающихся и быстрорастущих кустарниковых растений аборигенных пород – ивы козьей и ольхи черной, а также о различных способах поддержки со стороны курорта дирекций Сочинского национального парка и Кавказского природного заповедника в их деятельности по разработке и реализации комплексных программ, направленных на изучение и сохранение природы всего Краснополянского горнотуристского кластера. Однако в отчете отсутствуют информация о деятельности по созданию объектов недвижимости, транспортной, туристской и инженерной инфраструктуры курорта и оценка ее последствий. Между тем в ходе создания этих объектов велась и продолжает проводиться массовая вырубка тысяч вековых деревьев заповедного высокогорного леса, являющегося ценностью мирового масштаба, на многих десятках гектаров необратимо разрушены естественные природные ландшафты и экосистемы, в результате масштабной эрозии на нарушенных участках плодородный слой почвы смывается в реки [3; 11]. Работы идут непосредственно на границе заповедной зоны Сочинского национального парка.

Таким образом, осознание того, что природные активы составляют основу туристского бизнеса на курорте, не всегда побуждает руководство компаний сохранить природную среду, ландшафты и экосистемы в первозданном или наиболее приближенном к нему

⁴ URL: <https://rosakhutor.com/about/info/ustoychivoe-razvitie/> .

виде, т.е. действительно нести социальную и экологическую ответственность. Иногда это понимание приводит к решению преобразовать природу территории под желаемые бизнес-стратегии и доступные технологии, использовать, а точнее, эксплуатировать преимущества, предоставляемые уникальными природными объектами и активами, для увеличения краткосрочной и среднесрочной прибыли, не заботясь о долгосрочных перспективах всей эколого-социально-экономической системы региона. Подобное оппортунистическое поведение крупных корпораций становится возможным в том числе как отражение аналогичных действий государственных структур. Так, первая очередь Курорта «Роза Хутор» строилась с нарушениями законодательства и попранием природоохранных идей под эгидой подготовки к Зимним Олимпийским играм 2014 как национальному мегапроекту, и дальнейшее развитие компании основывается на тех же методах.

Другая причина непоследовательности в деятельности по сохранению окружающей среды и традиционно пользующихся ее благами социумов – длинная и достаточно сложная цепочка создания стоимости в индустрии туризма. Сложный состав туристского продукта предполагает совместное участие в его создании предприятий различных отраслей (транспорт, общественное питание, ЖКХ, здравоохранение, бытовые услуги, культура, образование, физическая культура и спорт и т.д.), сфер деятельности и форм собственности. Уровень экологичности туристского продукта определяется уровнем экологичности всех его составляющих и требует согласованной экологической политики и солидарной социально-экологической ответственности всех участников процесса создания ценности, что, как демонстрирует пример Курорта «Роза Хутор», уделяющего большое внимание экологическим аспектам своей деятельности, достаточно проблематично.

Отличительной особенностью туристской индустрии является то, что она представляет собой комплекс хозяйствующих субъектов, по размеру относящихся в подавляющем большинстве к малому и среднему бизнесу. Существует распространенное мнение, что социально-экологическая ответственность – это удел крупных компаний [5; 6; 8; 9, с. 3; 10; 13, с. 109]. Однако если рассматривать СЭО как дружественное природе поведение, которое интегрировано в деятельность

всей организации – в технологию и бизнес-процессы, формирование продукта, маркетинговую стратегию, взаимоотношения с поставщиками и т.д., то становится понятным, что малые и средние предприятия туристической сферы также могут следовать этим принципам, получая в том числе экономическую выгоду в краткосрочном и среднесрочном плане.

Проводимые в последние годы общественными неправительственными организациями мероприятия, призванные стимулировать экологоориентированную деятельность субъектов туристического бизнеса, по свидетельствам их организаторов, привлекают не только крупный, но и малый бизнес, не обладающий финансовыми, информационными и организационными ресурсами, сопоставимыми с ресурсами крупных компаний. Так, например, на семинаре «Экологичность и экономичность в сфере услуг: отель, фитнес-клуб, СПА», организованном «Панда бизнес-клубом» Всемирного фонда дикой природы⁵, были представлены следующие направления экологизации деятельности туристских предприятий, вполне доступные и малому бизнесу: использование энергосберегающих технологий, экономия воды и контроль ее загрязнения, грамотное обращение с отходами, использование экологических средств для уборки, экологически ответственные закупки. По каждому направлению были даны конкретные рекомендации и приведены примеры практического применения с описанием полученных экологических и экономических результатов. Было отмечено, что обязательным условием является информационная открытость: сотрудники и клиенты должны знать об экологической политике организации и применяемых подходах.

Примером СЭО крупного туристского холдинга может служить программа экологического развития «PLANET 21», запущенная в 2012 г. Группой AccorHotels. Крупнейшая гостиничная сеть (в 2018 г. владела 4586 отелями, курортами и резиденциями в 109 странах) решила сделать охрану окружающей среды одной из ключевых составляющих своей деятельности. Первоначально программа была

⁵ См.: *Встречу «Панда бизнес-клуба» посвятили «зеленым» отелям и СПА.* – URL: <https://wwf.ru/resources/news/iz-zhizni-fonda/vstrechu-panda-biznes-kluba-posvyatili-zelenym-otelyam-i-spa/>.

рассчитана до 2015 г., затем была продлена до 2020 г. Основная работа ведется в двух ключевых сферах: эксплуатация зданий и питание (экономия энергоресурсов и водных ресурсов, уменьшение объемов пищевых отходов, введение сбалансированного питания). В 73% отелей осуществляется переработка как минимум двух видов отходов (на выбор из перечня: картон и бумага, пластик, стекло). Важным направлением является «устойчивое строительство» новых отелей. Следует отметить, что экономические мотивы СЭО более характерны для крупного туристического бизнеса, что объясняется присутствием эффекта масштаба и его влиянием на величину экономии операционных затрат.

Учитывая долю малого и среднего бизнеса в туристской сфере, можно утверждать, что в настоящее время основными мотивами внедрения СЭО в отечественной индустрии туризма являются общественные и личные ценности владельцев и сотрудников компаний. К аналогичным выводам приходят и зарубежные исследователи [19; 21; 28].

ПРЕДПОСЫЛКИ, СЛОЖНОСТИ И ИНСТРУМЕНТЫ АКТИВНОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТУРИСТСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Социально-экологическая ответственность туристских предприятий способствует формированию «зеленого» туризма в широком смысле, включающего, с одной стороны, совокупность предприятий – производителей туристского продукта, осуществляющих свою хозяйственную деятельность на принципах минимизации негативного воздействия на окружающую среду («зеленая» индустрия туризма), и, с другой стороны, туристов – потребителей «зеленого» туристского продукта, приверженцев ответственного потребления⁶. При этом «зеленый», так же как и «устойчивый», туризм не является какой-то особой формой туризма, в отличие от экологического, представляющего собой подвид природного туризма, в наибольшей мере отвечающий «зеленым» принципам.

⁶ См.: Мишулина С.И. Факторы развития «зеленого» туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2017. – Т. 11. – С. 27–37. DOI: 10.22412/1995-0411-2017-11-4-27-37.

Особую значимость приобретает не только согласованное экологоориентированное и социально ориентированное взаимодействие всех участников цепочки создания туристского продукта на всех этапах его жизненного цикла, но и формирование на территориях условий для эффективного применения бизнесом «зеленых» технологий. Так, отсутствие современных территориальных схем и систем утилизации отходов или централизованных систем канализации может свести на нет все усилия бизнеса по раздельному сбору мусора или по применению передовых технологий водоснабжения и канализования, что ведет к снижению интереса бизнеса к СЭО.

Уровень ответственности и объемы соответствующей деятельности по реализации СЭО зависят как от самой туристской компании, так и от активности стейкхолдеров, понимаемых достаточно широко и включающих не только традиционный набор – акционеров, клиентов, регулирующие госструктуры, но также принимающее сообщество в лице формализованных и неформальных объединений и экосистему как «заинтересованную сторону», влияющую на поведение компании.

Социально-экологическая ответственность предполагает обязательное участие всех сотрудников компании в деятельности по ее обеспечению⁷, что, в свою очередь, требует соответствующей квалификации кадров либо их специальной подготовки, а также заинтересованности сотрудников в устойчивом социально-экономическом и экологическом развитии территории как места их постоянного проживания. Исследования показывают, что корпоративная социальная ответственность становится важным инструментом вовлечения сотрудников (*employees engagement*) в деятельность по повышению устойчивости организации [27]. В качестве примера часто упоминается компания Walmart – крупнейшая в мире сеть розничной и оптовой

⁷ См.: ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Руководство по социальной ответственности: Национальный стандарт Российской Федерации. – URL: <https://files.stroyinf.ru/Index/53/53986.htm>. См. также [26; 30]. Как показывает опыт реализации крупных инвестиционных проектов (например, Олимпиада-2014), результаты внедрения систем экологического менеджмента, «зеленых» стандартов в строительстве, успешность социальных и экологических инициатив руководителей бизнеса в огромной степени определяется их поддержкой на каждом рабочем месте.

торговли, которая в целях вовлечения сотрудников в СЭО предложила им разработать персональные планы устойчивого развития (Personal Sustainability Plan), включающие по крайней мере одно усовершенствование, способное сделать их жизнь или работу более устойчивыми. В результате, по данным исследования, проведенного в 2014 г. агентством Saatchi and Saatchi, 500 тыс. сотрудников приняли участие в инициативах, связанных с СЭО, что способствовало принятию 35 тыс. бизнес-решений, положительно повлиявших как на окружающую среду, так и на эффективность деятельности компании [26].

В туристическом бизнесе, отличающемся высокой долей малых предприятий и микропредприятий, выполнение этой задачи проблематично, прежде всего из-за ограниченности ресурсов. Кроме того, эффективность затрат на экологическое образование младшего корпоративного звена – обслуживающего персонала вызывает сомнения у владельцев бизнеса, так как этот вид деятельности характеризуется сезонностью и высокой текучестью кадров. В высокий сезон предприниматели вынуждены дополнительно привлекать значительное количество работников, часто низкоквалифицированных, которые легко меняют место работы при малейшем изменении условий труда. В результате снижается общий квалификационный уровень кадров и, соответственно, качество предоставляемых услуг. Привлеченные сезонные, часто иногородние, работники создают ценовую конкуренцию более квалифицированным и заинтересованным в устойчивом развитии конкретного предприятия и курорта в целом местным кадрам, вытесняя их с этого рынка. Данная ситуация способствует дальнейшему обострению кадровых и социальных проблем, а также препятствует формированию социально-экологической ответственности представителей индустрии туризма. Решение видится в повышении социальной ответственности владельцев и менеджеров, а именно в преимущественном использовании ими кадрового потенциала данной территории: повышение квалификации и социально-экологической ответственности местных кадров является фактором роста качества и конкурентоспособности продукции и услуг, привлекательности дестинации и, как следствие, доходности бизнеса. Формиро-

вание ядра сотрудников из местных, постоянных кадров при соответствующем развитии системы повышения квалификации, наставничества и солидарной социально-экологической ответственности персонала позволит фирмам сократить затраты на переподготовку привлекаемых сезонных работников.

Основным фактором, тормозящим внедрение инструментов СЭО в деятельность малых и средних компаний в экономически развитых странах, является ограниченность финансовых и временных ресурсов. Например, переход к модели циклической экономики требует от бизнеса долговременных (окупаемых через 10–15 лет), так называемых «терпеливых» инвестиций, как правило, недоступных малым и средним фирмам. В развивающихся странах к этим ограничениям добавляется отсутствие мотивации, объясняемое недостатком необходимых знаний и сохранением уверенности в том, что внедрение СЭО требует существенных затрат, не окупаемых в условиях низкого «зеленого» спроса со стороны потребителей⁸.

Результаты исследований последних лет, проводившихся в различных регионах мира, указывают на то, что ключевыми мотивами внедрения инструментов СЭО в повседневную практику малых и средних предприятий индустрии туризма являются альтруизм и социально-экологические ценности владельцев и менеджеров. Ожидание экономических выгод (снижение операционных затрат и рост доходов за счет привлечения большего количества клиентов), хотя и имеет значение, менее весомо в принятии управленческих решений [19–21]. Многочисленные отечественные и зарубежные исследования подтверждают тот факт, что в настоящее время те или иные формы проявления СЭО малого бизнеса в значительной мере связаны с характером собственника, его системой ценностей и жизненной позицией. Поэтому, например, семейный бизнес, имеющий длительную историю существования и собственников, относящихся к старшему

⁸ См.: Матова Н.И. Социологическое исследование степени, перспектив и институциональных предпосылок развития «зеленого» туризма в нашей стране. Ч. III: Потенциал спроса на «зеленый» турпродукт и оценка туристами его предложения // Системы контроля окружающей среды. – 2018. – № 13 (33). – С. 115–122.

поколению, менее готов к радикальным «зеленым» инновациям, предпочитая традиционные бизнес-модели, но при этом ценности природного и культурного наследия придает большее значение.

Сложность туристского продукта определяет, как уже отмечалось выше, необходимость обеспечения СЭО целостно, по всей цепочке создания стоимости, что, в свою очередь, предполагает комплексный мониторинг всех процессов и всей совокупности воздействий (отрицательных и положительных) на всех этапах создания туристского продукта, идентификацию экологических и социальных рисков и управление ими. Очевидно, что решение этой задачи лежит за рамками компетенций малой фирмы. Более того, отдельно взятые малые и средние предприятия как звенья цепочки создания ценности могут и не оказывать значимого воздействия, однако совокупный эффект их деятельности оценивается как значимый и увеличивается по мере количественного и качественного роста индустрии туризма. Все это диктует необходимость формирования общих для цепочки создания ценности стандартов и инструментов СЭО. Крупные компании могут стимулировать СЭО своих контрагентов, однако в условиях доминирования мелких компаний эту роль должны взять на себя органы стратегического управления дестинацией и добровольные объединения участников создания регионального туристского продукта.

Еще одной серьезной проблемой, тормозящей развитие института социально-экологической ответственности бизнеса, является так называемая проблема «безбилетника» («фрирайдера»). Неисключаемость общественного блага, создаваемого социально-экологически ответственным поведением одних компаний (например, улучшение состояния природной среды территории, повышение экологической культуры и образования персонала, повышение качества жизни населения и др.), позволяет другим хозяйствующим субъектам пользоваться положительным эффектом бесплатно, не неся дополнительных издержек, что ведет к снижению конкурентоспособности социально-экологически ответственного бизнеса. Решение данной проблемы видится в формировании и развитии государственных и общественных институтов, обеспечивающих распространение успешных, экономически

эффективных практик применения «зеленых» технологий производства, стимулирующих инновационную деятельность и предоставляющих бизнесу доказательства того, что добровольная социально-экологическая ответственность является способом расширения бизнес-возможностей. Одновременно государство должно осуществлять ограниченное регулирование с целью недопущения «фрирайдерства» [15] и обеспечения равных условий хозяйствования либо преференций для социально ответственного бизнеса, например в виде приоритетного доступа к государственным и муниципальным ресурсам.

В любом случае устойчивые положительные изменения в сфере социально-экологической ответственности туристического бизнеса предполагают сотрудничество и обмен опытом для развития отраслевого потенциала, что требует организации и эффективного функционирования целевых межотраслевых объединений по поиску инновационных путей сокращения отрицательных экологических и связанных с ними социальных эффектов, создания цифровых платформ по обмену опытом реализации СЭО и проведения соответствующих тренингов. Особая роль в выполнении этой задачи принадлежит destinations как субъекту управления устойчивым развитием.

Таким образом, можно выделить две группы факторов, способствующих формированию СЭО бизнеса:

- внешние – законодательство, региональные нормы и правила, трансформация общественных целей и ценностей (ЦУР), международные обязательства, федеральные, региональные и муниципальные стратегии, экологизация спроса, требования со стороны местного сообщества, партнеров, социальное окружение;
- внутренние – социально-экологические цели и ценности владельцев бизнеса и менеджеров, а также всех сотрудников, понимание рисков и экономических выгод экологизации (возможность сокращения объемов потребляемых ресурсов, рост эффективности ресурсопотребления при условии достаточного эффекта экономии на масштабах, освоение новых растущих рынков дружественных природе продуктов).

ВЫВОДЫ

Суть социально-экологической ответственности бизнеса как категории рыночной экономики особенно наглядно отражается именно в особенностях деятельности курортной индустрии гостеприимства. Причина взаимосвязи устойчивости субъектов туристского бизнеса и их СЭО заключается в высокой чувствительности туристической индустрии не только к лояльности туристов, которая во многом зависит от состояния природной среды курорта, но и к доброжелательности местного сообщества, рассматривающего окружающую среду как среду жизнедеятельности, к готовности местного бизнеса к сотрудничеству. Однако анализ деятельности предприятий индустрии туризма свидетельствует о наличии конфликта между восприятием природных активов в качестве стратегической основы туристского бизнеса на курорте и стремлением руководства компаний сохранить природную среду в первозданном или наиболее приближенном к нему виде, с одной стороны, и тактическими решениями, направленными на преобразование природы территории под желаемые бизнес-стратегии и доступные технологии, – с другой. Дестинации как субъекты территориальной системы управления, призванные обеспечить устойчивое развитие, способны и должны устанавливать правила и формировать условия, при которых добровольная социально-экологическая ответственность становится обязательной основой взаимодействия стейкхолдеров и устойчивого развития. В свою очередь, устойчивость дестинации определяется устойчивостью хозяйствующих на ее территории субъектов.

Проведенный анализ позволяет выделить специфические проблемы формирования и развития СЭО туристического бизнеса.

1. Применение существующих стандартов СЭО, рассчитанных, как правило, на крупные компании, слишком затратно для малого бизнеса, а технологии и алгоритмы реализации СЭО, адаптированные к условиям малого бизнеса, как справедливо отмечают А.В. Неверов и Е.С. Давыденкова [12], в России пока не разработаны.

2. Сложность туристского продукта определяет необходимость обеспечения СЭО по всей цепочке создания стоимости, что лежит за

рамками компетенций малых и средних фирм, из которых в основном состоит туристская индустрия.

3. Убежденность в необходимости СЭО снижается, так как отдельно взятые малые и средние предприятия могут и не оказывать существенного воздействия на окружающую среду, однако совокупный эффект их деятельности оценивается как значимый и увеличивается по мере количественного и качественного роста индустрии туризма.

4. Сезонность деятельности и высокая текучесть кадров снижают потенциал формирования экологической сознательности и компетентности обслуживающего персонала, что сокращает возможности его вовлечения в корпоративную социальную ответственность. Значимость этого фактора доказывается тем, что повышение квалификации работников в качестве приоритетного направления деятельности в области устойчивого развития рассматривают 84% российских компаний, участвовавших в исследовании Российского союза промышленников и предпринимателей в 2017 г. [14]. Квалификация и экологическая грамотность персонала, с одной стороны, являются целевой функцией КСО бизнеса, поскольку персонал относится к ключевым стейкхолдерам компании и, осуществляя деятельность по его развитию, компания проявляет социальную ответственность и одновременно повышает лояльность персонала. С другой стороны, экологически грамотный и квалифицированный персонал обеспечивает эффективную реализацию проектов в рамках КСО, поскольку в полной мере понимает цели деятельности компании и осознает возможные социальные и экологические ее последствия.

Малый бизнес в меньшей степени вовлечен в добровольную социально-экологическую деятельность, хотя существует достаточно примеров ответственного поведения фирм. В настоящее время те или иные формы проявления СЭО малого туристического бизнеса в большей мере связаны с характером собственника, с его системой ценностей и активной жизненной позицией, нежели с объективными условиями, формируемыми государственными и общественными институтами, что актуализирует проблему дальнейшего поиска путей повышения эффективности указанных институтов.

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФИЦ СНЦ РАН по теме «Стратегическое управление социально-экономическим развитием территории на основе принципов устойчивого развития»

№ 0261-2019-0009 и государственного задания ИПТС по теме «Совершенствование механизма управления природопользованием с целью обеспечения эколого-экономической безопасности функционирования индустрии туризма» № 0012-2019-0001

Список источников

1. Бунич Г.А., Старцев В.А. Туристский продукт: теория, практика, инновационные аспекты. – М.: Союз-Пресс, 2012. – 236 с.
2. Гончарова Н.А., Кирьянова Л.Г. Управление жизненным циклом дестинаций // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 318, № 6. – С. 52–56.
3. Гудкова Н.К. Риски загрязнения и истощения подземных вод при освоении уникальных природных комплексов долины реки Мзымта // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий: Сб. ст. IV Всерос. науч.-практ. конф. – Сочи: Государственное казенное учреждение Краснодарского края «Природный орнитологический парк в Имеретинской низменности», 2017. – С. 107–112.
4. Зильберштейн О.Б., Невструев К.В., Семенюк Д.Д., Шкляр Т.Л., Юрковский А.В. Анализ стейкхолдеров на примере российских предприятий // Интернет-журнал «Науковедение». – 2016. – Т. 8, № 3. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/42EVN316.pdf> (дата обращения: 02.04.2020).
5. Иванова А.А. Корпоративная социальная ответственность: отношения бизнеса и общества в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 2 (38). – С. 34–38.
6. Из России с любовью: Национальный вклад в глобальный контекст КСО. РУСАЛ. 2008. – URL: <https://rspp.ru/12/7947/pdf> (дата обращения: 10.10.2019).
7. Карпова Г.А. Роль экологизации туризма в развитии региона // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2016. – № 2. – С. 59–65.
8. Левочкин Н.А. Корпоративная социальная ответственность: опыт нефинансовой отчетности российских компаний // Современные технологии управления. – 2016. – № 6 (66). – URL: <https://sovman.ru/article/6604/> (дата обращения: 18.03.2020).
9. Ли М. Корпоративная социальная ответственность в России: социокультурный аспект // Социодинамика. – 2018. – № 12. – С. 1–9. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.12.28090.
10. Матвеева Е.В. Институт корпоративной социальной ответственности организации как механизм удовлетворения социально-экономических потребностей общества // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Экономика. – 2018. – № 42. – С. 217–230.
11. Набережная Ю.Ю. Особенности формирования и реализации программ развития ООПТ в сфере экологического туризма // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий: Сб. ст. VI Всерос. науч.-практ. конф. – Сочи:

Государственное казенное учреждение Краснодарского края «Природный орнитологический парк в Имеретинской низменности», 2019. – С. 214–225.

12. Неверов А.В., Давыденкова Е.С. Социальная ответственность организаций малого и среднего бизнеса в России // Вестник РУДН. Сер.: Социология. – 2016. – Т. 16, № 1. – С. 130–140.

13. Пряхникова О.Н. Корпоративная социальная ответственность в условиях социальной и солидарной экономики // Экономические и социальные проблемы России. – 2016. – № 1. – С. 108–124.

14. Российский бизнес и цели устойчивого развития: Сборник корпоративных практик / Феоктистова Е.Н., Копылова Г.А., Озерянская М.Н., Москвина М.В., Хофманн Н.И., Пуртова Д.Р. – М.: РСПП, 2018. – 200 с.

15. Юданов А.Ю., Пыркина О.Е., Беккер Е.Г. О границах неразрешимости «проблемы безбилетника» // Вопросы экономики. – 2016. – № 11. – С. 57–75. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-11-57-75.

16. Boyd S.W. The TALIS model and its application to national parks: a Canadian example // The Tourism Area Life Cycle. Vol. 1: Applications and Modifications / Ed. by R.W. Butler. – Clevedon: Channel View Publications, 2005. – Vol. 1. – P. 119–138.

17. Butler R.W. The concept of a tourism area cycle of evolution: Implications for management of resources // Canadian Geographer. – 1980. – No. 24 (1). – P. 5–12.

18. Carroll A. The pyramid of corporate social responsibility: Toward the moral management of organisational stakeholders // Business Horizons. – 1991. – Vol. 34, No. 4. – P. 39–48.

19. Duglio S., Ivanov S.N., Magliano F., Ivanova M.G. Motivation, costs and benefits of the adoption of the European ecolabel in the tourism sector: An exploratory study of Italian accommodation establishments // Izvestiya Journal of Varna University of Economics. – No. 61 (1). – P. 83–95.

20. Font X., Garay L., Jones S. Sustainability motivations and practices in small tourism enterprises in European protected areas // Journal of Cleaner Production. – 2016. – Vol. 137. – P. 1439–1448. DOI: 10.1016/j.jclepro.2014.01.071.

21. Font X., Lynes J. Corporate social responsibility in tourism and hospitality // Journal of Sustainable Tourism. – 2018. – Vol. 26, Iss. 7. DOI: 10.1080/09669582.2018.1488856.

22. Freeman R.E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. – Boston: HarpersCollins College Div., 1984. – 275 p.

23. Freeman R.E., Moutchnik A. Stakeholder management and CSR: questions and answers // uwf UmweltWirtschaftsForum. – 2013. – No. 21. – P. 5–9.

24. Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profits // New York Times Magazine. – 1970. – Sept. 13.

25. Giannoni S., Maupertuis M.A. Environmental Quality and Long Run Tourism Development: A Cyclical Perspective for Small Island Tourism Economy / FEEM Working Paper. – November 2005. – No. 145.05. – 30 p.

26. Glavas A. Corporate social responsibility and employee engagement: Enabling employees to employ more of their whole selves at work // Frontiers in Psychology. – 2016. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00796> (дата обращения: 28.03.2020).

27. Glavas A. Employee engagement and sustainability: a model for implementing meaningfulness at and in work // Journal of Corporate Citizenship. – 2012. – No. 46. – P. 13–29. DOI: 10.9774/GLEAF.4700.2012.su.00003.

28. Gomez-Hero S., Ferron-Vlchez V., Manuel de la Torre-Ruiz J., Delgado-Ceballos J. What Motivates Hotel Managers to Become Ecopreneurs: A Case Study on the Spanish Tourism Sector: Handbook of Entrepreneurship and Sustainable Development Research / Ed. by P. K  ro. – Edward Elgar Publ., 2015. – 18 p. DOI: 10.4337/9781849808248.00020.

29. Levitt T. The dangers of social responsibility // Harvard Business Review. – 1958. – Vol. 36, No. 5. – P. 41–50.

30. Seunghee Im, Yang Woon Chung, Ji Yeon Yang. Employees' participation in corporate social responsibility and organizational outcomes: The moderating role of person – CSR fit // Sustainability. – 2017. – Vol. 9, Iss. 1. DOI: 10.3390/su9010028.

31. Szromek A.R. An analytical model of tourism destination development and characteristics of the development stages: Example of the Island of Bornholm// Sustainability. – 2019. – No. 11. – P. 69–89. DOI: 10.3390/su11246989.

Информация об авторах

Мишулина Светлана Ивановна (Россия, Сочи) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Субтропический научный центр Российской академии наук» (354002, Сочи, ул. Яна Фабрициуса, 2/28, e-mail: mishulsv@yandex.ru).

Матова Наталья Ивановна (Россия, Сочи) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Филиала Института природно-технических систем (354024, Сочи, Курортный просп., 99/18, e-mail: lelj06@yandex.ru).

DOI: 10.15372/REG20200410

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 4 (108), p. 235–259

S.I. Mishulina, N.I. Matova

FEATURES OF BUSINESS SOCIO-ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY MANIFESTATION IN DOMESTIC TOURISM

The article considers the formation and manifestation features of business socio-environmental responsibility (SER) in regions specializing in recreational tourism as a tool for regional economy greening. The complex nature

of the actively emerging SER concept, its interdisciplinarity with philosophical, sociological, psychological, economic, environmental, and other aspects, as well as its practical value, all foster scholarly discussion and contribute to the degree of how defined the terminological and methodological apparatus is. The fiercest debates surround the factors and environment for business social responsibility, socially admitted forms of its manifestation. It makes the research topical and timely.

By analysing the SER's role in the sustainable development of recreational touristic territories and various aspects of the actual activity of business units in resort regions, we determine the prerequisites for socio-environmentally responsible business and draw out specific aspects of the tourism industry representing a challenge for active development of SER entities.

We have identified factors and environments for SER growth, in particular within the tourism industry. Operational directions and instruments of state and public effect on business SER will make it possible to apply this social, philosophical, psychological, and economic phenomenon to the sustainable development of domestic tourism and regions specializing in recreation.

Keywords: socio-environmental responsibility; region specializing in recreational tourism; tourism industry; “green” tourism; small business

For citation: *Mishulina, S.I. & N.I. Matova. (2020). Osobennosti proyavleniya sotsialno-ekologicheskoy otvetstvennosti biznesa v otechestvennoy industrii turizma [Features of business socio-environmental responsibility manifestation in domestic tourism]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (108), 235–259. DOI: 10.15372/REG20200410.*

The publication is prepared within the government order to Federal Research Center The Subtropical Scientific Center of the Russian Academy of Sciences on the subject No. 0261-2019-0009 “Strategic management of socio-economic development of the territory based on sustainable development principles” and the government order to the Institute of Natural and Technical Systems on the subject No. 0012-2019-0001 “Improving the environmental management mechanism to ensure ecological and economic security in the tourism industry”

References

1. Bunich, G.A. & V.A. Startsev. (2012). Turistskiy produkt: teoriya, praktika, innovatsionnye aspekty [Tourist Product: Theory, Practice, Innovative Aspects]. Moscow, Soyuz-Press Publ., 236.

2. *Goncharova, N.A. & L.G. Kiryanova.* (2011). Upravlenie zhiznennym tsiklom destinatsiy [Destination life cycle management]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], Vol. 318, No. 6, 52–56.
3. *Gudkova, N.K.* (2017). Riski zagryazneniya i istoshcheniya podzemnykh vod pri osvoenii unikalnykh prirodnkh kompleksov doliny reki Mzymta [Risks of ground water pollution and depletion during development of unique natural complexes of the Mzymta River valley]. In: *Ustoychivoe razvitie osobo okhranyaemykh prirodnkh territoriy: Sbornik statey IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*: [Sustainable Development of Protected Areas: Collection of articles of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference]. Sochi, Natural Ornithological Park in the Imereti Lowland Publ., 107–112.
4. *Zilbershteyn, O.B., K.V. Nevstruev, D.D. Semenyuk, T.L. Shklyar & A.V. Yurkovskiy.* (2016). Analiz steykholderov na primere rossiyskikh predpriyatiy [Analysis of stakeholders on the example of Russian enterprises]. *Internet-zhurnal "Naukovedenie"* [Science Studies Online Journal], Vol. 8, No. 3. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/42EVN316.pdf> (date of access: 02.04.2020).
5. *Ivanova, A.A.* (2015). Korporativnaya sotsialnaya otvetstvennost: otnosheniya biznesa i obshchestva v sovremennoy Rossii [Corporate social responsibility: relations of business and society in modern Russia]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 2 (38), 34–38.
6. *Iz Rossii s lyubovyu: Natsionalnyy vklad v globalnyy kontekst KSO* [From Russia with Love: A National Chapter on the Global CSR Agenda]. (2008). RUSAL Publ. Available at: <https://rspp.ru/12/7947/pdf> (date of access: 10.10.2019).
7. *Karpova, G.A.* (2016). Rol ekologizatsii turizma v razvitii regiona [Role of greening of tourism in development of the region]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg State University of Economics], 2, 59–65.
8. *Levochkin, N.A.* (2016). Korporativnaya sotsialnaya otvetstvennost: opyt nefinansovoy otchetnosti rossiyskikh kompaniy [Corporate social responsibility: the experience of non-financial reporting of the Russian companies]. *Sovremennye tekhnologii upravleniya* [Modern Management Technology], 6 (66). Available at: <https://sovman.ru/article/6604/> (date of access: 18.03.2020).
9. *Li, M.* (2018). Korporativnaya sotsialnaya otvetstvennost v Rossii: sotsiokulturnyy aspekt [Corporate social responsibility in Russia: sociocultural aspect]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 12, 1–9. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.12.28090.
10. *Matveeva, E.V.* (2018). Institut korporativnoy sotsialnoy otvetstvennosti organizatsiy kak mekhanizm udovletvoreniya sotsialno-ekonomicheskikh potrebnoy obshchestva [Institute of corporate social responsibility of organizations as a mechanism for meeting socio-economic needs of society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika* [Tomsk State University Journal of Economics], 42, 217–230.
11. *Naberezhnaya, Yu.Yu.* (2019). Osobennosti formirovaniya i realizatsii programm razvitiya OOPT v sfere ekologicheskogo turizma [Peculiarities of creating and implementing protected areas development programs in ecological tourism]. In: *Ustoychivoe razvitie osobo okhranyaemykh prirodnkh territoriy: Sbornik statey VI Vseros-*

siyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Sustainable Development of Protected Areas: Collection of articles of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference]. Sochi, Natural Ornithological Park in the Imereti Lowland Publ., 214–225.

12. *Neverov, A.V. & E.S. Davydenkova.* (2016). Sotsialnaya otvetstvennost organizatsiy malogo i srednego biznesa v Rossii [Social responsibility of small and medium-sized business in Russia]. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], Vol. 16, No. 1, 130–140.

13. *Pryazhnikova, O.N.* (2016). Korporativnaya sotsialnaya otvetstvennost v usloviyakh sotsialnoy i solidarnoy ekonomiki [Corporate social responsibility in a social and solidarity economy]. *Ekonomicheskie i sotsialnye problemy Rossii* [Economic and Social Problems of Russia], 1, 108–124.

14. *Feoktistova, E.N., G.A. Kopylova, M.N. Ozeryanskaya, M.V. Moskvina, N.I. Hofmann & D.R. Purtova.* (2018). Rossiyskiy biznes i tseli ustoychivogo razvitiya: Sbornik korporativnykh praktik [Russian Business and Sustainable Development Goals. Corporate Practices Collection]. Moscow, Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs Publ., 200.

15. *Yudanov, A.Yu., O.E. Pyrkina & E.G. Bekker.* (2016). O granitsakh nerazreshimosti “problemy bezbiletnika” [On the limits of unsolvability of the “free rider problem”]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 11, 57–75. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-11-57-75.

16. *Boyd, S.W.* (2005). The TALS model and its application to national parks: A Canadian example. In: R.W. Butler (Ed.). *The Tourism Area Life Cycle*. Vol. 1. Applications and Modifications. Clevedon, Channelview Publications, 119–138.

17. *Butler, R.W.* (1980). The concept of a tourism area cycle of evolution. implications for management of resources. *Canadian Geographer*, 24 (1), 5–12.

18. *Caroll, A.* (1991). The pyramid of corporate social responsibility: toward the moral management of organisational stakeholders. *Business Horizons*, Vol. 34, No. 4, 39–48.

19. *Duglio, S., S.N. Ivanov, F. Magliano & M.G. Ivanova.* (2017). Motivation, costs and benefits of the adoption of the European ecolabel in the tourism sector: an exploratory study of Italian accommodation establishments. *Izvestiya Journal of Varna University of Economics*, 61 (1), 83–95.

20. *Font, X., L. Garay & S. Jones.* (2016). Sustainability motivations and practices in small tourism enterprises in European protected areas. *Journal of Cleaner Production*, Vol. 137, 20 November, 1439–1448. DOI: 10.1016/j.jclepro.2014.01.071.

21. *Font, X. & J. Lynes.* (2018). Corporate social responsibility in tourism and hospitality. *Journal of Sustainable Tourism*, Vol. 26, Iss. 7. DOI: 10.1080/09669582.2018.1488856.

22. *Freeman, R.E.* (1984). *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Boston, Harpercollins College Div., January, 275.

23. *Freeman, R.E. & A. Moutchnik.* (2013). Stakeholder management and CSR: questions and answers. *Uwf UmweltWirtschaftsForum*, 21, 5–9.

24. *Friedman, M.* (1970). The social responsibility of business is to increase its profits. *New York Times Magazine*, September 13.

25. *Giannoni, S. & M.A. Maupertuis.* (2005). Environmental Quality and Long Run Tourism Development: A Cyclical Perspective for Small Island Tourism Economy. FEEM Working Paper, November, No. 145.05, 30.
26. *Glavas, A.* (2016). Corporate social responsibility and employee engagement: enabling employees to employ more of their whole selves at work. *Frontiers in Psychology*. Available at: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00796> (date of access: 28.03.2020).
27. *Glavas, A.* (2012). Employee Engagement and Sustainability: a model for implementing meaningfulness at and in work. *Journal of Corporate Citizenship*, 46, 13–29. DOI: 10.9774/GLEAF.4700.2012.su.00003.
28. *Gomez-Hero, S., V. Ferron-Vlchez, J. Manuel de la Torre-Ruiz & J. Delgado-Ceballos.* (2015). What Motivates Hotel Managers to Become Ecopreneurs: A Case Study on the Spanish Tourism Sector: Handbook of Entrepreneurship and Sustainable Development Research. Edward Elgar Publ. Ed. Kÿro, P., 18. DOI: 10.4337/9781849808248.00020.
29. *Levitt, T.* (1958). The dangers of social responsibility. *Harvard Business Review*, Vol. 36, No. 5, 41–50.
30. *Seunghye Im, Yang Woon Chung, Ji Yeon Yang.* (2017). Employees' participation in corporate social responsibility and organizational outcomes: The moderating role of person – CSR Fit. *Sustainability*, Vol. 9, Iss. 1. DOI: 10.3390/su9010028.
31. *Szromek, A.R.* (2019). An analytical model of tourism destination development and characteristics of the development stages: example of the Island of Bornholm. *Sustainability*, 11, 69–89. DOI: 10.3390/su11246989.

Information about the authors

Mishulina, Svetlana Ivanovna (Sochi, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher at Federal Research Center The Subtropical Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (2/28, Yan Fabritsius st., Sochi, 354002, Russia, e-mail: mishulsv@yandex.ru).

Matova, Natalia Ivanovna (Sochi, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Branch of the Institute of Natural and Technical Systems (99/18, Kurortny av., Sochi, 354024, Russia, e-mail: lelj06@yandex.ru).

Поступила в редколлегию 10.03.2020.

После доработки 23.04.2020.

Принята к публикации 24.04.2020.

© Мишулина С.И., Матова Н.И., 2020

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2020 г.

Региональная политика и экономические проблемы федерализма		
<i>Санеев Б.Г., Соколов А.Д., Музычук С.Ю., Музычук Р.И.</i> Влияние реализации восточного вектора энергетической стратегии России на энергоэффективность хозяйственного комплекса Байкальского региона	1	3–27
<i>Темир-оол А.П.</i> Прогнозирование долгосрочной стратегии социально-экономического развития Республики Тывы на основе интервальной межотраслевой модели	1	28–43
<i>Мелентьев Б.В.</i> К вопросу о народно-хозяйственной эффективности	2	3–21
<i>Котов А.В.</i> Методический подход к определению умной специализации регионов России	2	22–45
<i>Суслицын С.А.</i> Региональная спецификация макроэкономических целевых параметров прогноза развития России	3	3–29
<i>Минакир П.А., Найден С.Н.</i> Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов?	3	30–61
Экономические проблемы развития регионов		
<i>Кравченко Н.А., Халимова С.Р., Иванова А.И.</i> Сектор информационно-коммуникационных технологий в России: тенденции и региональные детерминанты развития	1	44–76
<i>Горячко М.Д., Демидова К.В.</i> Интегральная транспортная доступность районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей Красноярского края	1	77–96
<i>Малева Т.М., Карцева М.А., Кузнецова П.О., Салмина А.А.</i> Меняет ли применение альтернативных методик картину неравенства в регионах России?	2	46–76
<i>Пятаев М.В., Сизов А.Н.</i> Совершенствование постановки базовой ОМММ-ЖДТ с целью повышения ее гибкости при оценке крупномасштабных железнодорожных проектов	2	77–91
<i>Унтура Г.А.</i> Региональная кооперация науки, высшего образования и бизнеса: национальный проект «Наука»	3	62–96

<i>Дупленко Н.Г., Годушко Е.А.</i> Оценка региональной асимметрии развития цифровой экономики в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации	3	97–116
<i>Коломак Е.А., Незавитина А.О.</i> Оценка роли крупных городов и агломераций в городской системе России (на примере рынка жилья)	4	3–22
<i>Хржановская А.А.</i> Религиозная неоднородность: барьер или фактор экономического развития регионов России?	4	23–43
Социальные проблемы регионального развития		
<i>Долженко Р.А., Лобова С.В.</i> Поиск базовых детерминант миграционного поведения молодежи	1	97–118
<i>Лищук Е.Н., Капелюк С.Д.</i> Анализ востребованных профессий на рынке труда: региональные особенности	1	119–152
<i>Бессонова О.Э.</i> Роль института жалоб в современной практике управления	2	92–111
<i>Чикилева Е.Н.</i> Тенденции и условия развития дополнительного профессионального образования в России: социологический анализ (на примере Белгородской области)	2	112–136
<i>Моисеева Д.В., Дулина Н.В., Намруева Л.В.</i> Финансовое поведение населения региона в зеркале экономики и социологии (на примере Республики Тывы и Республики Калмыкии)	2	137–167
<i>Калугина З.И.</i> Социальные риски развития Сибири	3	117–134
<i>Гаврильева Т.Н., Томаска А.Г., Набережная А.Т., Бочоева Р.И.</i> Многомерная оценка бедности на основе социологического опроса сельского населения Республики Саха (Якутия)	3	135–164
<i>Дружинин П.В.</i> Особенности расселения населения в России и Финляндии: влияние географических факторов и университетов	3	165–189
<i>Егоров Д.О.</i> Новый российский демографический кризис и его сельско-городская проекция (на примере Республики Татарстан)	3	190–217
<i>Черкашина Т.Ю., Мосиенко Н.Л.</i> Пространственная мобильность населения внутри и за пределы региона: социальные и инфраструктурные факторы неравенства	4	44–77
<i>Низамутдинов М.М., Орешиников В.В.</i> Разработка комплекса эконометрических моделей влияния социальной инфраструктуры на параметры демографического развития регионов России	4	78–99
<i>Волков С.К., Кетько Н.В.</i> Сельские территории современной России: тренды развития и механизмы трансформации (на примере Волгоградской области)	4	100–122

Региональные и межрегиональные аспекты структурной и инвестиционной политики

<i>Самусенко С.А., Поподько Г.И., Зимнякова Т.С.</i> Эмпирический анализ дефектов инновационных систем	1	153–176
<i>Шевелев А.А., Квактун М.И., Вировец К.С.</i> Влияние денежно-кредитной политики на инвестиции в макрорегионе Сибирь	2	168–197
<i>Пыжсева Ю.И., Лапо Е.В., Сырцова Е.А., Пыжсев А.И.</i> Устойчивость развития регионов Дальнего Востока: оценка на основе истинных сбережений	2	198–224
<i>Ягольницер М.А., Колобова Е.А., Бурук А.Ф.</i> Оценка влияния развития кластеров на экономику региона	3	218–241
<i>Липатников В.С., Удалова А.А.</i> Влияние новой модели финансирования жилищного строительства на основе эскроу-счетов на характеристики сделок на рынке первичной жилой недвижимости	3	242–269
<i>Фадеева О.П., Нефёдкин В.И.</i> Аграрное землепользование в России и в регионах Сибири в условиях цифровой трансформации	4	123–150
<i>Быков А.А.</i> Факторы внешней среды, влияющие на состояние и развитие агропродовольственного рынка Сибири	4	151–174
<i>Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А.</i> Особенности развития хозяйствующих субъектов аграрной отрасли Пензенской области и Республики Татарстан	4	175–201

Трансграничные взаимодействия в Северной и Северо-Восточной Азии

<i>От главного редактора</i>	2	225
<i>Пармон В.Н., Крюков В.А., Селиверстов В.Е.</i> Трансграничные взаимодействия на Востоке России: научное сопровождение и задачи Сибирского отделения РАН	2	226–258
<i>Санев Б.Г., Иванова И.Ю., Халгаева Н.А., Батмунх С., Пурэвдорж Г., Онормаа Ц.</i> Ресурсные и энерго-экономические предпосылки использования возобновляемых источников энергии на трансграничной территории «Байкал-Хубсугул»	2	259–280
<i>Крюков В.А., Шмат В.В.</i> Нефтегазохимия на Востоке России – драйвер роста или балласт?	3	270–300
<i>Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А.</i> Инвестиции и трансграничная кооперация на Востоке России	4	202–234

Эколого-экономические проблемы регионального развития		
<i>Харионовская И.В.</i> Оценка состояния и перспектив использования лесных ресурсов в Республике Коми в соответствии с критериями устойчивого развития	1	177–199
<i>Блам Ю.Ш., Блам И.Ю.</i> К вопросу о развитии экотуризма в России	3	301–317
<i>Мишулина С.И., Матова Н.И.</i> Особенности проявления социально-экологической ответственности бизнеса в отечественной индустрии туризма	4	235–259
Проблемы местного самоуправления и муниципального развития		
<i>Новоселов А.С.</i> Институциональная среда социально-экономического развития муниципальных образований	1	200–232
Экономика предприятий		
<i>Трапезникова И.С.</i> Социальная ответственность предприятий угольной промышленности: анализ и интерпретация интересов стейкхолдеров	1	233–260
Научная жизнь		
<i>Селиверстов В.Е.</i> Урбанистика и городская экономика: теории, зарубежные и российские практики, обучение	2	281–302
<i>Онлайн-семинар «Экономика России и мира в условиях пандемии коронавируса 2020 года» (Н.А. Кравченко, А.Т. Юсупова)</i>	2	303–307

Всероссийский научный журнал
«Регион: экономика и социология»

Включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Включен в Реферативный журнал ВИНИТИ.

Полнотекстовая сетевая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах

Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> ,

Издательства Сибирского отделения Российской академии наук
<http://sibran.ru/journals> .

Содержание журнала, аннотации статей, ключевые слова и сведения об авторах на русском и английском языках публикуются в Интернете на сайтах журнала <http://recis.ru/> , Издательства СО РАН <http://sibran.ru/> , Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и на Федеральном образовательном портале <http://ecsocman.hse.ru/region> .

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес редакции и издательства:

630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru

Журнал распространяется только по подписке через агентства «Пресса России», «Урал-Пресс», АО «Международная книга-периодика» и Издательство СО РАН.
В розничную продажу не поступает.

Условия подписки публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals> .

Выпускающий редактор *С.Р. Халимова*

Редактор *Е.Б. Артемова*

Компьютерная верстка и техническое редактирование *Т.Г. Чуевой*
Перевод *В.О. Панна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ 17.06.1993 г. № 0110809.

Подписано к печати 18 ноября 2020 г. Выход в свет 18 декабря 2020 г.

Формат бумаги 60 84 1/16. Офсетная печать.

Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 15,0.

Тираж 185 экз. Заказ № 80. Цена свободная.

Отпечатано на участке оперативной печати ИЭОПП СО РАН,
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

The journal was first issued in 1963. It was published under the title of Bulletin of Siberian Branch of AS USSR: Social Sciences. In 1993, it was registered as an independent scientific publication, Region: Economics and Sociology. The journal is issued on a quarterly basis.

Publisher: Federal State Budgetary Scientific Institution
Institute of Economics and Industrial
Engineering (IEIE), Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences (SB RAS)

Founders: Siberian Branch RAS,
IEIE SB RAS,
Executive Office of the Interregional
Association «Siberian Accord»

Editor-in-Chief

V.E. Seliverstov, Doctor of Economics, e-mail: sel@ieie.nsc.ru

Deputy Editors-in-Chief

T.Yu. Bogomolova, Candidate of Sociology, e-mail: bogtan@rambler.ru

V.I. Suslov, Corresponding Member of the RAS, e-mail: suslov@ieie.nsc.ru

Managing Editor

S.R. Khalimova, Candidate of Economics, e-mail: sophiakh@academ.org

Executive Editor

E.S. Kopylova, e-mail: yes@ieie.nsc.ru

Members of Editorial Board

J. Bański, Doctor of Sciences (Poland); *B. Batbuyan*, Doctor of Sciences (Mongolia); *J. Bachtiler*, Professor (UK); *N.D. Vavilina*, Doctor of Sociology (Russia); *T.S. Vertinskaya*, Candidate of Economics (Belarus); *V.M. Heyets*, Member of the National Academy of Sciences (Ukraine); *B.S. Zhikharevich*, Doctor of Economics (Russia); *E.A. Kolomak*, Doctor of Economics (Russia); *N.A. Kravchenko*, Doctor of Economics (Russia); *Zh.A. Kulekeev*, Candidate of Economics (Kazakhstan); *V.V. Kuleshov*, Member of the RAS (Russia); *Yu.G. Lavrikova*, Doctor of Economics (Russia); *V.N. Leksin*, Doctor of Economics (Russia); *L.V. Melnikova*, Candidate of Economics (Russia); *P.A. Minakir*, Member of the RAS (Russia); *N.N. Mikheeva*, Doctor of Economics (Russia); *A.S. Novoselov*, Doctor of Economics (Russia); *I. Pálné-Kovács*, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Hungary); *A.N. Pelyasov*, Doctor of Geography (Russia); *B.N. Porfiriev*, Member of the RAS (Russia); *B.G. Saneev*, Doctor of Engineering (Russia); *S.V. Soboleva*, Doctor of Economics (Russia); *S. Tabata*, Professor (Japan); *G.A. Untura*, Doctor of Economics (Russia); *O.P. Fadeeva*, Candidate of Sociology (Russia)

Publisher's address: 17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

© IEIE SB RAS, 2020

© SB RAS, 2020

Индекс 43708 (каталоги «Пресса России» и «Урал-Пресс»)

В следующем номере журнала будут опубликованы статьи:

- Российские регионы и федеральный центр в противостоянии глобальным угрозам: год борьбы с пандемией коронавируса
- Доходы региональных бюджетов: структура и стимулы к увеличению
- Оценки капитала здоровья для российских регионов в 2004–2018 гг.
- Потенциал взаимодействия работодателей и вузов (на примере уральского региона)
- Семейное положение и самораскрытие в профиле социальной сети
- Игровой подход и экспертные технологии при оценке общественной эффективности крупномасштабных регионально-транспортных проектов
- Зоны влияния городов Дальнего Востока: анализ и перспективы
- О политической географии российского приграничья в условиях глобализации: теория, вызовы, решения
- Вклад институтов образования в рейтинговые позиции городов и городских агломераций как мера оценки их конкурентоспособности
- Циркулярные бизнес-модели в нефтяной промышленности
- Системная капитализация активов компании как инструмент экономического стимулирования повышения эффективности ее деятельности

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

Каждой статье присваивается **индекс DOI** – идентификатор цифрового объекта.

С правилами для авторов и требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на официальном сайте журнала «Регион: экономика и социология» <http://recis.ru>.

Полнотекстовая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и Издательства СО РАН <http://sibran.ru/journals>.

Условия подписки на бумажную версию журнала или полнотекстовую сетевую версию в Интернете публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals>.

Подписку на журнал также можно оформить во всех почтовых отделениях России, стран СНГ и Балтии по Каталогам газет и журналов агентств «Пресса России» и «Урал-Пресс» (индекс 43708).

Журнал издается ежеквартально на английском языке с названием ***«Regional Research of Russia»*** и включает переводы статей по региональной экономике, региональной социологии и другим направлениям региональных исследований. Журнал «RRR» включен в Международную базу данных **Scopus**. Для подписки на «RRR» следует обращаться в издательство Springer (www.springer.com, e-mail: journals-ny@springer.com).

Журнал «Регион: экономика и социология» включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.